

2.6.89 (2. Рос - 4 Тюм)

Л 84

ШОК

лько

раеведение

2009

Вып. 3

апрель

«...в губернии Иркутскую и Томскую нельзя посылать таких олухов, **только в нашем захолустье все терпят, и по-прежнему наезжают сплошь негодяи.** Подумать только, что единственная надежда на избавление от этого Тройницкого — возможность, что лет через пять **его сделают куда-нибудь губернатором** (вот бедная-то губерния, жаль ее от души), но скажите, где взять же мне сил еще терпеть и терпеть? Как быть? Что делать? **Эти два негодяя творят, что хотят.** Раньше всегда было так, что **один лучше, другой хуже, и лавировали между губернатором и вице,** удавалось хоть о местных делах писнуть. **Теперь оба хуже...**»

Мария Костюрина

26.89/2Рос-4Тюм)

184

Издание появляется перед читателем в новом формате... Как и было обещано в первом номере, мы перешли к публикации лишь документальных материалов, касающихся истории края.

Значительная часть выпуска подготовлена работниками музейного комплекса им. И.Я. Словцова — случай для краеведческого издания небывалый. Имя, которое носил музей, удалось вернуть, но говорят, что пришлось проститься с ежегодником «Земля тюменская». Ощущение такое, что стояла проблема выбора: или-или? Этакая радикальная демократия в действии. И сотрудники тут же начали искать пристанище для своих изысканий. Это еще ничего. Работники Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (слово «государственного» выпущено в соответствии с существующей ситуацией) начинали с поиска другого места работы. Как видим, музейное дело юга области, так же как и «Лук & Чок», свалилось в новый формат.

Сойдемся во мнении, что все ищут новые формы выражения, которая для коллективной памяти, очевидно, безразлична. Попробуем и мы, читатель, вкусить нового плода. Хотя второй выпуск и так разошелся весь...

Ю. Мандрика,
редактор стенной газеты
«Лук & Чок»

Журнал издается с апреля 2008 г.

Периодичность — по мере накопления материала

Учредитель

Ю. Мандрика

Издатель

ООО «Издательство

Юрия Мандрики»

Главный редактор

Ю. Мандрика

Адрес редакции

(для переписки):

625003, г. Тюмень, ул. Республики, 10/2/

Тел. (8) 922-48-369-48

e-mail: lukitsch_mandr@mail.ru

№ 3

Подписано в печать 17.08.2009.

Формат 84x108/32.

Гарнитура «AbbatMix».

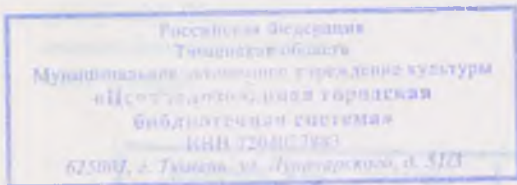
Трафаретная печать.

Бумага офсетная 80 г/м².

Усл.-печ. 9,87.

Уч.-изд. 7,8.

Тираж 130. Заказ № 47.

Корректоры М. Кремлева

Н. Тиунова

Оператор ПЭВМ Н. Нохрина

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Издательство Юрия Мандрики»

Повесть о пережитом

(Воспоминания Л.Н. Бурковой)

Тюменцам хорошо известен «Дом Буркова» по ул. Дзержинского. Он есть и на открытках старой Тюмени, утопающий в садах. Раньше улица так и называлась — Садовая. А вот о самих Бурковых, бывших хозяевах усадьбы, почти ничего неизвестно. В советские времена не принято было вспоминать «толстосумов», даже их потомки не знали всей правды, чтобы не оказаться в списке врагов народа. Когда же наконец захотели узнать всю правду, то оказалось, что ее и спросить-то не у кого. Разбросала судьба близких людей по разным странам и городам — тех, кому повезло, кто остался в живых. А их правнукам хочется узнать правду о своей семье, какого они роду-племени.... Мне же повезло в том, что судьба свела с замечательным человеком, внучкой того самого купца Василия Петровича Буркова, который построил дом на Садовой улице в Тюмени. Лидия Николаевна Буркова живет в Иркутске, ей уже 85 лет, но дом своего детства и все, что в нем происходило, она помнит довольно отчетливо.

Л.А. Типикина

Предки со стороны Буркова Василия Петровича были крепостными крестьянами одной из деревень Пермской губернии. Все крестьяне, живущие в этой деревне, были Бурковы, отсюда и деревня называлась Бурковская. Трудно сейчас сказать — от фамилии жителей пошло название деревни или фамилия пошла от названия деревни.

Петр Бурков (отчество неизвестно) — прадедушка Лидии Николаевны — приблизительно родился в первой четверти XIX века. Конечно, он не родоначальник фамилии, но о более ранних корнях сведений нет.

Биографические сведения о Петре объясняют разрыв его с пермскими родственниками. Прадед был с твердым и запальчивым характером, физически сильным и работающим, но несправедливость управляющего помещьем в конце концов привела к ссоре (это было в конце 1840-х). Дело дошло до помещика, который, как настоящий крепостник, встал на сторону управляющего. Петра ждало жестокое наказание. Узнав об этом, он решил бежать в Сибирь. Путь из Центральной России шел через Пермскую губернию: в основном по нему везли в Сибирь осужденных на каторгу, бежали туда через Бурковскую деревню холопы от крепостной зависимости.

Огромные просторы Сибири, дремучая тайга были незаселенные. Край нуждался в людях — в основном жителями были бывшие каторжане, ссыльные, беглые от крепостной зависимости крестьяне, служивых людей было меньше, в основном потомки ермаковских казаков, государственные чиновники, поселенцы — временные жители.

Семья Бурковых в то время состояла из трех человек: отец, мать и сын-подросток. Бегство Петром было тщательно продумано.... Его не сразу хватились: ушел на охоту и не вернулся. Через несколько лет он тайком явился, когда сын уже подросток. Прожил он на родине три дня и простился с ней навсегда. Перед уходом родители сообщили сыну, что его с собой не возьмут, т.к. путь опасный, а в родной деревне отца все считают погибшим и семью не трогают. Поползли слухи, что мать пропала... Долго еще односельчане сокрушались о гибели своих соседей, но постепенно привыкли. Приспособился к жизни и сын Петра. По семейной легенде, его потомки после реформы 1861 г. встречались с Василием Петровичем Бурковым (сыном, родившимся уже в Сибири).

Петр увез жену в сибирскую маленькую деревушку, в небольшую избу из сосновых бревен, огороженную со всех сторон крепким забором. В хозяйстве была кое-какая живность и даже ко-

рова. Постепенно эта маленькая деревушка выросла и, вполне вероятно, стала называться Малоокрасноярской — родиной почти всех внуков Петра.

П. Бурков в Сибири стал свободным человеком: лес бесплатный — руби сколько нужно. Участок земли раскорчевал — это твоя пахотная земля. Все твое — дрова, сено, орехи, грибы, только не ленись, работай. Он считался уже зажиточным мужиком, когда дети его (Василий и Ольга, родившиеся в Сибири) были еще маленькие. Надо сказать, что знакомство с сибиряками оказало большое влияние на безграмотного, ничего не видевшего в жизни холопа. Сын Василий окончил пятилетнюю приходскую школу. Они с сестрой росли в любви и ласке, любили животных, ухаживали за ними. Василий Петрович до последних дней своей жизни имел особое пристрастие к лошадям и передал эту любовь своим сыновьям.

Василий Петрович Бурков родился приблизительно в 1851, умер в 1910 году. Торговал он главным образом зерном и мукой, нанимая небольшие суда. По берегам рек жили рыбаки, дед снабжал их самым необходимым. Одно время даже имел свой пароходик, который был назван в честь старшего сына «Мишуткой». Несколько лет ходил «Мишутка» по большим рекам Сибири и исправно работал на своих хозяев; когда же понадобились деньги, судно продали.

С этим пароходиком у Лидии Николаевны связаны такие воспоминания. В 1960-е гг. она с родителями была в Тюмени у тетушек в гостях и узнала, что «Мишутка», уже переименованный название, все еще ходит по рекам Сибири. Николай Васильевич (отец Л.Н.) с гордостью говорил, что пароходы его детства и юности уже давно списаны, а этот все работает. Вот еще одно подтверждение тому, что делалось все качественно, именно это свойство характера Василия Петровича привлекало к нему людей и вызывало уважение. Наверное, XX век не обрадовал бы его, останься он в живых, а скорее огорчил; и неизвестно, сумел бы он пережить все то, что случилось в семье в дальнейшем.

...Годы шли. Репутация деда укреплялась, круг знакомств расширялся. Пожалуй, именно в эти годы завязалось деловое знакомство с богатым крестьянином — Венедиктом Петровичем

(фамилия неизвестна), которое переросло в дружбу, доверительную с обеих сторон. Позднее эти отношения стали почти родственными.

Разбогател Венедикт Петрович от продажи муки и зерна. Окрестные крестьяне относились к нему уважительно не потому, что он был богат, но за доброту и готовность помочь. После смерти жены на нем остались дети разного возраста, старшей дочери было 15 лет.

На ту пору в конце деревни поселились молодые муж с женой, изможденные работой и болезнями, — Иван и Мария. Откуда они пришли — никто не знал (сибиряки в те годы не интересовались прошлым соседей, понятно почему), жили бедно, обособленно. Когда Иван умер, его единственной дочери (Евдокии), родившейся в этой избенке, было несколько месяцев. Венедикт Петрович решил поправить свои хозяйские дела с помощью женитьбы и остановил свой выбор на молодой вдове. Так Мария попала в богатый дом. Дуню сам Венедикт Петрович принес к себе домой и назвал дочерью. Другие его дети тоже считали Дуню за сестру. К сожалению, Мария недолго прожила на свете: она умерла, когда дочери исполнилось полтора года.

Кстати сказать, Евдокия Ивановна всегда говорила, что ее мать была сердечницей и передала эту болезнь ей по наследству, поэтому она рано умрет, оставив мужа с кучей детей. Она даже взяла слово со своей приятельницы, что та выйдет замуж за Василия Петровича, когда тот останется вдовцом. Но судьба рассудила иначе.

Дуня после смерти матери осталась в доме Венедикта Петровича и его третьей жены. О мачехе Евдокия никогда не говорила, а об отчине все ее дети вспоминали с теплотой и уважением, даже в старости. Сирота попала в хороший дом, где к ней относились, как к родной. Однажды случайно она услышала, как отчим выбирал женихов для своих родных дочерей, и вдруг заявила, что ей нравится Василий Бурков. В то время Василию Петровичу было 37 лет, а Дуне только 17, но она настояла на своем. После разговора с отчимом Василий Петрович стал чаще бывать у них в доме и обращать внимание на девушку, чего раньше не было.

Они поженились в 1888 (?) году и поселились в деревне Малокрасноярской у родителей Василия Петровича. Евдокия Ивановна пришла в зажиточный дом и прожила в нем 10 лет, родив 6 сыновей.

Бизнес Василия Петровича процветал, дела уже выходили за рамки Сибири: были связи с японскими, китайскими и среднеазиатскими купцами, что давало возможность заниматься и благотворительностью. Авторитет его возрастал.

Евдокия Ивановна оказалась хорошей хозяйкой, внимательной к родителям мужа, в то же время поддерживала связи с семьей Венедикта Петровича, особенно с Натальей, которая вышла замуж за тюменского купца Новоселова и стала жить в Тюмени. Переезд Натальи в Тюмень подтолкнул и Евдокию переехать в город. Во-первых, детей надо учить, а в Тюмени — две гимназии (мужская и женская), Александровское реальное училище. Во-вторых, надо было подумать о Николае и Грише — их надо было серьезно лечить, а в городе три врача. Следовало подумать и о делах мужа, в городе больше возможностей.

К началу XX в. В.П. Бурков считался уже не крестьянином, а каинским мещанином («Разносной список лицам ...имеющим право участвовать в ...выборах по Тюмени на ...1903–1906 гг.»), впоследствии стал числиться тарским купцом 1-й гильдии. В упоминавшемся уже «Разносном списке» сообщается, что имуществом в Тюмени В.П. Бурков владел с 30 сентября 1899 г.

Первые годы жизни в Тюмени Бурковы были заняты обустройством на новом месте. На Садовой улице был куплен участок земли (планировались дом, магазин и место для кладовых). На купленной территории был оставлен небольшой, но удобный домик (три комнаты, кухня), который принял семью на житье, правда, не в полном составе — малыши и беременная Евдокия Ивановна расположились в доме Натальи Венедиктовны, а в купленном доме жил Василий Петрович со старшими сыновьями. Хозяину хотелось иметь не просто городской дом, а красивый особняк и снаружи, и внутри. Даже магазин был украшен восточным орнаментом. Теперь бывшие дом и лавка Бурковых находятся под охраной государства. В архивных документах упоминаются два дома «Василя Петровича». По «Спис-

ку домовладельцев г. Тюмени» от 31 марта 1898 г. В.П. Бурков (всего 6 чел.) проживал по ул. Садовой, 22, на пересечении с ул. Успенской, 17. Вторым дом В.П. Буркова, согласно этому списку, находился на углу ул. Иркутской, 13 и Серебряковской, 11 (здесь проживали 8 человек). (ГУТО ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 462. Л. 6, 8.)

Парадные комнаты были предметом особого внимания Василия Петровича. Гостиная — одна из самых красивых комнат. Она соединялась с залом красивой аркой с лепным узором и была окрашена голубой краской с серебристым отливом. Ее так и называли: «голубая гостиная».

Большая комната с камином — это кабинет хозяина. Особенно привлекал ребят камин. Когда его зажигали, они могли часами, не мигая и не шевелясь, смотреть на огоньки. Второй по значимости вещь в кабинете был большой шкаф с книгами: классика, много журналов, произведения молодых писателей, философские труды, даже нелегальная литература. К шкафу допускались не только старшие, малышам тоже разрешали взять любую книгу. Сам Василий Петрович любил читать, одно время даже издавал газеты в собственной типографии. Любовь к книгам он передал и детям.

Что касается типографии, то В.П. Бурков открыл собственное дело 19 июня 1906 г. «ввиду непригодности местных типографий к газетной работе». В 1911 г. его типография имела 35 пудов шрифтов, скоропечатную машину «Виктория», резальный станок, корректурный станок и реалы с красками. После смерти Василия Петровича его вдова продала типографию товариществу «А.А. Благинин и К⁰». (Коновалова Е.Н. Книгоиздание Тобольской губернии. Тюмень, 2002. С. 63, 69).

Рядом с залом, выходящим окнами на Успенскую улицу, находилась комната Евдокии Ивановны, выделявшаяся среди других черной дверью. Дверь эта не была окрашена — она была сделана из черного дерева. По иронии судьбы Лидия Николаевна в 1920-е годы ходила в детский сад в бывший дом своего деда. Она вспоминает, как дети любили часами смотреть в горящий камин... как их учили писать буквы и цифры на этой двери — она служила доской.

Выход в сад был через столовую с большой верандой, которая была как бы продолжением столовой. Разделялись они большими застекленными окнами и дверью. Широкая, но не длинная лестница вела из сада на веранду, бывшую любимым местом отдыха бабушки, а так как младшие дети большую часть времени проводили около матери, то ясно, что в столовой, на веранде и в саду летом собиралась вся семья. Всего в доме вместе с большой прихожей, меблированной соответственно назначению (здесь стояли вешалки, столы, диваны и кресла, на стенах висели зеркала), было восемь комнат. В цокольном этаже была кухня, комнаты для прислуги. Здесь же хозяин принимал посетителей.

Рабочий день В.П. Буркова был уплотнен. С 1903 по 1910 гг. он избирался товарищем городского головы (1905), был членом попечительского совета Владимирского сиропитательного заведения (1907), женской гимназии (1905–1910), почетным блюстителем тюменского Александровского реального училища (1905–1908). За разностороннюю общественную деятельность награжден был золотой медалью на ленте ордена Святослава. Принимал деятельное участие в «Товариществе тюменских электростанций» совместно с купцом Жернаковым.

Василий Петрович принимал участие и в делах Тюменского общественного банка: в 4-летие с 1903 по 1907 годы. Почти ежегодно с 1903 по 1910 (год смерти) избирался членом временного отделения Тюменского банка на Ирбитской ярмарке. Кроме того, был членом подготовительной комиссии по обсуждению способов, которыми можно было привести финансовое положение города к лучшему (1904); членом комиссии по разработке обязательных постановлений об обеспечении нормального отдыха служащих в ремесленных заведениях Тюмени (1906); членом комиссии для предварительного рассмотрения городских приходно-расходных средств на 1909 и 1910 годы. (ГУТО ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 66. Л. 26 об.–30.)

В 1909 г. его выбрали членом присутствия по квартирному налогу. Привлек он к участию в общественной деятельности и Евдокию Ивановну. В 1906 г. ее ввели в комитет Владимирского сиропитательного ремесленного училища сроком на четыре

года. По истечении срока вдову оставили на следующий срок (ей предложили работать даже после смерти мужа).

Торговые дела его тоже процветали: торговля расширялась, множились деловые связи не только по России, но также с японскими, монгольскими и китайскими купцами.

Увеличив капиталы, он начал заниматься благотворительностью. Даже в советские годы старожилы города одну из бывших приходских школ называли «бурковской». Он помогал ей деньгами, подарками к праздникам (корзины с домашней выпечкой привозили в школу), посылал рабочих для ремонта здания. Точно Лидия Николаевна не помнит, где эта школа находилась, но в середине XX в. одна из автобусных остановок в Тюмени называлась «Бурковская школа». Своему доверенному Шиленкову за его 20-летнюю безупречную работу Василий Петрович подарил двухэтажный дом с флигелем и необходимыми постройками. Этот дом в 1960-е гг. еще стоял, весь почерневший и без флигеля.

Василий Петрович был почетным гражданином Тюмени и очень этим гордился. В 1904–1905 гг. он помог организовать клуб для рабочих: отвел помещение в собственном доме (в цокольном этаже выделил большую комнату), распорядился кормить всех, кто приходил в клуб: целые дни кипел самовар на кухне, всегда к чаю было что-нибудь съестное. Клуб работал ежедневно: рабочие дежурили, заседали, решали свои дела, проводили собрания.

Лидия Николаевна вспомнила один случай, который произошел в доме бабушки. Он характеризует взаимоотношения Василия Петровича с рабочими. Однажды в его отсутствие в дом ворвались несколько человек и потребовали денег. Подталкивая Евдокию Ивановну, прошли в кабинет, взломали ящики, взяли деньги и исчезли. В доме находилась прислуга, на первом этаже работал клуб, но все растерялись, а хозяйку просто трясло. После этого случая рабочие взяли охрану дома в свои руки, и пока власти не закрыли клуб, в доме было спокойно.

В.П. Бурков в Тюмени пережил и неприятности. Во время революции 1905–1907 гг. его арестовали, он просидел в тюрьме около года. Ему не предъявляли никакого обвинения, не допрашивали, а через год выпустили, ничего не объяснив. Пропуска-

ли в тюрьму только жену с обедами. С тех пор Бурковы каждое воскресенье кормили всех арестованных. Рассказывали, как радостно гудели камеры, когда приезжала повозка состряпней. Так было при жизни Василия Петровича, так было и после его смерти. Евдокия Ивановна продолжала посылать продукты каждую неделю вплоть до 1917 года.

После смерти Василия Петровича жизнь семьи круто изменилась. Еще недавно процветающая фирма была на грани разорения, вдова оказалась в трудном положении. Советников у нее не было: Венедикт Петрович умер, а его сыновья разъехались. Свои сыновья в помощники не годились. Михаил, Яков и Григорий уже окончили среднюю школу, но ничего не понимали в торговле и не интересовались ею.

Евдокия Ивановна в делах мужа не разбиралась. Документации почти не было, какие-то долговые расписки хранились в беспорядке в ящиках стола. Кладовые были полны товара на продажу. Приезжали какие-то люди без всяких документов, говорили, что товар оплачен. Так это было или нет — проверить было невозможно. Чтобы сохранить добрые отношения с людьми, она не разбираясь оплачивала долги (которых, может, и не было). Надо сказать, что это были небольшие суммы.

Евдокия Ивановна скоро поняла, что нужно поменять профиль работы. Она считала, что надеяться можно лишь на то, что видишь своими глазами. Значит, оставался один кирпичный завод. Он был небольшой, работал только летом (в теплые дни под открытым небом), но заказов было достаточно — прибыль была, хотя работали, бывало, всего 3–4 человека. Наличие завода подтверждается и архивными документами. По Тюмени на 1911 год числилось 19 промышленных предприятий, среди них — кирпичный завод В.П. Буркова. (ГУТО ГАТО. Ф. 57. Оп. 2. Д. 441а. Л. 1 об.)

Оставался еще особняк, который был готов купить купец Жернаков, но Евдокия Ивановна была против продажи, хотя сдать его в аренду (оставив себе только цокольный этаж, сад для детей и любимую веранду) была готова. В это время недалеко от Тюмени продавалась паровая мельница, не новая, но механизм был еще хороший. Купив ее, можно было спокойно жить, правда, не так

широко, но все-таки сохранить прежнее положение в обществе. Деньги нашлись: продали товар из кладовых, хотя и ниже себестоимости. Сыновья работали на мельнице с охотой, по очереди. Техника их привлекала давно, а премудрости включать и выключать механизм они научились быстро.

Узнав о мельнице, крестьяне, жившие недалеко от Тюмени, повезли сюда зерно. Евдокия Ивановна оказалась права: еще лет десять семья жила прилично. Наличие паровой раструсной мельницы у Е.И. Бурковой подтверждается документами Тюменского Губсовнархоза (ГУТО ГАТО. Ф. 57. Оп. 2. Д. 38. Л. 13–14.)

Тюменское купечество в первое время после смерти главы семейства с любопытством обсуждало их положение, постепенно меняя свое мнение о вдове, глядя на нее с одобрением и интересом, даже с уважением. Отец Лидии Николаевны (Николай Васильевич Бурков) всегда говорил, что купцы стали потом прислушиваться к ее мнению в решении некоторых общегородских вопросов.

В 1919 г., сдав имущество государству, Евдокия Ивановна уехала с сыновьями на восток, в места, где не было войны. Вернулись в родной город в 1922 г., когда война кончилась. Этим она спасла всех сыновей, кроме Якова, который был расстрелян как заложник. Евдокия Ивановна постарела и устала. Все невзгоды, выпавшие на ее долю, сказались на здоровье.

Старшие сыновья поступили на работу, Михаил, который не смог окончить институт из-за семейных неудач, войны и революции, вновь восстановился в вузе и вскоре получил диплом.

Приехав в Тюмень уже при Советской власти, семья поселилась в доме Шиленкова, т.к. особняк перед отъездом все же был продан купцу В.Л. Жернакову. Однако архивный документ «Список-справочник на лиц, бежавших с белыми в 1919 г.» факт покупки недвижимости Жернаковым не отражает. Жернаков Василий Лаврович значится по Ишимской ул., 1, а Буркова Евдокия Ивановна по ул. Тобольской, 11/14, хотя в деле № 38 Бурковой Е.И. упоминается и усадьба по ул. Садовой, 15 (ГУТО ГАТО. Ф. 57. Оп. 2. Д. 441а. Л. 5, 7).

Взрослыми стали уже младшие, девочки стали невестами. Одна только Евдокия Ивановна не смогла приспособиться к

Евдокия Ивановна Буркова.
Тюмень, начало XX в.

К публикации
**«Повесть о пережитом.
Воспоминания Л.Н. Бурковой»**
(с. 3–26)

Василий Петрович
и Евдокия Ивановна Бурковы.
Тюмень, конец XIX в.

Дом Буркова на Садовой. Тюмень, начало XX в.

Николай Васильевич
Бурков

Михаил Васильевич
Бурков

Екатерина Антоновна
Колокольникова-
Буркова

Венедикт Васильевич
Бурков. Тюмень, 1914 г.

Александр Васильевич
Бурков

Виктор Васильевич
Бурков

Е.И. Буркова с внуками. Тюмень. 1920-е гг.

(*Слева направо*) Лидия Николаевна Буркова со своими племянницами Аленой Коркиной и Любовью Венедиктовной. Иркутск, октябрь 2008 г.

новой жизни. Взрослые дети продолжали слушаться, нежно любили и уважали ее, считались с ее мнением и никогда не перечили ни в чем. Слово ее было законом для них. И все три невестки (Анна Дмитриевна — жена Якова, Екатерина Антоновна — жена Николая и Александра Ефимовна — жена Василия) уважали свекровь и всегда следовали ее советам. Умерла она в 1931 г., что явилось тяжелой утратой для всей семьи.

Григорий Васильевич Бурков (1893–198...)

Третий сын Василия Петровича, пожалуй, был одарен природой щедрее, чем другие дети. Григорий был красив в молодости, не потерял своей красоты и в пожилые годы. Детство и школьные годы прошли не так гладко, как хотелось, но и не так шумно, чтобы беспокоить родителей, главное — учился успешно. Правда, многое пришлось ему, получившему инвалидность в 16 лет, — он на охоте нечаянно прострелил себе руку в локтевом суставе.

Когда умер Василий Петрович, Грише исполнилось 17 лет — возраст, когда еще нуждаются в советах родителей, а он почувствовал свободу. Он вращался среди «золотой» молодежи Тюмени, времяпрепровождение которой проходило в развлечениях: играли в бильярд, карты (на деньги), на ипподроме. Григорий овладел в совершенстве этой премудростью и иногда даже бывал в выигрыше. Он был хорошим жокеем, поэтому принимал участие в скачках, ему доверяли купцы своих беговых лошадей. Любил поухаживать за женщинами (именно за дамами, а не за барышнями), так как воспитывался в семье, где строго соблюдались приличия: компрометировать девушку было нельзя, а жениться он не собирался. Женщины, за которыми ухаживали Григорий и его друзья, были бальзаковского возраста (вдовы, актрисы). Конечно, они были старше своих кавалеров, но с ними веселее пофлиртовать.

Евдокия Ивановна решила отправить Григория за границу, то есть одним выстрелом убить двух зайцев: вытащить сына из пагубной компании и иметь своего квалифицированного бухгалтера. Поездка в Лейпциг сначала радовала и сына, и мать. Был договор с немецкой фирмой, что сын будет изучать гео-

рию и практику счетоводства и учета, чтобы потом применять знания в торговых делах дома. А Григорий надеялся пожить на свободе. Однако Евдокия Ивановна узнала, что сын ухаживает за немками, играет в карты, занятия часто пропускает — словом, ведет такую же жизнь, как дома.

Прожил он в Лейпциге всего полтора года, получил навыки работы в бухгалтерии. Эти знания в недалеком будущем определили его профессию на всю жизнь. Вернувшись домой, молодой человек вскоре вынужден был принять участие в путешествии Тюмень—Иркутск и обратно. Где, когда, у кого жил Григорий во время гражданской войны — неизвестно.

В первые годы советской власти он завербовался на север в г. Березов, где работал по приему ценных шкур от местного населения. Уехал в Петербург, через год вернулся с женой, но ей Тюмень не понравилась, и они уехали обратно в Питер.

Можно только догадываться, что 1930-е гг. Григорий Васильевич провел в тюрьмах, так как он появился в Свердловске в 1956 г., был реабилитирован, поехал в Тюмень, пожил у сестер, потом женился на вдове, певице из хора ветеранов. Во время визита к Григорию Васильевичу родные поняли, что он несчастлив в браке. Последнее письмо пришло от Григория перед смертью, и все поняли, что он прощался не только с ними, но и с жизнью. В конце письма — просьба ему не писать, ответа не будет.

Вывод Лидии Николаевны такой: дядя Гриша прожил не так, как хотел. Несмотря на большое количество друзей, женщин, под конец жизни он остался один, никому не нужный. Фигура трагическая, но не единственная в семье. В первом браке у Григория был сын Валерий, который погиб на войне 1941–1945 гг.

Николай Васильевич Бурков (1894–1968)

Николай Васильевич Бурков — четвертый сын В.П. Буркова, отец Лидии Николаевны. Родился 19 мая 1894 г. в деревне Малокрасноярской. На руках Евдокии Ивановны было крестьянское хозяйство, домашние дела, четверо маленьких детей и престарелые родители мужа.

В памяти Николая Васильевича сохранился один летний теплый день: большой двор с курами, утками, гусями, а рядом

играют дети. На крыльце избы сидит старенький, аккуратно и чисто одетый дед и не отводя глаз смотрит на внуков. Так он мог сидеть долго, но всегда молчал. Это был тот самый беглый крепостной Петр.

С пяти лет у Николая стала болеть нога, с годами все сильнее. Он не помнил, ударился ли сам или кто-то его ударил. Взрослые не сразу обратили внимание на ребенка, увидели лишь когда открылась рана. Деревня была далеко от города, поэтому лечили знахарки. В городе поставили диагноз — туберкулез бедренного сустава. Николай большую часть детства провел на кровати, да и взрослым часто хворал. Родители ему все прощали. Поэтому он рос избалованным, капризным, взбалмошным и ленивым.

Учился Николай неплохо, особенно давались математические науки, увлекался историей, много читал, любил стихи, но все-таки русский язык и литература давались нелегко. Николай мечтал после школы поступить в технический вуз. В Петербурге, куда он уехал учиться, прожил всего год, так как сырой климат вынудил его возвратиться домой. Подлечившись, на следующий год он поехал уже в Киев, но вскоре началась Первая мировая война, затем революция — пришлось вернуться домой.

В 1919 г. Николай уехал с матерью из Тюмени. Евдокия Ивановна поняла, что лучше бросить все, но сохранить детей. Семья уезжала на восток в условиях всеобщей разрухи. Случайно Коля отстал от поезда, в котором ехала семья, и дальнейший путь его продолжился в поезде-госпитале для тифозных больных. «Санитар» — первая запись в его трудовой книжке. Так началась его самостоятельная жизнь.

Добравшись до Иркутска, он остановился на ст. Иннокентьевской (теперь Иркутск II), потом уже узнал, что мать живет в Минусинске. Однажды зашел к жившим в Иркутске землякам Колокольниковым, потом стал бывать у них чаще. По дороге в Тюмень встретился с братом Василием, которого еще раньше приютили знакомые крестьяне. Василий пас у них коров. Возвращаясь в начале 1920-х гг. домой, Евдокия Ивановна собрала всю семью.

В Тюмени жить было непросто. Гражданская война разрушила производство, неурожаи привели к голоду, революция конфисковала все, чем жили.... К новым условиям жизни женщина

приспособиться не смогла. Сыновья были уже взрослые, на работу им помог устроиться А.А. Шиленков, бывший доверенный Василия Петровича, который жил в подаренном хозяином доме. По возвращении домой Евдокия поселилась на первом этаже этого дома и жила здесь до ареста сына Миши, т.е. до 1937 года. Дом, возможно, еще стоит на Тобольской, теперь Комсомольской улице. Похоже, что этот адрес Е.И. Бурковой обозначен в делах Тюменского Губсовнархоза от сентября 1919 г., а именно угол ул. Тобольская и Водопроводная, д. 11/14. В описях имущества перечисляется «посуда разная, иконы, картины... одежда, перины, белье... в (т.ч. сундук с детскими чепчиками батистовыми, платьями, нагрудниками кружевными, костюмами маскарадными). Имеется скот, осталось от бежавших бывших владельцев мельницы Бурковых — один бык и одна корова, еще 2 коровы, 4 свиньи...» (ГУТО ГАТО. Ф. 57. Оп. 2. Д. 38. Л. 40–47).

В 1922 г. Николай Васильевич Бурков решил жениться на дочери Колокольниковых Екатерине Антоновне (мать Лидии Николаевны). Предложение было сделано письменно, согласие получено. 5 августа 1923 г. молодые венчались в Иркутске. Свадьба была скромная: наряд для невесты перешли из материнского платья, единственным достоинством которого был белый цвет. А вот на туфли братья жениха собрали деньги и переслали в Иркутск в качестве свадебного подарка. Жених венчался в рубашке брата Василия, своей не было.

Через несколько дней молодые уехали в Тюмень. Евдокия Ивановна радостно приняла новую невестку и в дальнейшем очень хорошо относилась к ней, поверив, что Катерина заменит ее в уходе за больным сыном, не бросит его и не предаст. Мама тоже любила свекровь. Настала самостоятельная семейная жизнь — стали нужны деньги. В Березов уже за длинными рублями уехал Григорий Васильевич, но, прожив там год, стал искать себе замену. Николай решил заменить брата, и в том же году молодые на пароходе поехали в Березов. Там родился первый сын Александр. Прожили они на севере год, затем вернулись в Тюмень.

Служебная карьера Николая Васильевича была простой: от счетовода до главного бухгалтера за 4–5 лет. С 1934 г. его на-

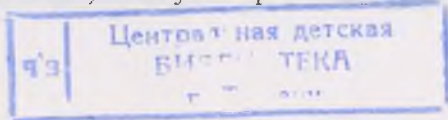
значили главным бухгалтером в Тюменском местпроме, и проработал он в этой должности на разных предприятиях до 74 лет.

В 1934 г. областной центр перевели в Омск, где спустя полгода Н.В. Буркову посоветовали самому уйти с работы. Причина — заметка в омской областной газете «Добрые дяди в Облместпроме». В статье сообщалось, что еще до революции сын тюменского купца (имя и фамилия были указаны) избил костью подростка, работающего у них, что теперь этот потомок «бывших» занимает должность главного бухгалтера в Омском местпроме, что не мешало бы проверить, нет ли нарушений в денежных делах бухгалтерии местпрома. В результате все бумаги передали в прокуратуру, так как сами не могли найти ничего преступного. Все-таки хорошо, что это был 1934, а не 1937 год, когда начались массовые аресты безвинных людей.

Дело вела следователь Омской городской прокуратуры Можальская, основой расследования была газетная статья. Следствием было установлено, что никаких злоупотреблений в финансовой работе и использовании сумм бюджета не было. Дело было прекращено «за отсутствием состава преступления». Николай Васильевич по совету братьев решил уволиться и стал подумывать об отъезде из Омска. На семейном совете обсуждались два города: Иркутск и Свердловск.

Брат Василий, живший в Свердловске, нашел для Николая работу с квартирой. В Иркутске жили мамы родственники, тоже было где остановиться. Решили ехать в Свердловск, причем Николай Васильевич должен был уехать один, а когда устроится, привезти семью. Но в самый последний момент, уже у билетной кассы, он изменил свое решение и купил билет до Иркутска. Жена была недовольна его решением, но это ничего не изменило: Николай уехал в Иркутск, а она ему этого не простила. Ее нежелание жить в Иркутске объяснялось тем, что жизнь в Тюмени и Омске была значительно дешевле. Семья материально жила там лучше даже на одну мамину зарплату, когда Николая отстранили от работы.

В Иркутске он почти сразу устроился в «Коопинсоюз» (Кооперация инвалидов), где работал с 1935 по 1949 гг., потом — в пищепроме (1949–1968). Поступила работать машинисткой в

Госбанк и Екатерина Антоновна. Город оказался действительно дорогим — денег им все равно не хватало.

1937–1939 гг. оставили у многих семей ужас в памяти. Отразилось это, конечно, и на семье Бурковых, особенно на Николае Васильевиче. Только что он перенес стресс в Омске, а теперь в Иркутске... Получили сведения из Тюмени об аресте Михаила Васильевича. Зная хорошо старшего брата, Николай был в панике, а через неделю пришло сообщение, что по обвинению в шпионаже в Омске арестованы братья Александр и Виктор. Все трое были расстреляны. Больше о них ничего неизвестно, кроме того, что в 1956 г. их реабилитировали посмертно.

Постоянное нервное состояние, ожидание ночью и днем «непрощенных гостей» привело к тому, что боли у Николая стали появляться часто и проходили мучительнее, чем в Тюмени. Жена отдавала ему все свободное от работы время, часто усаживала маленькую Лиду около него, а угодить папе в такие периоды было невозможно. Поэтому дети всегда оказывались на втором плане, а папины желания выполнялись без рассуждений.

1941–1945 гг., особенно первые годы, были трудными и голодными. Постепенно изменилось положение на фронте, потом и чувство голода исчезло. Облегчением для Николая Васильевича было известие о сыне, который служил на востоке и не участвовал в боях.

В 1946 г. Лидия Николаевна поступила учиться в Иркутский государственный университет на историко-филологический факультет, филологическое отделение. Окончила в 1951 году. В середине 1950-х гг. демобилизовался ее брат Александр и приехал с семьей в Иркутск. Постепенно жизнь стала такой же, как до войны, спокойствие в семью внес 1956 год — год реабилитации папиных братьев. Но горечь утраты осталась у родных на всю жизнь.

С возрастом отец стал больше считаться с мнением дочери, говорил, что Александр — отрезанный ломоть, а дочери помощь не нужна. Умер Н.В. Бурков на руках у Лидии Николаевны 20 ноября 1968 года.

Венедикт Васильевич Бурков (1897–1986)

Венедикт Васильевич Бурков — пятый сын В.П. Буркова, родился в 1897 г. в дер. Малокрасноярской Тобольской губернии. С 1 августа 1905 г. по 1 апреля 1914 г. учился в Александровском реальном училище, причем только на пятерки. За отличные успехи и примерное поведение получил золотую медаль. Это событие запечатлено на фотографии.

В 1915 г. Венедикт поступил в Петроградский электротехнический институт. После успешного окончания 1-го курса был награжден «50-процентной льготной оплатой за обучение» (так сказано в документе). Это было в 1916 г. — шла Первая мировая война и студент устроился на работу чертежником на военный завод «Арсенал Петра I». Институт после Февральской революции 1917 г. закрыли, учиться дальше не пришлось.

Венедикт вернулся в Тюмень, но мечта окончить электротехнический институт его не оставляла. Потом, уже при большевиках, он вновь пытался поступить в вуз, но ничего не получилось — виной всему было его происхождение.

В Тюмени случилось так, что дядя оказался в армии Колчака, причем совершенно случайно. Летом 1918 г. выехал на охоту в с. Муллаши (30 км от Тюмени) и встретил всадников, которые, услышав его фамилию, поинтересовались, нет ли у него брата Якова. Узнав, что они служили в одной части с Яковым, уехал с новыми знакомыми. В армии Колчака он сначала был телефонистом, связистом, потом получил офицерский чин — прапорщика. Это была 4-я дивизия, которая прошла путь от Тюмени до Ижевска, где и сдалась Красной армии.

Командование большевиков направило Венедикта (как пленного) преподавать математику в Киренск и работать конторщиком районного продовольственного комитета. В июле 1920 г. его отправили сначала в Иркутск (прожил в военном городке до сентября), потом в село Листвянка.

С июля 1920 по 1922 г. Венедикт Васильевич числился в списках личного состава Амурской флотилии помощником начальника службы связи Амурской флотилии — вплоть до комиссования в августе 1922 года. После освобождения В.В. Бурков остался в Благовещенске работать в политехническом тех-

никуме: читал электротехнику. Но не все было гладко. Как бывший офицер колчаковской армии, он должен был отмечаться в Губотделе каждый месяц, а это для него было унижительно. Более того, это перекрывало путь к дальнейшему обучению в России, а он по-прежнему мечтал о науке — об электротехнике.

Учиться ему можно было только за границей, были нужны соответствующие документы, а их бывшему белогвардейцу не давали. Перейти границу с Маньчжурией было в то время легко, она почти не охранялась. Встреча с русскими эмигрантами помогла ему: в 1925 г. Венедикт поступил в Харбинский политехнический институт и окончил его в 1929 году. Рассчитывать на помощь со стороны родных ему во время учения не приходилось: помогли благотворительные эмигрантские организации. Многие из эмигрантов стали друзьями на всю жизнь. Они-то и устроили Венедикта Васильевича в богатую семью воспитателем двоих детей. Проработав свыше двух месяцев, он получил 160 иен. Работать приходилось в разных местах: давал частные уроки по математике, исправлял в квартирах электропроводку, бытовые электроприборы и т.д. Высшее образование далось ему нелегко. Но свою мечту он осуществил.

В Харбине прожил Венедикт Васильевич с апреля 1924 по январь 1939 г., потом выехал на жительство в Шанхай, где прожил с 1939 по 1942 г., работал инженером-электриком на английской хлопчатобумажной текстильной фабрике. С приходом американцев в Шанхай летом в 1945 г. работал у них на аэродроме электриком, затем вернулся на фабрику, где и служил до возвращения в СССР.

9 июля 1947 г. Генконсульством в Шанхае был зарегистрирован брак Венедикта Васильевича Буркова и Зои Николаевны Селигеевой (из дворянского рода). В 1948 г. уже в России родилась у них дочь Люба.

Вернувшись в СССР, Венедикт Васильевич получил предложение работать в Магнитогорске. Он проработал два года, а в 1950 г. его обвинили в измене родине и арестовали. Зоя Николаевна в эти годы поняла, что такое настоящие друзья. Только после смерти вождя обвинение с него сняли и в 1954 г. полностью реабилитировали. С 1957 г. он стал быстро продвигаться по службе: от зам. начальника ПТО треста «Уралэлектромонтаж» до зам. начальника управления. В 1964 г. был переведен в

Челябинск старшим инженером в ПСБ треста, где работал до ухода на пенсию. Умер в 1986 году, его жена — в 2001.

Дочь Любовь Венедиктовна живет и работает в Челябинске, окончила технический вуз, по специальности инженер-проектировщик. Некоторое время она была главным специалистом одного из технических предприятий города, теперь возглавляет это предприятие.

Виктор Васильевич Бурков (1898–1937) и Александр Васильевич Бурков (1900–1937)

Виктор Бурков — шестой сын Василия Петровича и Евдокии Ивановны Бурковых, родился в 1898 г. в дер. Малокрасноярской Тобольской губернии.

Все сыновья Бурковых, несмотря на возраст, с удовольствием принимали участие в поездках на покос. У отца недалеко от Тюмени была заимка и небольшой участок земли, где паслись кони. Участие в заготовке сена принимали не только старшие, но и младшие, которые едва начали ходить в школу. Лето они проводили с удовольствием и на кирпичном заводе, помогая рабочим.

Александр Бурков — седьмой сын Василия Петровича и Евдокии Ивановны, родился уже в г. Тюмени. Детство Виктора и Сашки было похоже на детство старших братьев, но все-таки город оказал влияние: свободного времени было больше у младших, шире стал круг знакомых, среди которых были представители городской интеллигенции.

Лидия Николаевна не помнит, чтобы кто-то говорил, как они учились, видимо, неплохо, раз хлопот с ними не было. Следует отметить, что Александр Васильевич должен был учиться если не блестяще, то хотя бы хорошо, так как одна из главных черт его характера — тщательность.

Братья были разными: Виктор — скромный, застенчивый, внешне не отличался красотой, на фоне Александра незаметный, всегда держался на втором плане. Был он нездоров: язва желудка всегда держала его на диете. Александр — бойкий, способный, умный, даже хитроватый, когда это очень нужно. В споре с матерью (никто из других детей не позволял себе этого) он умел не рассердить ее, доказывая свою правоту и добиваясь ее согласия.

Юношеские годы их пали на годы Гражданской войны. Они вместе с матерью совершили путешествие по Сибири. Вернулись в Тюмень уже два взрослых молодых человека, которые не нуждались в опеке. Виктор, будучи подростком, помогал матери в делах, записывая затраты и прибыль, т.е. занимался примитивным учетом. Бухгалтером он не стал, а экономистом впоследствии работал. Александр под влиянием брата Венедикта решил посвятить себя электротехнике (тогда электрическая лампочка была новинкой), но дорога в вуз ему, как в свое время и брату, была закрыта. Несколько неудачных попыток принудили его написать письмо в правительство с просьбой разрешить уехать за границу, в Харбин, где есть МПИ. Ему разрешили, но на границе предложили подписать документ, что после окончания вуза он вернется в СССР. Александр Васильевич после учебы в 1932 г. вернулся домой. В УФСБ по Приморскому краю во Владивостоке находится на хранении архивное уголовное дело № II-23217 в отношении Александра Васильевича Буркова. Лидия Николаевна считает, что там хранится тот самый документ.

Виктор жил с матерью вплоть до ее смерти в 1931 году.

Одно время он увлекался катанием на велосипеде, потом фотографией. У него был маленький аппарат на треноге. Лидия Николаевна помнит, что снимал он очень много, но неудачно. Правда, у нее осталось от этого увлечения две маленьких карточки, на одной из них — бабушка с четырьмя внуками.

В молодые годы Виктор много времени проводил с друзьями, увлекаясь красивыми девушками. Но его увлечение сразу становилось известно членам семьи, начиналось обсуждение, и интерес к барышне проходил. Он не был бойким, не любил, чтобы о нем говорили как о возможном женихе. Сестры старались познакомить его со своими подругами, но дело дальше знакомства не шло, даже невест у него не было.

Так жил во время обучения Александра в вузе его брат Виктор. Он так и не выбрал себе подругу жизни. Забегая вперед, Лидия Николаевна рассказала об одном его знакомстве. В 1935 г. ее бабушку по материнской линии А.А. Колокольникову арестовали в Иркутске (по доносу) и повезли в Тюмень. Ей разрешили ехать в общем вагоне и с ней кроме сопровождающего разрешили ехать ее

дочери Маргарите. Бабушку привезли сначала в Тюмень (искали деньги), потом в Омск. Маргарита Антоновна останавливалась у Бурковых, познакомилась и подружилась с сестрами. Бойкая на язык, хохотушка, несмотря на тяжесть положения, готовая всегда помочь в беде, она очаровала тетушек, а когда бабушку перевезли в Омск, то М.А. поехала с ней. В Омске она, конечно, остановилась у Александра с Виктором, и скоро Виктор стал за ней ухаживать. Узнав об этом, тюменские сестры сейчас же стали готовиться чуть ли не к свадьбе. Маргарита вынуждена была сказать, что она замужняя женщина, имеет сына. Видимо, молодая женщина пусть чуть-чуть, но пококотничала с Виктором. Александр и Александровну через два месяца выпустили, и она с дочерью вернулась в Иркутск. Провожал их Виктор Васильевич, который, по словам Маргариты, был грустный.

Последнее увлечение Александра Васильевича было в 1937 году. Его невеста была замужем и ради любимого оставила своего мужа. Однако любовь ее не выдержала испытания, и после ареста Александра она вернулась к мужу.

Последняя должность Александра Васильевича — начальник внедрения электрофицирования Омской области. Ему тогда было 37 лет. Как много мог он еще сделать, но как мало успел... Ушел из жизни человек с огромным запасом сил, знаний, умеющий применить их на практике. Он был расстрелян 3 января 1938 г. в Омске. Вместе с ним был приговорен к расстрелу его брат Виктор Васильевич, который тоже честно выполнял свою работу. Постановлением Военного трибунала военного округа от 05.11.1957 г. братья Бурковы реабилитированы.

Василий Васильевич Бурков (?)

Василий — младший сын В.П. Буркова, восьмой ребенок в семье. Рождение его не вызвало энтузиазма у родителей. У Бурковых каждый год рождался ребенок — и все мальчишки. Евдокии хотелось девочку, и гадалка посоветовала назвать новорожденного мальчика именем отца. Женщина так и сделала: следующими после сына Василия были две девочки.

Василий рос бойким, непослушным и ленивым. Особенно трудно стало с ним, когда пришла пора учиться: не любил учить уроки. Начались стычки с учителями. После смерти мужа все

заботы по дому и бизнесу легли на плечи Евдокии Ивановны. И она не придумала ничего лучше, чем привязывать ребенка к стулу, а уходя, наказывала старшим отпустить Васю на волю только проверив, хорошо ли сделаны уроки.

Окончить школу Васе помешала война. Когда Е.И. Буркова уезжала из Тюмени (боялась и красных, и белых), то растеряла почти всех сыновей, остались с ней только девочки. Вася отстал в пути одним из первых (ему было 14–16 лет). С этого времени он начал свою самостоятельную жизнь. Первая работа — деревенский пастух. Василий, рано став самостоятельным, повзрослел, но молодой задор остался с ним надолго.

Примером легкомыслия может служить его первая женитьба на Александре Ефимовне. Однажды встретились они у общих знакомых, где было много молодежи. Время провели весело, а потом Василий с другом пошел провожать девушку. Когда Вася сказал, что он на Але женится, девушка, смеясь, поклялась выйти за него замуж. Через 2–3 дня слух дошел до матери, и она сказала: «Если решил жениться — делай предложение, Бурковы должны держать данное слово. Завтра же пойду знакомиться с родными невесты...».

Сыграли свадьбу. Евдокия Ивановна недолюбливала невестку, хотя внешне относилась к ней хорошо. В семью Аля вошла легко, молодежь подружилась с ней. И хотя этот брак в 1930-х гг. распался, хорошее отношение других братьев к Александре сохранилось на всю жизнь.

Василий женился второй раз, но опять неудачно. После финской войны (вернувшись из армии) он был недоволен своей спутницей, а после окончания Отечественной уже не вернулся домой. Сын их с Александрой жил в это время уже в Москве у матери и, кажется, неплохо ладил с отчимом.

После войны Василий демобилизовался и вернулся в Свердловск, где женился в третий раз. Он возобновил знакомство со «старой» соседкой по коммуналке. Муж Феликсы Львовны был арестован в 1937–1938 гг. и не вернулся, сын погиб на войне. С ней он прожил счастливо.

Василий Васильевич Бурков еще до женитьбы устроился работать младшим счетоводом, постепенно дослужился до глав-

ного бухгалтера. Уважением пользовался не только в своем коллективе, но и у руководства. После выхода на пенсию с ним советовались по финансовым вопросам.

С годами характер Василия менялся. Он стал серьезным, с сестрами и братьями поддерживал отношения, но не в любом коллективе проявлялся прежний повеса; когда собирались друзья, он мог сыграть с ними в карты на интерес, но уже никогда не проигрывал значительные суммы, как бывало в молодые годы. Словом, с годами стал замкнутым, немногословным, но всегда вежливым, одетым по строгим правилам его молодости.

Смерть Феликсы Львовны подкосила его, он как-то растерялся, хотел сохранить образ жизни, к которому привык, даже пытался жениться, но не удалось. Второй Феликсы Львовны в его жизни не было. Стремление жить с сыном хотя бы в одном городе не осуществилось. В глубокой старости Василий отдал свою квартиру соседу для его сына, а сам стал жить у этого соседа, который обещал за ним ухаживать и обещание выполнил.

Теперь Василий Васильевич Бурков — дед для Вероники и Ольги, прадед для Никиты и Вани. Старое старится, молодое растет и постепенно тоже займет место сегодняшних дедов. Правда, фамилия Бурковых в этой линии исчезает. Во многих других фамилиях течет кровь далекого предка Василия Петровича, способного торговца, веселого в застолье, любителя книг, мечтавшего, чтоб хотя бы один его сын получил высшее образование.

Обе его правнучки — Вероника и Ольга — защитили кандидатские диссертации в декабре 2006 года.

Обращение к потомкам

К потомкам Василия Петровича Буркова, особенно к держателям фамилии — Николаю Александровичу и его сыну Алексею — обращается Лидия Николаевна Буркова:

«...Я беспокоюсь, что племянники не желают быть Бурковыми и меняют ударение на фамилии, теперь они не **Бурковы**, а **Бурков**. Это неверно. Дело в том, что вы можете изменить фамилию, но тогда вы не потомки Василия Петровича, потому что фамилию нам дали предки. Может быть, она была (особен-

но у крепостных крестьян) сначала чем-то вроде клочки и формировалась не сразу. Тем не менее уже около 200 лет на свете жили Бурковы, прошла их жизнь под Тюменью и в Тюмени, где и сейчас остались их следы. Вам остается право выбора, кто вы — потомки талантливого человека или Ивановы, не помнящие родства».

Публикация Л.А. Типикиной

Владимир Ефремов

Промышленная деревня Духовка

Тема изучения обрабатывающей промышленности Западной Сибири, а также вопросы истории отдельных сибирских предприятий XVII–XIX вв. нашли отражение в работах ряда исследователей. Оставляя за чертой характеристику этих работ, все же отметим, что в сибиреведении первостепенное внимание уделялось изучению городских поселений, отмечалась ведущая роль города в развитии промыслов и ремесла, а позднее и вышедшей из них собственно промышленности. История же сельских поселений в промышленном отношении рассматривалась редко. В сельских районах было распространено мелкое домашнее производство, которое носило характер подсобного хозяйства с сохранением его натуральности. Однако известны случаи, когда предприятия обрабатывающей промышленности находились не только в городах, но и в сельской местности. В этом отношении интересна история д. Духовка Курганской области (бывшая Тобольская губерния Ялуторовский уезд).

После похода Ермака русскими людьми постепенно начинают заселяться и осваиваться сибирские земли. На интересующем нас участке территории юга современной Тюменской и отчасти Курганской областей это были нынешние Тюменский, Тобольский, а несколько позднее Исетский районы. Смещение деревень в лесостепную местность было связано с увеличением потребности в продовольствии, прежде всего в хлебе. Кроме того, на р. Исеть в 1644 г. основан Далматов, а в 1645 г. Рафайлов монастырь. Вначале южной границей была р. Исеть, за ней находились

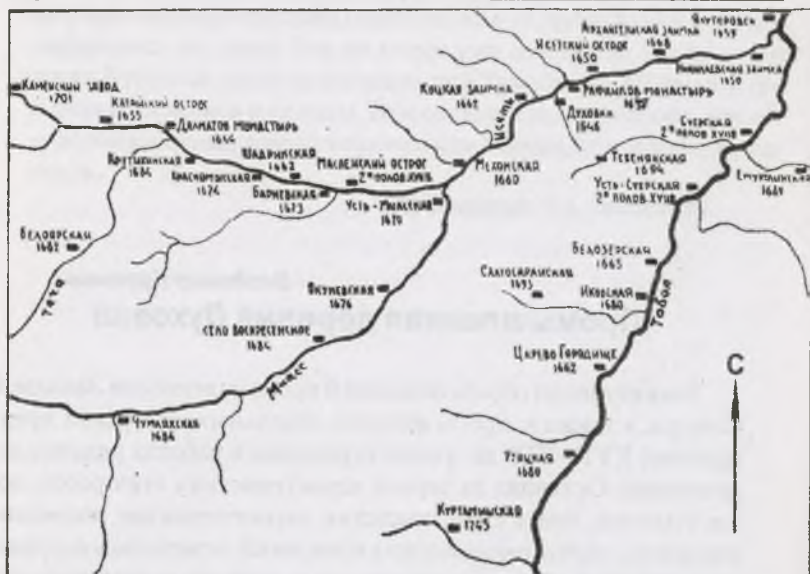

Рис. 1. Карта русских населенных мест XVII — нач. XVIII вв. в бассейне рек Исеть, Миасс и Тобол

постоянно беспокоившие кочевники. В ответ на их набеги русские были вынуждены в 1650–1660-х гг. основать по р. Исети ряд острогов: Исетский, Катайский, Ялуторовский, Мехонский, Шадринский, Терсякский, Красномысский, Масленский (Рис. 1). Это укрепление южных рубежей постепенно привело к созданию так называемой Исетской линии. В начале XVIII в. Исетский острог — административный центр Исетского дистрикта (1720–1738 гг.), затем, после образования Исетской провинции, дистрикт входил в ее состав. На первых порах к Исетскому «острогу приписано 18 деревень, 4 слободы и 8 острогов»¹.

Старец Рафаил сумел получить от тобольских светских и церковных властей в распоряжение монастыря 1000 десятин земли по р. Исеть. При обследовании жалованных земель на р. Духовка (приток р. Исеть) Рафаил обнаружил, что здесь нахо-

¹ Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири XVII—XVIII вв. М.; Л., 1946. С. 15, 20.

дится неведомая для него деревня. В ходе разбирательства выяснилось, что в 1646 г. под руководством некоего ссыльного поляка Тихона Федоровского была основана д. Духовка (по имени реки, на которой она расположилась). По переписи Василия Шульгина 1698–1700 годов у Тихона Федоровского уже три сына: Коломна (26 лет), Спиридон (30) и Василий (50). Следует отметить, что потомки Федоровского до сих пор проживают в деревне. Надпись с этой фамилией автору приходилось видеть и на остатках поваленного могильного креста рядом с несуществующей ныне д. Пустынная (около 30 километров от д. Духовка). Позднее д. Духовка стала-таки монастырской, она была приписана в 1691 году к Кодской монастырской вотчине, позднее в Рафайлову монастырю. А к 1830 году, когда монастырь был упразднен, освободилась от монастырской зависимости среди многих других деревень и Духовка². По переписки 1698–1700 годов в Духовке находилось 22 двора, в которых проживали 158 человек (96 мужчин и 72 женщины). В писцовую книгу, кроме разных слобод, были внесены грамотные крестьяне. В Духовке сумели расписаться лишь двое: некие «Василий Поповых и Григорий Токарь»³.

Автору посчастливилось обнаружить интересный документ, связанный с историей Духовки, среди так называемой «россыпи» (научно не обработанных и не задокументированных материалов, хранившихся в 1970–80-х гг. в ГАТО). Часть документов в те годы была обработана и зафондирована, часть скопированных документов вошла в книгу «Тюмень XVIII столетия»⁴. Приведенный ниже документ публикуется впервые.

«Указ из Тобольского съезжего двора от дворянина А.Ф. Жеребцова в Тюмень тобольскому дворянину Д.С. Копьеву о присылки кирпича на строительство винокуренного завода 23 ноября 1707 г.

² Емельянов А.Л. История села Архангельское. Исетское, 1993. С. 20—21; Он же. 350 лет селу Рафайлово. Исетское, 1995. С. 5; Чернышев С.Ф. Русские на Исети. Шадринск, 1999. С. 80.

³ Емельянов А.Л. 350 лет селу Рафайлово. С. 3—5.

⁴ Ефремов В.А. Тюмень XVIII столетия. Материалы для истории оружейного производства. Документы. Тюмень, 2005.

1707 октября в 29 день по указу великого государя и великого князя Петра Алексеевича всея великая и малья и белья России Самодержца; Тобольскому дворянину Даниле Степановичу Копьеву: в нынешнем 1707 году писал в Тоболеск и московскому дворянину Якову Филипповичу Жеребцову тобольский дворянин Иван Астраханцев: а в отписке ево написано, что по указу великого государя и по наказу своему к винокуренному заводу обыскал в близости от Исецкого острогу на речке Духовке и строить почал и для дела горнов к винному курению надобно тридцать тысяч кирпичу и по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малья и белья России самодержца Тобольскому дворянину Даниле Степановичу Копьеву как тебе великого государя указ подан будет и тебе б с Тюмени на винокуренный завод послать безовсякого молчания тридцать тысяч кирпичю на подводах тюменских ямщиков и пашенных крестьян по рассмотрению и поставить тот кирпич на винокуренный завод нынешним временем наскоро чтоб винокуренные заводы устроить совсем в готовности: а которога числа тот кирпич на винокуренные заводы послан будет о том писать в Тобольск а отписку велеть подать на съездем дворе дворянину Якову Филипповичу Жеребцову.

(подпись) Жеребцов.

Справил Яков Петров.

1707 ноября в 23 день записано в книгу и справится сколько налицо кирпичю ныне есть безо всякого благочестия».

Требуемого количества кирпича в Тюмени в наличии не оказалось. Осталось «...шесть тысяч кирпичей обожженных, да сырца тридцать три тысячи пятьсот кирпичей». В декабре 1707 года «...по выбору служилых всяких Чинов людей...» тюменский пятидесятник пеших казаков Иван Майков едет в Тобольск с челобитьем, чтобы кирпич на р. Духовку не везти. В Тобольской приказной палате «... перед дьяками подьячий Иван Слонов...» сказал, что по приказу воеводы и стольника М.Я. и А.М. Черкасских делать этого тюменскому воеводе не следует, и в противном случае «доправлено» будет на нем. Все это было сказано устно, при этом никакого документа на руки челобитчик Майков не получил. В Тюмени решили перестраховаться (кабы чего не вышло), взяли с челобитчика подписку о том, что он

говорит правду. «...А если он Иван сказал ложно и за это вести ему на своих подводах». К сожалению, выяснить, чем закончилось дело о постройке винокуренного завода, не удалось из-за отсутствия конечных листов переписки.

Следующее упоминание о винокурении относится уже к 1725 г., когда «в Исетском дистрикте были основаны винокуренные поварни заводчиками Афанасием Битюковым — на 16 казанов, Авдеем Плотниковым и Исаем Токаревым (у каждого по 8 казанов)⁵. С большой долей уверенности можно предположить, что Исай Токарев был потомком Григория Токаря — одного из двух грамотных крестьян Духовки переписи 1698–1700 гг. Необходимо отметить, что представители рода Токаревых были активными и предприимчивыми людьми, о чем свидетельствует и их участие в сибирском стеколделении.

«Возникновение стеколделательных фабрик в Сибири относится к первой половине XVIII в. В силу регламента мануфактур-коллегии 1723 года, разрешавшего всякому и везде заводить какие угодно фабрики, в Исетском дистрикте, входившем в состав Сибирской губернии, на речках Юзе и Духовке явились два первые стеклянных заводов⁶. Жаль, что дата основания заводов не указана.

До первой четверти XVIII в. Стекло в основном ввозилось из европейской части России, причем в небольших количествах. Сибиряки продолжали стеклить окна слюдой. Предметы домашнего обихода и украшения из стекла были также немногочисленны. С ростом культуры, удешевлением производства стекла возрастает его потребность. Для получения стекла необходим был пепел и промытый песок. Ялуторовский уезд был одним из самых хлебородных районов Тобольской губернии, поэтому дешевого сырья — соломы было в достатке. Солому сжигали, а пепел смешивали с песком и плавили в специальных огнеупорных горшках, затем шел процесс изготовления и обработки изделий. Изготавливаемая продукция была востребована населением, а посуда — находящимися неподалеку винокуренными

⁵ Емельянов А.Л. 350 лет селу Рафайлово. С. 20.

⁶ Мамеев С. Тобольские фабриканты Корнильевы // Тобольские губернские ведомости. 1889. № 48–50.

заводами. О строительстве стекольных заводов вблизи Духовки упоминают разные авторы. Так, Д.И. Копылов утверждает: «В 1753–1764 гг. получили разрешение на строительство стекольных заводов крестьянин Иван Токарев и челябинские купцы Федор и Яков Токаревы близ д. Духовской в Исетской провинции»⁷. Другой автор пишет: «Челябинский купец Федор Токарев с братьями в 1760 году на речке Духовке построил стекольный завод»⁸. Третий автор, также ссылаясь на документы, отмечает: «Стекольных заводов насчитывалось три штуки: челябинского купца Федора Токарева (прибыль 120 рублей), исетских разночинцев Якова Токарева (65 рублей), Ивана Токарева (200 рублей), возникших в 1753–54 годах в д. Духовка»⁹.

Конечно, назвать заводами крестьянские предприятия, на которых и работа порой осуществлялась не весь год, а инструмент и оборудование были простыми и несложными, можно с натяжкой. «В заведении Петра Токарева (с. Духовское Ялуторовского уезда¹⁰), например, имелось 20 стеклодувных трубок по 4 фунта весом каждая, 8 двухпудовых ножей для резания и разводки стекла, 1 пятипудовый и 3 трехпудовых лома, 3 ключи и 10 «железков» для обводки горлышков посуды. Весь инструмент изготовлялся на месте...»¹¹.

Токаревы продолжают отыскивать удобные места для строительства новых стекольных заводов. Имеются сведения, что в Ялуторовском округе, в Мостовской волости, в 30 верстах от д. Духовской при озере Юдином-бору в 1765 г. крестьянином Иваном Токаревым заведена была стеклянная фабрика, существовавшая еще в 1820-х гг., которая принадлежала сыну Ивана Токарева Филиппу. В 1858 г. уже сын Филиппа крестьянин д. Духовки Андрей Токарев получает место под строительство стекольной

⁷ Копылов Д.И. Стекольная промышленность Западной Сибири в XVIII—первой трети XIX вв. // Сборник кафедры философии и политэкономии. Тюмень, 1971. Вып. 4. С. 94.

⁸ Чернышев С.Ф. Русские на Исети. С. 92.

⁹ Емельянов А.Л. 350 лет селу Рафайлово. С. 35.

¹⁰ В 1782 году Исетский дистрикт ликвидирован, часть его вошла в Ялуторовский уезд, в том числе и д. Духовка.

¹¹ Копылов Д.И. Стекольная промышленность... С. 92.

фабрики «...в расстоянии восьми сажень» от деревни. Мы не располагаем сведениями, была ли его фабрика полностью новым предприятием или была восстановлена из прежде существовавших на этом участке. В Ялуторовском же округе Московской волости «...в 25 верстах от деревни Духовской, при озере Пустынном-бору в 1789 году...» крестьянин Михаил Токарев основал стеклянную фабрику. В 1819 г. владелицей этого завода после смерти Михаила была его жена Елизавета. На этом же озере Пустынный-бор в 1800 г. крестьянин Спиридон Бархатов основывает еще один завод, которым в 1819 г. владел его сын Иван.

В Курганском округе Тебеняжской волости при оз. Большое Пустынное в 1781 г. крестьянином Семеном Московиным был основан стекольный завод. Это предприятие в 1802 г. покупает у некоего крестьянина Соболева Иван Палоумов, которое в 1820-х гг. принадлежит уже его сыну тобольскому мещанину Александру Палоумову. Очевидно, вскоре по неизвестным для нас причинам завод прекратил существование; так, уже в 1847 г. крестьянин д. Духовка Федор Иванович Бархатов добился отвода трех десятин земли для строительства стекольного завода «...при самом выселке Пустынным населенном на полуденном берегу Большого озера Пустынного».

Следует отметить, что добиться решения о строительстве завода требовало много сил, времени и терпения. Федор Бархатов еще в 1842 году получил разрешение от крестьян об уступке ему трех десятин земли. В 1846 году за дело взялись землемеры и только к 1847 году землю обмежевали. Кончилось тем, что все вопросы были решены только к 1858 году, когда за смертью крестьянина Федора Бархатова выделенные земли перешли его сыну «Алексею Бархатову с братьями». Челябинский мещанин Петр Токарев основывает в 1789 г. «...в 15 верстах от деревни Духовской, при озере Келейном-бору...» еще один завод, который просуществовал недолго и прекратил свое существование в 1808 году¹².

Назвать точное количество стекольных заводов, появившихся в XVIII столетии и даты их основания в д. Духовке довольно затруднительно (скорее, их было три), так как данные разных ис-

¹² Мамеев С. Тобольские фабриканты Корнильевы; ГАТО. Ф. И-48. Оп. 1. Д. 469. Л. 1–4; Там же. Д. 462. Л. 11.

следователей отличаются друг от друга. С помощью металлодетектора автору совместно с другими поисковиками на пустыре, где стоял завод(ы) (окраина д. Духовки, которую местные жители до сих пор называют Токаревкой), были найдены монеты разных периодов. Единично попадались монеты второй половины XVII века, так называемые «чешуйки», монеты Петра I, монеты же 1730–1750 годов встречались уже массово, впрочем, как и последующих периодов, вплоть до небольшого количества монет времени Николая II, что свидетельствует о долгосрочности жизнедеятельности заводов по получению стекла.

Строительство стеклозаводов способствовало возникновению новых производств. Начиная с середины XIX столетия в Мостовской волости возникает ряд заведений по выделке необходимого для получения стекла поташа.

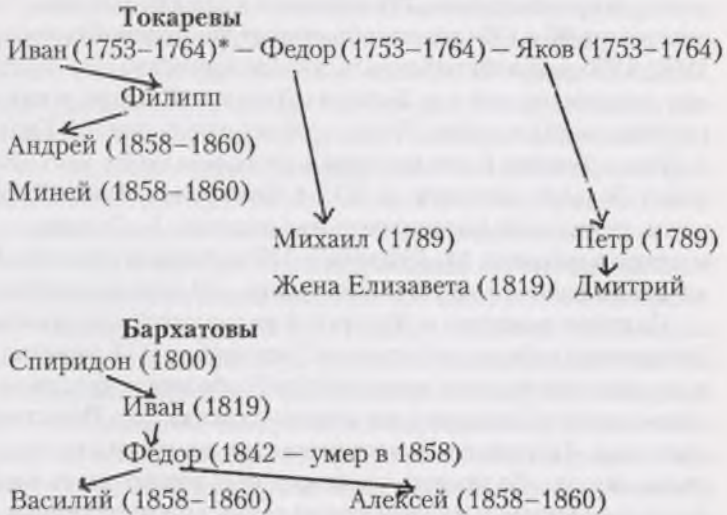
Крестьянин Александр Федотов Федоровский в 1858 г. получает землю для «...возведения поташного завода в расстоянии от деревни в 130 сажнях...». Общество крестьян д. Духовка уступает ему землю, так как это «...неудобное место для пашни и сенокосу», потому что от поташного завода «...вреда и опасности долговому их строению быть не может». Под документом по неграмотности крестьян Степана Токарева, Максима Полых, Алексея Малышева, Дмитрия Костылева, Якова Малкова, Дмитрия Приданникова, Якова Ладейникова, Веденя Дмитриева, Михаила Зотина, Степана Леонтьева, Ильи Черепанова, Егора Кудрина, Григория Котовницына, Михаила Светлакова, Александра и Павла Старцовых, Ивана и Матвея Малыгиных, Игнатия и Федора Спириных, Степана, Прокопия и Алексея Батаниных, Сергея, Калины и Обросима Федоровских расписались по их просьбе Дмитрий Петров Токарев и Федот Федоровский.

В 1859 году под поташное заведение получают землю (1600 кв. сажень) крестьяне Константин Куртин и Федор Федоровский.

В ближайшей от Духовки деревне Бархатовой (2 километра) в этом же году возникают поташные заводы крестьян Дмитрия Рябкова и Андрея Панорилова. В округе строят свои поташные заводики Максим и Филипп Масеевы, Полуэкт и Дмитрий Гавриловские, Егор и Илья Гавриловские, Потап Гавриловский¹³.

¹³ ГАТО. Ф. И-48. Оп. 1. д. 468. Л. 3–5.

Кроме заводов по обработке стекла предприимчивые жители д. Духовка имели и другие предприятия. Так, известно, что в 1858 г. Миней Филиппович Токарев добивается разрешения на получение «...участка земли из крестьянских владений к сургучному заведению стоящего на речке Духовке по течению ея на левой стороне», в расстоянии 200 сажень от деревни¹⁴.

Различные источники говорят о том, что «на речке Духовке стояли две деревни: Большая и Малая Духовки. Большую Духовку звали Федоровским краем, по имени основателя деревни. В ней была мельница. Малая Духовка звалась Светлаковским краем (по фамилии одного из старожилов)»¹⁵. По каким причинам и когда, в общем-то, одну деревню, посредине которой протекает маленькая речушка, дома по берегам которой стоят друг от друга порой на расстоянии нескольких метров, разделили на две деревни, установить трудно. Даже различные переписи XVIII

* В скобках указаны даты, упоминаемые в документах в связи с действием или строительством стеколзаводов и сургучного заведения. Михаил (1789) и Петр (1789), очевидно, были сыновьями Федора и Якова.

¹⁴ ГАТО. Ф. И-48. Оп. 1. Д. 1393. Л. 1.

¹⁵ Чернышев С. Ф. Русские на Исети. С. 92.

и XIX вв. порой отмечают Духовку то как единое целое, то делят ее на две деревни. В 1744 г. в Духовке учтены 52 податные души, в 1763 — 77 мужских душ, в 1818 г — «Большая Духовка стоит на реке Духовка, от Ялуторовска в 80 верстах, от волости (Рафайлово) в 4 верстах, дворов 52, не платят 2». Данные о малой Духовке отсутствуют. В 1869 г. в Большой Духовке проживало 180 жителей мужского пола, 209 женского, в Малой Духовке — соответственно 96 и 106 (деревни отошли от Мостовской волости). В 1894–1895 гг. хозяйственном году была проведена государственная ревизия, по ней в д. Большая Духовка 63 двора, в которых проживали 351 человек. В ходе этой переписи деревни Большая и Малая Духовка были внесены в писцовую книгу как одна деревня Большая Духовка. В 1912 г. Большая и Малая Духовки вновь учтены как самостоятельные деревни. Б. Духовка — 475 мужчин и женщин, М. Духовка — 189 мужчин и женщин. Неожиданно появляется и учтена Токаревка — 21 мужчин и женщин¹⁶.

Получил развитие в Духовке и меднолитейный промысел. Тобольский губернский агроном Скалозубов Н.Л. отметил, что в деревне отливали из меди схватцы¹⁷, крестики, пуговицы, колокольчики. «Промысел тот возник с давних пор. В настоящее время в д. Духовке до 10 мастерских, но знающих это дело лиц очень много, ибо прежде промысел был развит здесь гораздо более вследствие выгодных цен на товар. Прежде схватцы продавались по 1 р.—1 р. 20 к. за тысячу, а ныне лишь по 50 к.; прежде работали зиму и лето, а теперь только зиму; прежде зарабатывали по 1 р. в день, а ныне едва по 30 к. Работают на скупщиков — своих же однодеревенцев, из готовой меди на своем угле и в своем помещении; схватцы и другое литье продается в Ирбите на ярмарке. Пробовали лить пятаки, но некоторые мастера попались и ушли в каторгу»¹⁸.

¹⁶ Емельянов А.Л. 350 лет селу Рафайлово. С. 16; Очерки истории села Красногорского и его округа. Тюмень, 2002. С. 44; Чернышев С.Ф. Русские на Исети. С. 95; список населенных мест. Тобольская губерния. СПб, 1912. С. 160.

¹⁷ Схватцы — различного рода застежки, крючки у одежды.

¹⁸ Скалозубов Н.Л. Обзор крестьянских промыслов Тобольской губернии за 1902 год // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1902. С. 81–82.

Точно установить время появления меднолитейных мастерских пока не удалось. Можно лишь предположить, что меднолитейное мастерство в Духовке возникло чуть позже или одновременно с производством стекла. Как при производстве стекла, так и медного литья необходима высокая температура (печи), специальные плавильные горшки — тигли. Все это на стеклозаводах имелось.

С помощью металлодетекторов на месте бывшей деревни был поднят разнообразный литейный материал: пуговицы, часть которых можно смело датировать концом XVIII—началом XIX вв., а также различная медная мелочь, которая у Скалозубова не упоминается, например, ключи, кресты-тельники, копоушки¹⁹ (рис. 2.1–5, 7, 8). Подтвердилась информация Скалозубова и об умении духовских мастеров лить монеты (Рис. 2. 6). Здесь была найдена отливка, по размерам соответствующая монете достоинством 1 копейка. Она окончательно не обработана. Неожиданным было то, что на аверсе и реверсе монеты было одно и то же изображение — вензель Н I (рис. 2. 6). Монетой подобного типа можно было играть в так называемую Орлянку (орел и решка). При игре монету подкидывали, если она ложилась личной стороной вверх (орел), то бросавший выигрывал и забирал деньги, которые были на кону; если монета ложилась противоположной стороной вверх (решето), то ставка проиграна. Понятно, что, имея такую монету в кармане, можно было, почти не рискуя, играть на деньги или выигрывать различные споры.

Были известны в Духовке и другие производства. Так, во второй половине XVIII в. Купец Василий Поздняков «...жил в Рафайловской монастырской деревне Духовке, где имел кожевенную мануфактуру с годовым доходом 85 рублей». В соседней д. Пакулиной он имел водяную мельницу и мыловарню²⁰. Из материалов государственной переписи 1893—1894 гг. известно, что в Духовке было развито и гончарство. Занимались им 10 семей, которые производили различной посуды на 1143 рубля. До сих пор на окраине деревни сохранились два холма, состоящие из разбитой керамики, смешанной с землей. Кузнецы

¹⁹ Копоушка — копалка, ухвертка, вертоушка — приспособление для чистки ушей. Часто носилась на шее вместе с натальным крестиком.

²⁰ Емельянов А.Л. 350 лет селу Рафайлово. С. 35–16.

Духовки ковали скобы, крючки, ухваты и другие мелкие изделия²¹. В 1912 г. в Духовке, кроме жилых домов, имелись: одна церковь, одна школа, два хлебозаписных магазина, четыре торговых лавки, три кузницы, три водяных мельницы, два пожарных сарая²².

Заключая, хочется отметить, что крестьянская промышленность в Ялуторовском уезде в XVIII—XIX вв. имела довольно широкое распространение. Еще И. Завалишин отмечал, что «Ялуторовский округ можно назвать первым в целой Сибири по его торговому духу, сильно развитой мелкой промышленности»²³. Это утверждение подтверждает и затронутая в данном очерке история д. Духовки, в которой крестьянская промышленность определяла большую часть общественной жизни и бытового уклада, во всяком случае, до событий 1917 г.

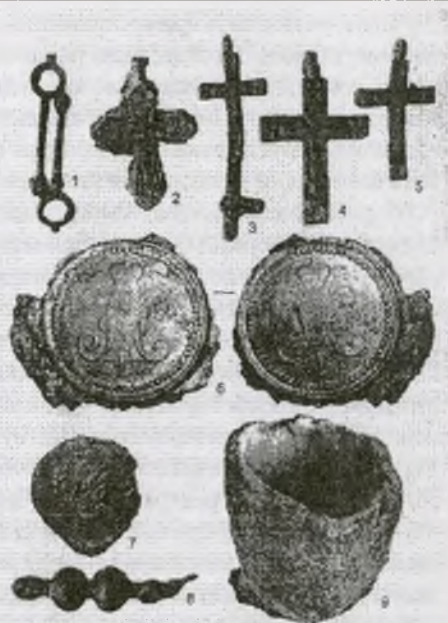

Рис. 2. Находки из д. Духовка. 1 — необработанная отливка копоушек; 1—5 — необработанные отливки нательных крестиков; 6 — необработанная отливка монеты с одинаковым изображением на аверсе и реверсе; 7 — необработанная отливка пуговицы с гербом Тобольска образца 1785 г. 8 — необработанная отливка пуговицы; 9 — тигель с остатками плавленной меди.

²¹ Скалозубов Н.Л. Обзор крестьянских промыслов... С. 30—57.

²² Список населенных мест. С. 160.

²³ Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862. Т. 1. С. 201.

Л. Боярский

Аркадий Иванов и «наивные писатели» Тюмени

Народные мемуары позволяют по-новому взглянуть на эпоху. Исторический опыт в рамках индивидуальных биографий, субъективное восприятие исторических событий, в наши дни становится предметом изучения для историка. События и детали, прежде рассматриваемые как несущественные, обретают первостепенное значение, и наоборот, ранее значимые уходят в тень. Мемуары рядового солдата, как известно, для современного историка более интересны, чем воспоминания полководца.

С этой точки зрения необходимо изучать сохранившиеся в архивах и музеях воспоминания непосредственных участников исторических событий. Прочсть мемуары старожилов Тюмени будет полезно не только специалистам по локальной истории, но всем тем, кто хочет увидеть время «изнутри», глазами очевидца, получить сведения о культуре, быте, городских легендах Тюмени начала XX в.

Письменные источники личного происхождения, как их иногда называют, «документы жизни», дают новый и весьма необычный материал к изучению повседневной жизни горожан начала XX в. Некоторые тексты тюменских авторов нужно изучать не столько как исторические материалы, сколько как феномены «наивной» литературы, городского фольклора.

Один из наиболее интересных «наивных» тюменских писателей — Аркадий Александрович Иванов, «персональный пенсионер местного значения». Основной массив текстов Иванова датирован началом 1960-х годов. Жанры — эпистолярный (жалобы в различные инстанции, письма в «Советскую культуру», «Пионерскую правду» и др.), назидания «вступающему в жизнь», ме-

муарные отрывки, рассказы. При жизни Иванова почти ничего из этого опубликовано не было, разве что воспоминания о Гражданской войне — в сильно «причесанном» редакторами виде — в сборнике «В борьбе за власть Советов», изданном в Тюменском книжном издательстве в 1957 г. Свой архив Иванов передал в ТОКМ незадолго до смерти. Известно, что он активно сотрудничал с музеем, был внештатным руководителем подсекции по охране исторических памятников и памятных мест в эпоху директора Раисы Ник. Рогачевских (1960).

Иванов родился в 1898 году в Тюмени, в кварталах старого Города. Жил в крайней нищете. Отец был грузчиком, после травмы сошел с ума, рано умер. Мать работала прачкой. Образование Иванов получил самое скудное — три класса церковно-приходской школы. После школы был уличным газетчиком, кулачным бойцом, недолго работал на заводе Машарова и в типографии Крылова. В 1915 г. был призван на фронт, получил звание старшего унтер-офицера, служил в 35-м Сибирском стрелковом полку, 222-м полку. Весной 1917 г. был избран в Совет народных депутатов г. Новоград-Волынска. При белых был в большевистском подполье, его тюменский дом стал явочной квартирой, сам Иванов в это время принял участие в захвате склада оружия, находившегося в ремесленном училище, был ранен в ногу. В г. Омске лежал в американском госпитале, санитарным поездом был отправлен во Владивосток, долечивался в госпитале на Русском острове. Оказался в отрядах дальневосточных партизанах, где под командованием Лазо совершил ряд подвигов, в том числе, как пишет сам Иванов, «отрезал голову старику-белогвардейцу». После войны вернулся в Тюмень, «очистил заколоченный дом от трех незахороненных трупов». Снова стал работать в типографии — переплетчиком, заведовал переплетным цехом типографии № 1. В 1920-е годы был участником драмкружка Центроклуба Тюмени. В 1940-м году был выбран депутатом Тюменского горсовета. Воевал во Вторую мировую в 368-й стрелковой дивизии под командованием полковника Сопенко на Карело-финском фронте, в Заполярье, на Дальнем Востоке. Кавалер ордена Славы третьей степени. Очень гордился, что стал участником трех войн, особенно тем, что «дважды участвовал в ликвидации японского империализма». На пен-

сии увлекся выращиванием кукурузы в духе модных веяний тех лет, занимался общественной работой, выступал в школах как «старый партизан», был почетным пионером. Видимо, необходимость создания конспектов выступлений перед детьми стала мотивацией для создания литературной записи воспоминаний.

Лучшие тексты — это воспоминания детства, подтвердит вам всякий исследователь художественной прозы, а произведения Иванова, несомненно, являются таковой. Очевидно, что перед нами не обычный автобиографический документ, а творчество самобытного писателя. Кроме Иванова на звание самостоятельного писателя из всех перечисленных мог бы также претендовать Фома Баннов, автор произведений «По нехоженным тропам» и «Незабываемые годы», исключительно яркий беллетрист.

Культурологу, изучающему «самоописание» Тюмени, будет любопытно увидеть город глазами его жителя — полуграмотного обывателя, баловавшегося на старости лет пером. Антрополог найдет в прозе самостоятельного писателя типологические черты советского человека, типичного «иванова». Для историка произведения Аркадия Иванова — новооткрытый источник, наполненный событиями из истории Тюмени и ценными сведениями из повседневной жизни начала XX века. Литературоведу рукописи Иванова будут интересны как оригинальный образец наивного письма, полубезумный «поток сознания» человека, отнюдь не обделенного литературным талантом.

С точки зрения содержания воспоминания Иванова типичны для круга текстов «наивных» тюменских писателей. Но форма, отмеченная печатью спутанности мышления, делает текст Иванова атипичным, оригинальным, не похожим на аналоги. Особенности стиля Иванова — излишняя экзальтация, желание произвести впечатление на читателя, самоповторы, перескакивание с первого лица на третье и обратно, сюжетные отступления и внезапные обрывы повествования.

Несомненно, публикация уникального образца тюменской наивной литературы — собрания текстов неизвестного писателя Аркадия Иванова — станет событием культурной жизни Тюмени.

Аркадий Иванов

Из далёкого прошлого*

Хиромантия

Есть еще и сейчас люди молодые и старые, которые верят разного рода проходимцам гадателям и гадалкам. В далеком прошлом в дореволюционный период это занятие было в России популярно. И разрешалось полицией. Это еще один вид околпачивания и одурманивания наивных людей.

Вот один эпизод из прошлого не лишен интереса. По Полицейской улице, ныне Тургенева, где разбит в настоящее время сквер, что напротив Сада пионеров, стоит на углу домик. В этом домике было совершено убийство хироманта в 1906 году. Было около четырёх часов вечера. Мальчишки с перекинутыми через плечо деревянными коньками на железном ходу весело шагали на каток, что был расположен в то время в Гилевском саду¹, так назывался в то время Сад пионеров. Остановившись возле домика, стал читать афишу. «Гадаю по линиям рук. Угадываю чужие мысли, предсказываю настоящее, прошедшее, будущее каждому человеку. Плата за сеанс 25 копеек». Неожиданно из дверей выбежал мужчина лет сорока с большим кинжалом в руке и бросился бежать по направлению к Царской улице, ныне Республики. Заметил полицейский.

* Оригиналы записок А.А. Иванова находятся в фондах Тюменского музейного комплекса им. И.Я. Словцова — ТОКМ ОФ 25697/1-7, 27416/27-35.

¹ Сад тюменского купца Гилева, впоследствии носил названия сада на Александровской площади, Советского сада, сада Карла Маркса, сада «Спартак», Пионерского сада, Площади Борцов Революции.

Свисток, выстрел в воздух, и человек остановился. Двое полицейских конных — и к месту происшествия. Мальчишка, как и все любопытные, за полицейскими. При входе в помещение представилась следующая картина. В комнате двое дам лежали в обмороке, третья, сидящая перед зеркалом в кресле, пришла в себя, озираясь кругом, как будто кого-то искала глазами. На полу лежал одетый в черный сюртук мужчина пожилых лет. Опрос свидетелей был на месте. Вот что они показали. Во время сеанса зашел человек и обратился к хироманту с таким вопросом: «Вы отгадываете чужие мысли. Угадайте, что я думаю в настоящую минуту?» Хиромант не нашелся что ответить. Мужчина в одно мгновение кинжалом в грудь убил хироманта.

На следствии признавался, что это одна из жертв ради любопытства. Действительно ли он мог угадывать чужие мысли? «Для нас, профессиональных грабителей и убийц, он был опасным человеком».

Вот и такие бывают клиенты у шарлатанов гадалок и хиромантов. Это было давно и сущая правда.

Уважаемая Нина Абрамян

Вы просите рассказать о подвигах людей из армейской жизни. Мне нет необходимости ни преувеличивать, ни преуменьшать значение подвигов, и на этот счёт имею особое мнение: жизнь каждого человека — это подвиг. Подвиг рождается в характере человека. Присмотритесь к детям, к их характеру, поведению, шалостям и играм, откройте их душу, загляните в неё — и вы увидите, на что он способен. В наше старое время не было спорта и физкультуры. А психология молодых людей была петушиная. Вы посмотрите: петухи дерутся друг с другом, и почему они дерутся? Охраняют своих кур. Подобны петухам были и парни, и девки. На славе был у нас в Сибири тот парень, о котором как говорили: не пропадёт девка с этим парнем. Почему не пропадёт? Потому что характеры были равны — если парень вынимает нож со своей стороны, то девка со своей. Дружили. Парень девушку обидеть боялся, а убить ничего не стоило, мысли выражали откровенно и честью дорожили выше, чем сейчас. Мне кажется, что сейчас девушка доступнее, чем раньше. А раньше девушка была

неприступна. Были обычаи — кулачные бои собирались до трёхсот-четырёхсот человек, и шли с кулаками друг на друга. Обычай варварский, однако обычай, и даже при царском самодержавии. Вернёмся к девушкам. После боя девушки ухаживают за парнями — растирая медными пятакими синяки с лица своих ухажёров. Укоризненно говоря: что это ты поддался, что это тебе фонарей наставили. И теперь тебе не бывать в нашем районе, ребяташки дерьмом забросают. А подружки подсмеивались: а мой-то видала как Митьку или Ваньку с ног сбивал и без фонарей пришёл. Она была горда своим другом, и ей не надо было стирать синяки с его лица. И отдавая ему его наряд, она гордо проходила, зная, что её герой является грозой, что Аркашка-Стрекулист² такой, что его можно видеть везде и даже в своём районе. А были и такие характеры, что Варька-Колбаса отрубила своему любовнику голову топором. К сожалению, и теперь среди нашей молодёжи есть случаи убийства из ревности. Вот уж я чего не ожидал, что это будет при нашем строе на старости лет.

Сейчас слово «пожар» не вызывает чувства тревоги. Молча проходят мимо машины, окрашенные в красный цвет, раньше было не так — со всего города мчалась молодёжь во все концы города тушить пожар. Горело двухэтажное здание по Ишимской улице — дом *Халито*³. Заскочив в верхний этаж здания, где с одной стороны рухнула горевшая крыша и над комнатой, где находился парень, грозила падением вторая половина, парень стоял и разглядывал спокойно фотографии, висевшие на стене. После того как вещи были выброшены в окна, выход был один — броситься в горящее окно. Закрыв лицо пожарным шлемом, вспыхнул пламенем. Факел горящего человека был пойман сеткой со второго этажа другого здания и залит водой. И это подвигом не считалось — обстановка, обстоятельства создали подвиг.

1915 год. Война. Прощай, молодость. Вы не плачьте, мать-отец, нас погонят как овец. Щёголь в кавалерии, лодырь в артиллерии,

² Стрикулист — по-видимому, детское прозвище А.А. Иванова. «Стрекулист — пронырливый человек, ловкач (*прост.*)» (С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986.)

³ Халито Дмитрий Федорович — тюменский мещанин, владел домом по ул. Ишимской, 37, ныне ул. Орджоникидзе.

пьяница во флоте, а дурак в пехоте — царице полей. Если в 1911 году Сашка-Шпилька⁴ во время солдатчины, гуляя как рекрут, откусил конному полицейскому нос и выплюнул, то Колька-Петушок вместо чучела заколол штыком унтер-офицера. А Аркашка-Стрекулист отказался чистить сапоги фельдфебелю и бросил в его рыжую бороду сапоги, и, простояв восемь часов под ружьём, был отправлен на фронт. Так началась война.

Неугомонный

Аркашка-Стрекулист получил право называться по имени-отчеству и по фамилии. Это уже его победа. И, кажется, последняя. Аркашка прожил большую и интересную жизнь, полную унижений, лишений и оскорблений. Остался без отца в пятилетнем возрасте, имея семью — мать, сестру и брата — без средств. Сдала мать дом в аренду двум братьям *Шпилькиным* Александру и Василию — одному водовозу и другому извозчику. Не любили братья выпивать, не любили и за квартиру платить. По соседству была Архангельская церковь, приходская школа. Поступила мать туда сторожихой. Много классных комнат ежедневно убирала она за три рубля в месяц. Злющая была попадья, не верила в нужду, и когда мать болела и жаловалась со слезами матушке-попадье, та отвечала: «Если ты, Евлалия, больше плачешь, то меньше ссышь». А ведь воспитывали детей почитать попов и их служителей бога, а попадью чуть считать не богородицей. Таков был поп *Добромыслов* отец Василий⁵, его жена и дочери Агриппина Яковлевна и Мария Яковлевна⁶. И как ни странно, в этой семье вырос и воспи-

⁴ Сашка Шпилька — Александр Шпилькин, тюменский водовоз. А. Иванов комментирует: «Во время конного парада Шпилька дернул за ногу конного полицейского, стащил с лошади и в завязавшейся драке откусил ему кончик носа.»

⁵ Отец Василий — священником Архангельской церкви г. Тюмени в 1913 г. был о. Василий Космаков. Яков Добромыслов, видимо, был псаломщиком в Архангельской церкви.

⁶ Добромылова Агриппина Яковлевна — в 1913 г. служила телефонисткой в г. Тюмени; Добромылова Мария Яковлевна — в 1913 г. учительница приходской школы в Архангельской церкви г. Тюмени. Сестры священника Вениамина Яковлевича Добромылова.

тывался ныне прославленный капитан парохода Сухотин, он же *Лепехин*⁷, командир Северных партизанских отрядов. Подробностей я о нём не знаю, но что он имел какое-то отношение к семье Добромысловых, это точно. Живя в такой среде, я окончательно потерял веру во всё святое, и в особенности в попов, я их просто ненавидел по двум причинам: во-первых, что они не верят бедным, во-вторых, что вынимают последнюю копейку. Если пару белья мать стирала за 5 копеек своим мылом, то попы с готовым мылом платили 3 копейки да ещё просили, чтобы возвращали остатки. В 1905 году поступил я в Николаевское 3-классное училище⁸, учился хорошо и только отставал по закону божьему, но на выпускных даже по закону божьему взял на пятёрку и кончил с похвальным листом. Учителя предлагали матери продолжить моё обучение, обещали помочь, да так и не смогли. И в 1908 году поступил на чугунолитейный завод *Машарова* Николая Дмитриевича⁹. Работа у мастера за 10 копеек в день чугунок чистить, на десять часов в день. На такой работе больше одежды разорвёшь, чем заработаешь, и перешёл в типографию Крылова, где печаталась «Сибирская торговая газета». И вот я разносчик газет по подписчикам. 71 подписчик в разных частях города. Кто они, эти читатели? Пароходоладельцы и их помощники, капитаны пароходов, торговцы разными товарами, учителя, попы, хозяева домов терпимости, исправники, жандармы, околоточные надзиратели. Только не рабочие. Хозяин *Крылов* Александр Александрович¹⁰, бедный чиновник губернского управления в г. Тобольске, приглянулся купчихе

⁷ Лепехин Александр Петрович (в революционные годы известный как *Санька-Монгол*) — внук псаломщика, с сентября 1914 по апрель 1918 г. капитан парохода «Николай Сухотин» (отсюда ошибка Иванова о «прославленном капитане Сухотине»), с 1919 г. командир «Отряда северной экспедиции» в составе войск ВЧК.

⁸ Николаевское начальное училище находилось в начале XX века в здании центрального военкомата (угол Ленина, 5—Перекопская, 4).

⁹ Машаров Николай Дмитриевич — владелец чугуно-литейного и гвоздарного завода Т-ва «Н.Д. Машаров и К^о» в Тюмени.

¹⁰ Крылов Александр Александрович — журналист и издатель. Собственная типография Крылова находилась с 1897 года на Мало-Разъездной улице (ныне Ванцетти), затем на Томской (Осипенко). «Сибирская торговая газета» выходила с 1897 по 1918 г.

Шестаковой Надежде Андреевне и женился по расчёту, получив приданое, на которое можно было приобрести даже типографию. Кстати, один из его приятелей, *Авдюшин* Иван Иванович, которого мы называли Плешивый за большую плешь на голове, обладал знаниями наборного дела. Был наборщиком. Приехав в Тюмень, они организовали типографию по Большой Разъездной улице, а позднее расширили и переехали на Томскую, ныне Осипенко. Вот сюда, в подвал этого дома, и привела меня мамаша отдать в обучение типографскому делу.

Типография называлась почему-то Электротипография А.А. Крылова, а электричества и в помине не было. Работа основных рабочих продолжалась 9 часов: с 8 до 1 часа, перерыв на обед с 1 до 3, и с 3 до 7 вечера. Зарплата или жалованье в месяц от 3 до 25 рублей. Разносчики работают по совместительству с 3 утра до 9–10 вечера. Для того чтобы убедиться, возьмите для сравнения настоящее время, посмотрите на мальчика или девочку в одиннадцать лет и подумайте, как может такой ребёнок жить самостоятельной жизнью, если его мамаша в этом возрасте ещё провожает и встречает из школы. Это теперь? А раньше? Этот мальчик знал весь город, все переулки и закоулки, все кабаки и бардаки и даже шантаны. Имя его было уличный мальчишка, прозвище Кули или Стрекулист, ему ничего не стоило схватить в лавке яблоко или горсть пряников, конфет. И всё то, что его соблазняло. Что он читал? То, что вызывало интерес, что попадало под руку: сыщиков Нат Пинкертонов и Шерлоков Холмсов. А кем он хотел быть, трудно сказать: или Шерлоком, или Пинкертоном, или Петерсонским поджигателем. Были и воскресные школы, были и благотворительные общества, были и детские приюты, и ночлежные дома для бродяг, и богадельни для престарелых. Всё это было известно мальчику в одиннадцать лет. Его пытливый и наблюдательный ум и обстоятельства жизни связывали его с этим миром.

[Ещё о проститутках]

Ранним утром каждого дня, в мороз или жару, ветер или вьюгу, ватага ребятишек, оборванных или одетых, сытых или голодных, вваливалась в типографию, наполняя шумом цеха. Начиная трудовой день: кто разбирает шрифт по кассам, кто подме-

тает. А мальчишки-газетчики готовят к разноске газету. Шесть часов утра, и из типографии выскакивают как оголтелые ребята. И разбегаются в разные концы города, крича как бы в шутку: «Газета Ермак — кто читает, тот дурак! Вестник Западной Сибири! Сибирская торговая газета!» Три копейки хозяину, две себе. На мою долю выпал участок Пристань. Тычковка, Потаскуй, Сарай, Городище, Затюменка — такие названия носили улицы нашего города. И особенно запомнилась улица Новая, как её тогда называли. На этой улице были сплошь и рядом дома терпимости, а хозяева *Цивинский*, *Обогрелов*¹¹, *Ранч* Машенька были знакомы всем мотам, купцам, жуликам, приставам, околоточным надзирателям, полицейским и разной дряни. Бежит газетчик, ежась от стужи, вертится как вихорь, [подставляя] свои бока под удары холодного ветра, немеют руки, мерзнут ноги, а он бежит из дома в дом, разнося газеты. Вот открывается дверь с красным фонарём. Среди разбитой посуды и опорожненных бутылок вина и пива, растянувшись в кресле, полулежит жирный как свинья купец. Он откупил этот вечер один, и все должны служить только ему, он здесь сегодня хозяин — что хочет, то и делает, он всех купил. И этих молодых девушек, что лежат обнажёнными под его ногами после пьяной оргии, которая длилась целую ночь. Пол усыпан шелухой семечек и орехов, и в лужах пролитого вина, растрёпанные, лежат они в разных позах. Они, продавшие свою совесть и тело этому паразиту. Вот школа для малолетних детей того времени. И так изо дня в день, из года в год.

Ледяной дом. Рассказ

Стоит этот дом по Самарской улице в городе Тюмени¹². Трудно сказать, кто и когда его строил, кто был его первым хозяином. Старожилы говорят, что в нем жил когда-то изобретатель. Изобретал неизвестно какую машину. Под полом этого дома и сейчас находится глубокая яма, в которую проваливается дом. Так вот стоит этот дом, покосившись на левую сторону, и как

¹¹ Обогрелов Егор Иванович, крестьянин Ялutorовского уезда — возможно, владелец дома терпимости по адресу Илецкая (Елецкая), 20.

¹² А.А. Иванов проживал по адресу ул. Самарская, 7.

человек с искривленным лицом, похожим на гримасу, дразнит прохожих. Как бы говоря: люди, это вы меня таким сделали. Мои бока поранены, вы их не подлечили, глаза мои окна покрыты снегом как бельмами, и я застываю от мороза, вы меня не греете а ведь когда-то я согревал вас, укрывал вас, когда вам грозила беда. А теперь я забытый стою и жду, когда меня похоронят. На улице завывает метель, ветер завывает в трубе стоном, раздаётся его вой в квартире. Стены квартиры покрыты инеем и снегом, сырые дрова как змеи шипят в камине, и только огонь напоминает, что где-то в другой квартире живут люди в теплой натопленной комнате и наслаждаются домашним уютом. Здесь же, прижавшись друг к другу плечом, сидят два существа, одетые в зимнее пальто, и, протянув руки к огню, взывают. Огонь! Огонь! Почему ты такой холодный, что мы замерзаем. Чашка с едой, стоящая на камине, чуть теплая, и достаточно отойти от камина на шаг, как содержимое покрывается льдом. Длинна зимняя ночь, особенно для стариков. Ведь их сон непродолжителен, всего 4–6 часов, а при таких условиях и совсем нет сна.

Почему все это так случилось, что и дом обижается, и люди страдают. У каждого человека есть прошлое, настоящее и будущее. Прошлое — это жизнь, полная мучительных переживаний. Основное зло — это война и нищета. Раньше отец считался главой семьи, на его обязанности была забота о благополучии семьи. Но условия при царском самодержавии были таковы, что у бедных людей жизнь была непродолжительной, от постоянного труда и жестокой эксплуатации они преждевременно старились и умирали. Мой отец, будучи грузчиком, умер в возрасте сорока трех лет. Но прежде чем умереть, он долго страдал от болезни, будучи психически больным. В нашей советской литературе не принято показывать такие образы и причины, порождающие их, и сумасшедшими считаем тех, кто еще и теперь думает о войне, а о войне думают капиталисты. Может, этот пример и неубедителен с моим отцом. Но в этом есть здравый смысл. Отец был жертвой капиталистического строя — строя эксплуататоров. В 1901 году отец умер, вернее, не умер, а его отравили. Болезнь наступила в 1898 году. Будучи человеком большой силы, он носил на себе груз до 25 пудов. И вот однажды, спуская в трюм баржи этот груз, он оступился, но груз удержал на своих плечах.

Однако от того, что он потерял равновесие, у него получился перелом позвоночника, и как следствие — нарушение центральной нервной системы. А раз больной, то уже хозяину больше не нужен. Придя домой, в свою семью, он видел своих малых детей, а их было трое. Что делать? Работать не может, а семью кормить надо. Пошел искать службу или работу. Будучи не православным, а выкрестком, он был самоед по национал[ьности], теперь не знаю, как их именуют, он поступил трапезником в церкву, не зная церковных порядков. Он вошел вместе с попом в царские врата, или, как их называли, святая святых, в алтарь божий. Это по-православному называется кощунством, и его выгнали из церкви. Что было делать, ведь дети есть хотят, а матери работать нельзя, кто знает, что он может наделать, в больницу не принимали, платить надо, а платить нечем. Израсходовали все до последней юбки, так говорила мать, началась голодовка. Отец пошел воровать. Но... ведь и воровать надо уметь. Однажды он зашел в дом купца *Мясникова*¹³. На веранде дома была ладка с вареньем (ладка — это гончарная посуда), так вот эту ладку с вареньем он стащил, а в другом месте он стащил пирог с груздями. Замечен не был. И, к нашему счастью голодных детей, он все это принес домой, поставил перед нами и сказал: ешьте, ребята. Как голодные волки набросились мы на это варенье и с груздевыми пирогами стали жрать. Каково же было удивление матери, когда она, придя, увидела эту картину. Она отобрала варенье, спросив у мужа: Саша, где это ты взял и зачем. Он сказал: у купца, у их там еще остались ладки. Мать пошла и отнесла варенье хозяевам, и они не побрезговали и взяли, выругав мать. Отец любил животных. Однажды произошел такой случай. У торговца *Мартынова* отец утащил брюшину — это такой сорт мяса, которым раньше кормили собак. Хозяин заметил и, исхлестав плетью в кровь отца, он бил его по чему попало, даже по лицу, отобрал брюшину и не донес собачке.

Без борьбы нет жизни

В какой бы семье человек ни родился, он всегда начинает со слез. И мать, принимая это маленькое существо, старается утешить, и он улыбается. Своими маленькими ручонками он ловит воздух,

¹³ Мясников Николай Андреевич — тюменский купец.

а косолапинькие ножки делают произвольные движения. Так было с каждым человеком. По-разному складывается жизнь человека. Она складывается из времени, обстановки, социальных условий и родительской [нрзб]. Иванов родился тогда, когда люди его класса не были людьми, а были вещью, которую можно сломать. Или, как говорят в народе, веревки вить. Отец без отца и мать без матери. И если у власть имущих есть какая-то родословная и знатный род, то у моих родителей его нет. Отец из тундры, мать из города. Отец грузчик, мать ремесленница, дед по матери сапожник — [нрзб]. 1901 год. Отец надрывается от непосильной работы и сходит с ума, живет с матерью, не умирает. И если умирает, то очень медленно, мозг разрушен, а тело живет, иногда приходит в сознание, плачет и идет на работу — на работу не принимают безумных, ворует. Что ворует: галоши детские из прихожей или из передней варенье, только что сваренное и выставленное остыть, и даже пироги у зазевавшихся хозяек, и даже брюшину для собачки Франтика — все это несет домой и отдает своим бедным ребятишкам. Бывает и так — попадет на краже, хозяева отберут краденое удовольствие, избыют в кровь, и обезумевший отец избитый приходит домой. Мать бросается на отца со слезами, и вся семья, окружив отца с матерью, плачет и проклинает свою судьбу. Обмывает отца слезами и водой, водворяет в комнату. [В концах?] комнаты железные скобы, продевает сквозь скобы оглоблю и не выпускает отца. По рублю за прием брали доктора, и не вылечили. Когда все было продано и мать осталась в последней юбке и кофте и дети голодали, а мать боялась пойти на работу от больного отца, сжалились, и купец *Текутьев*¹⁴, городской голова, определил отца в сумасшедший дом. Мать пошла на работу. Отец, будучи физически сильным, выломал в больнице железные решетки и прибежал домой в белом сумасшедшем халате с длинными рукавами, схватил сечку, которой рубят мясо, и нанес несколько смертельных ран — так повторялось два раза, два побега. Жутко, жалко было видеть, как на отца набрасывали аркан, петлю из веревок и как вязали и бросали в телегу, чтобы снова водворить в сумасшедший дом.

¹⁴ Текутьев Андрей Иванович — потомственный почетный гражданин гг. Тюмени и Ишима, 1-й гильдии купец, городской голова (1899 — 1911), благотворитель.

А после в скором времени его отравили в сумасшедшей больнице, ведь он был всего только что рабочий. Так началось мое детство. В 1913 году убили брата в ремесленном училище, случайно, из самодельного пистолета. Одиннадцать лет, и окончена 3-классная школа: четыре арифметических действия, чтение, русский язык — вот и вся грамота. На работу куда — на чугунолитейный завод Машарова чугунки чистить. У мастера в подмастерьях, 10 копеек в день, без спецодежды, в лохмотьях, полуголодный. Когда-то мать придет и в фартуке принесет объедки с барского стола, а передник, в котором она стирала белье, пропитан мылом, и куски пахнут грязным бельем, а дома опять стирка белья и пар и запах в душевой комнате с керосиновой семилинейной лампой до половины ночи, а на утро каторжный труд на хозяина. И пришла мне в голову мысль искать брата отца на севере. В 1911 году сбежал из родительского дома на север, смутно представляя, что где-то, по рассказам матери, есть брат у отца, нерусский, но все же родственник, где ездят на оленях и едят сырую рыбу, — романтика по настоящему времени, а в прошлом холод и голод. Забрался незаметно в трюм парохода «Тобояк» и... уехал. Пароход ходил до Тобольска месяц, был август. В Тобольске вышел на берег без паспорта и вида на жительство, поголодал дня два, а потом стал присматриваться к грузам, к грузчикам, нашел сверстников, разгружали бакалею, пороли мешки, ломали ящики, питались. Нашел работу у купца *Копотилова*, ел с одной чашки с дворником, он же кучер, грузчик, а я за приказчика и за няньку. Щи ели из одной чашки, горячие, а горячие я не мог кушать, он две-три ложки в рот, а я одну — все дую, чтоб остыли, посмотришь — в чашке щей уж нет, а он посмеивается, так голодным и вылезал из-за стола, а в лавке какой-нибудь покупатель наберет муки побольше — и грузи, а силенки нету, надрываешься и несешь. В воскресенье выйду на берег Иртыша, а Иртыш широкий, и смотрю, где солнце садится, вспоминая родную мать и город родной, спрашиваю у людей: а где это север, какие туда идут пароходы — туда скоро перестанут ходить, скоро Иртыш ставать будет. Что делать, надо пробираться обратно в Тюмень. И вот однажды иду к пристани по длинным мостам и вижу — в щёлке краснеет, поднял, какое счастье — десять рублей, это для меня было целым состоянием. Пришёл к хозяину, а сам думаю, как бы сбе-

жать. Пришёл пароход «Тоболяк» в последний рейс, река покрывалась серебристым мелким льдом. Билет за рубль пятьдесят коп., прыжок на пароход — да здравствует Тюмень! Мать чрезвычайно рада была моему возвращению.

Легковой извозчик [или] Лошадиное такси

Биржа легковых и ломовых извозчиков — это вид городского транспорта времен 1905–1914 гг. В зимнее и летнее время к услугам жителей г. Тюмени были ломовые и легковые извозчики, для современников это частные лица, занимающиеся извозным промыслом. Ломовой извозчик на добротной лошади, запряженной в большие сани или телегу, стоял на Базарной площади и предлагал свои услуги для перевозки багажа. Особенно их было много на пристани и вокзале. Перевозили пассажиров, прибывающих со своими товарами для торговли из других городов, и внутри города жильцов, переезжающих с квартиры на квартиру со своим домашним скарбом. Ломовой извозчик — дородный мужчина. В фартуке из кожи или рядна, в кожаных рукавицах разгружал и нагружал вещи и доставлял по адресу. В настоящее время их заменяют автомашины.

Легковой извозчик, который побогаче, имел рысака и лихо мог прокатить по улице желающих в пролетке, начищенной до блеска, в фаэтоне на рессорах, в крытом, в случае дождя раздвигающемся кожухе, а который победнее — в коробке без роскоши тарактел на своей кляче по городу по булыжным мостовым, отвозя за пяточок подгулявших пьяниц из кабаков. В зимнее время в санках, обитых сукном, а у некоторых бархатом или плюшем, с медвежьим одеялом или бархатным, с сеткой красивого цвета, которая служила украшением лошади. Они стояли в очередь на бирже и поджидали пассажиров. Биржи находились возле банков, вокзала, пристаней и в более людных местах. Хозяева извозчики были... [*Последний лист утрачен*]

В редакцию газеты «Тюменская правда»

Ознакомившись с документом Донесения помощника начальника Тобольского губернского жандармского управления

в Тюменском уезде начальнику Пермского губернского управления в распространении газеты «Тюменский рабочий» от 6-го октября 1908 года, привожу дословно текст этого донесения:

«Газета “Тюменский рабочий” в количестве 3-х экземпляров и среднего листа с “хроникой” той же газеты были переданы мне лично командиром Тобольского полка полковником *Полянским* в присутствии моего начальника управления, при этом полковник Полянский заявил, что газеты были найдены в походной кухне, которая стояла в сарае при казарме Тобольского полка, куда, по-видимому, они были подброшены. Два экземпляра этой газеты мною были представлены начальнику управления — один для него, другой — для представления в департамент полиции. Затем один экземпляр представлен вашему высокоблагородию, а “хронику” я оставил у себя, кроме того, в полиции были три экземпляра названной газеты, из коих один был представлен тобольскому губернатору, один оставлен для сведения при полиции, и один в распоряжение передан судебному следователю, так как был найден при обыске у одного из грабителей артельщика *Маругина*, именно у рабочего машаровского завода Петра *Мартемьянова*. Таким образом, лишних номеров “Тюменского рабочего” ни у меня, ни у полиции не имеется, во всяком случае, эта газета, очевидно, между рабочими имела распространение, что заключено из того, что при допросе мною одного машаровского рабочего в качестве свидетеля по делу в охранном порядке о “Тюменской организации С.Р.” этот рабочий мне сознался, что он и другие его товарищи читали названную газету, а на мой вопрос, где этот номер находится, ответил незнанием. Кроме того, мне случайно удалось узнать, что один обыватель в Заречной части нашел один № названной газеты и по прочтении сжег его. О вышеизложенном доношу. Ротмистр *Поляков*».

Мне по этому делу известно следующее. 3-го сентября 1908 года, если мне не изменяет память, я был свидетелем следующего события. Часов около одиннадцати дня после разноски газет я прогуливался в тюменском логу, где протекает речка Тюменка. С горы так называемой Сенат [?] прыгали три человека, двух я хорошо запомнил, их одежду: один в коричневом длинном пальто, другой в черной драповой тужурке, оба в сапогах, третьего одежду не запомнил. Тропинка была узкой, и они меня столкнули в воду. У того, что в

тужурке, из кармана торчала знакомая мне красная веревка и рукоятка с кончиком от револьвера, и они бежали гуськом друг за другом вдоль речки по направлению на Большое Городище, где на краю к логу, ныне улица Коммуна, стоял большой красный чан для воды от пожара, а на углу жил водовоз *Быков*. Городище тогда было мало застроено, недалеко был лесок. Вылез я из воды весь в глине, поднялся на горку. А Васька *Духовской*, сын мясоторговца, на своем скакуне, у них лошади бегали на ипподроме, с большим кнутом кричит: где тут разбойники пробежали, по-видимому, намеревался задержать да и, раздумав, поехал шагом домой. Восвояси. На углу у Железнова жил портной. Услышав слово «разбойники», вылез стремглав по окну со второго этажа, кубарем скатился с горы, в то время когда разбойники уже по дорожке подымались на другую сторону лога к красному чану. Портной бежал, разбойники подымались. Решили передохнуть, с этой стороны лога их было видно. А портной все бежал и бежал. Разбойники скрылись, а с ними и портной. Через некоторое время появились в этом месте возле лога солдаты конвойной команды, они не спешили, немного повертевшись, они отправились обратно. А я стоял на углу и ждал, когда и с чем вернется портной. Уставший, вспотевший портной появился. И вот что он рассказал: «Я их преследовал до самого леса, когда они забежали в лес, остановились и, увидев меня, засмеялись. И сказали: что, тебе жить надоело? И вынув из кармана револьвер, погрозили мне. Я онемел от ужаса, повернулся и бежать под их общий хохот». Так бесславно закончилась погоня за экспроприаторами.

Ограбление продавца ренского погреба¹⁵ братьев *Поклевских-Козелл*

В октябре 1908 года, это через месяц после первого ограбления железнодорожного артельщика Моргунова, [ограбили] про-

¹⁵ Ренковский погреб — питейное заведение, где продавались виноградные вина. Поклевский-Козелл Альфонс Фомич — владелец винокуренного завода в с. Падун и пивного склада в Тюмени на ул. Подаруевской, ныне Семакова. Поклевские -Козелл Викентий и Станислав Альфонсовичи, сыновья А.Ф. Поклевского, члены торгового дома «А.Ф. Поклевского-Козелл Н-ки».

давца этого погребца Ростовцева, по делу которого меня вызывали к мировому судье *Крысенко*, что также есть в документах музея в г. Тюмени. Театральный сезон в 1908 году в театре Текутьева Андрея Ивановича, городского головы, начинался с 1-го октября. Это был большой для города Тюмени театр с ложами Бенуара¹⁶, бельэтажа, партера, купонов, балкона и нашей галерки, откуда мы, мальчишки, опускали на головы публики недоеденные пирожки, в особенности лысых, в партер, кололи булавками девочек, в общем, шалили, были большими любителями театра, а когда подрастали, влюблялись на расстоянии от галерки до сцены в намазанных актрис. Я, например, был влюблен в героиню *Кулебко-Корецкую* и плакал над постановками «Двух сироток». Смотрел и фарсы, где дело доходило до спален. На нас закон «дети до 16 лет» не распространялся, мы были безнадзорные, проходили в театры, вернее, пролазили, особенно в кино, между ног у публики и смотрели картины. Когда места все были заняты — из-под скамеек. Будучи доверенным лицом от хозяина Крылова Александра Александровича, я пользовался некоторой привилегией, мне давали контрамарку для входа на одну персону на галерку за то, что приносил программы и афиши. И вот однажды, часов около семи вечера, я нес афиши и программы в театр напротив театра по улице Иркутской, теперь Челюскинцев, со стороны бульвара, где сейчас построен Дворец пионеров, а тогда был пустырь с березовой рощей, где паслись коровы. Услышал стрельбу, показалось, что стреляют на бульваре. Сунув в окошко театра программы и афиши, я бросился к Спасской церкви, теперь библиотека, и зашагал вдоль улицы, поравнявшись с ренсковым погребом, где сейчас был Тюменьпроект. Увидел выбежавших из погребца, по-настоящему винного магазина, трех человек в масках, которые выстрелили не то в меня, не то в стоящий напротив магазина фонарь, и я от страха упал, тогда я был мальчишка. Меня подобрали околоточный надзиратель и стражник полицейский, повели в магазин, собралась толпа любопытных. Я говорил одно: что [там] в погребце? Что же мы увидали: за прилавком ходил продавец, зажав колено ноги... [*Последний лист утрачен*]

¹⁶ Бенуар (фр.) — партерная ложа в театрах.

Законодатели мод

Недавно [?] в газете заметку о стилягах и о вкусах одеваться по вкусу. Это вопрос очень интересный и имеет свою историю. На этот счет много существует поговорок. Вот одна из них. По одежке протягивай ножки. В дореволюционное время молодежь претендовала тоже на моду. И мода была такова: сапоги лаковые считались в большой моде, брюки узкие за голенища касторовые, рубашка шелковая и серебряный кавказский пояс. Фуражка со светлым козырьком и плисовым околышем и чуб. Если б современный стиляга увидел такого парня, он бы его посчитал за такого же парня. Как автор письма о стилягах и хорошем вкусе пишет: однако никого из [?] не возмущает тот факт, что в нашем городе еще не перевелись парни с челками и чубами, падающими на глаза, одетые в пиджаки, из-под которых виднеется майка-безрукавка или тельняшка, с брюками, заправленными в сапоги гармошкой. Что имел в виду автор, я не знаю. Что ему не понравилось в этой одежде?

И мне вспомнилось мое прошлое, мне было тогда 18 лет, а рабочего стажа я уже имел 7 лет, а рабочий стаж теперь является гордостью советского молодого человека. Царское самодержавие не заботилось о рабочем человеке, о его воспитании во всех отношениях. И он был предоставлен самому себе и окружающей его, молодого рабочего, среде. Многие из рабочих из молодых даже не знали фамилии одного и другого, а были клички [Афонька Культяпый?], Митька Чугунный, Ванька Сало и другие. Однако эти Ваньки и Афоньки были хорошие ребята, дружные между собой, дорожившие дружбой товарищества. А пример они брали в одежде с тех, с кем они работали на фабрике или заводе, — рабочих. Другое дело, подчеркиваю, того времени, интеллигенция. Это костюм, сшитый по последней моде, взятый из журнала мод, а кто сам интеллигент, про которого говорили «лягавый». Это сын торговца, чиновника, пристава, исправника, попа и другой швали, только не рабочего **человека**. Вот один факт: факт об истории одежды и вкуса. А вот другой факт.

В редакцию газеты «Тюменская правда»

Дорогие товарищи, заканчивается 1961 год, который ознаменовался выдающимися событиями: человек в космосе, двадцать

второй съезд партии, сессии Верховного Совета Союза ССР и РСФСР, принятие закона об утверждении Основ гражданского законодательства. Советский человек имеет два имени, два назначения: гражданин и товарищ. Когда вы нарушаете общественный порядок и правила социалистического общежития, вы сразу переводитесь морально в гражданина, а когда вы у общества на почете, вы товарищ. [...] Для сравнения хочу привести примеры, для того чтобы отличить белое от черного. Вы, вероятно, обратили внимание, что сравнивается рост экономики и производство стали, чугуна, электроэнергии и других видов, говорят: производство увеличилось против 1913 года в двадцать раз, в тринадцать раз, и что созданы целые социалистические города и много еще всего такого, которое никогда бы при царском самодержавии не было сделано. Г. Тюмень — пересыльная всех неугодных царскому самодержавию людей. Город церквей, кабаков и бардаков. 1913 год — это год изобилия и дешевизны. И все-таки для рабочего мало утешительного. Его, этого рабочего, жмет хозяин, эксплуатирует, работа по 12–14–10–9 часов, время не регламентируется законом. Условия хозяйские, им санитария, им безопасность не предусмотрены, законом труд не гарантирован: хочешь работать, соглашайся на любые условия, не хочешь — как хочешь, уходи, ищи другое место. Я по профессии переплетчик, а что это значит — в прошлом босяк, большинство этой профессии — люди кочующие, бессемейные, бездомные бродяги из ночлежки. Вот некоторые из них. Павел Васильевич *Кривошеин*. Небольшого роста, толстенький как шарик, косолапый, синий побагровевший нос от чрезмерно большого употребления вина, рыжая окладистая борода, голова, покрытая копной рыжих волос, вечно невыспавшийся, переходящий от одного хозяина к другому, страдающий запоем, в грязной, черной по цвету и от грязи рубахе, в опорках на босую ногу летом от сапог, зимой от валенок, вваливается на работу, еле держась на ногах, и поет. «Клубок катится, нитка тянется, клубок дале, дале, нитка доле, доле. Клубок катится...», — и еле выговаривая слова. Показывает пальцем в рот, дайте, мол, еще выпить что-нибудь, и его приятель лезет в шкаф, достает бутылку с шерлаком. И начинается священнодействие: шеллак наматывается на ватку, в опущенную лучинку с ватой в

бутылку отделяется от спирта¹⁷, и содержимое бутылки поступает в рот Павла Васильевича. После чего начинается беседа, поцелуи и объятия. Затем тело и голова засыпают, рушатся с тубарета и усилиями друга прячутся под верстак, забрасываются бумагой обрезками. Человек замирает до утра. Проспавшись утром и опохмелившись, принимается за работу и работает до тех пор, пока не надоест, днем и ночью. Хозяин знает, что этот на все способен, может сбежать каждую минуту, денег за работу не выдает, надо ждать две недели, а деньги пропиты. Что делать, выход найден — стоять у церкви, протягивать руку и просить подаяние ради господа бога и Иисуса Христа, собрать несколько копеек и пойти в казёнку купить вина и закуски, переночевать в ночлежке и снова на работу. Вот что такое человек прошлого, переплетчик.

О людях свободных профессий

Писатели, художники, скульпторы, изобретатели и даже фотографы. Их никто не осуждает, даже поощряют. Работай сколько хочешь, получай сколько хочешь. Труд писателей хорошо оплачивается. Такие как Шолохов, Маяковский — их издания переиздаются по нескольку раз. Они имеют монополию на свои произведения и на текущем счёте миллионы.

В моей трудовой книжке записано 13 лет дореволюционного стажа, подтверждённого документами. Это значит, когда не было права на труд и образование и отдых, и слово «свобода» было призрачным понятием, однако и тогда были люди свободомыслящие и в самой беспросветной тьме находили себе радость, кто как понимал.

Работа по найму, бесплатно для обучения и помесечно на хозяина при любых условиях. По принципу хочешь работай — хочешь уходи. По обыкновению работали такие работяги с осени до весны. Когда солнышко стало подниматься высоко и пригревать и коровушки подставили бока к солнцу и, жмурясь, мерно пожёвывали свою вечную жвачку, Паша¹⁸ начинал грустить,

¹⁷ Герой употребляет спиртовой раствор смолы шеллака (шерлака), извлекая из него смолу способом сепарации и выпивая спирт.

¹⁸ Паша — Павел Васильевич Кривошеин, переплетчик, друг Иванова.

и лицо его становилось скучающим по свободе. Он рассуждал: ну вот и дождались красного солнышка, ухожу я от вас, ребята. Пойду путешествовать. Получит получку — и нет Паши, а где Паша — а Паша у казёнки, так назывались кабаки. А по культурному — винные лавки. Двери у винных лавок были окрашены в красный цвет и обиты железом для того, чтобы не видно было, что о них вытирался сургуч от запечатанных мерзавчиков, косушек, шкаликов с водкой. Купит шкалик с водкой, об дверь сотрёт сургуч, ударит по донышку — пробка вылетит, и как астроном наблюдает звёзды, так Паша, запрокинув кверху бутылку с водкой, наблюдает небо в ясный день. Сдаёт посудку, добавляет копейки — и снова наблюдает небо. И так к вечеру ему снятся приятные сновидения. Когда пить больше не на что, идёт в ночлежку. Там, в ночлежке, живёт один-два дня и отправляется из города в далёкое путешествие — в другой город.

Уважаемый заведывающий отделом писем редакции газеты «Советская культура»

3-го сентября 1960 года № 5905. Вы мне писали, о чем бы я мог написать. Что интересовало бы широкие читательские круги. Уважаемый товарищ Потапов, как и во всякой редакции, есть отдел писем трудящихся. Есть он и у нас в газете «Тюменская правда». Не знаю почему, но часто сменяются завотделами. Некоторые из работников думают, что если читатель пишет, значит, хочет быть напечатанным. Это в действительности не так. Я, например, пишу во все центральные газеты, и не потому, что хочу быть напечатанным, а потому, что я знаю, что редакционный аппарат редакций этих газет куда квалифицированней, чем местных, это первое. Второе, местные газеты не всегда любят публиковать острые критические замечания в адрес руководящих учреждений. Редакция газеты «Советская культура» — орган Министерства культуры. Иванов хотя и не культурный человек. У него три класса церковно-приходской школы. И говорит он знает только русско-славянский язык, а родной хантейский не знает, потому что отец не научил, рано умер, в 43 года, грузчик, а мать батрачка.

И только при Советской власти Иванов стал человеком. И пишет во все центральные газеты. И они любезно отвечают на его письма. Это как будто просто, но это не просто. В капиталистических странах не напишет рабочий в центральный орган письма. Когда моя мать была еще жива, а я был маленький, но помню, это было до революции, она мне говорила: *Государь денег пришлет*. По-видимому, она надеялась, что, учтя ее бедность, Государь ей пришлёт денег. Но Государь не сжалился и денег не послал. И в 1921 году в декабре она лежала в поленнице трупов как дрова, погибшей от тифа и голода. А что может быть дороже матери для человека.

В тяжелых условиях проходила борьба за становление Советской власти. Об этом не все еще сказано. И хотелось бы помочь нашим читателям стать поближе к живым людям, документам прошлого. Не в обиду будь сказано тем историкам, которые пишут свои материалы на основании хранящихся в архивах документов и не верят в живого человека, для них бумажка — это все, нет бумажки — нет человека. Иванов — участник трех войн, мой вуз разведка. Это не романтика. Это не погоня за славой. Это мой, наш долг рабочего класса завоевывать свою свободу, когда это нужно, не пышными речами о победе, а с оружием в руках, на известных этапах и при условиях. И мы это выполнили, об этом написано и напечатано много книг. Вопрос о войне и мире еще стоит на повестке дня: об этом не надо забывать. Вот почему глаза и уши и верный прицел должны быть на страже. А пока работать надо. И как жаль, что мы состарились. Наступил 1961 новый год, с Новым годом, товарищи, с новым счастьем, и вас, товарищ Потапов, и ваших сотрудников. Я не знаю, сколько зубов во рту у человека, но у меня в этом году вырвали последние два зуба. И оказался я в таком состоянии в 65 лет, как будто бы только что родился. Говорят в народе так, что ум-то человека что у малого, что у старого. А потом еще умудренный житейским опытом. Мудрецы с седыми бородами, философы и прочие волхвы, которые не боятся могучих владык и княжеский дар им не нужен. Могуч и свободен их вещей язык и так далее. Я к этой категории не отношусь, мое дело было всю жизнь книжки переплетать, и читал я их с начала и с конца. Люблю и теперь это дело.

Насчет искусства вы говорите, да, ваша газета много печатает о театре и меньше о самодеятельности. За исключением того, что смотры в Москве. А знаете ли вы, что как-то нехорошо писать о себе. Но раз вас интересует искусство, извольте. Была такая артистка в 1923 году, фамилия ее *Куприянова* Клавдия Ивановна. Она руководила студией в городе Тюмени. Так она рассказывала, что из театрального училища только четверо были приняты на государственную сцену, в том числе и она. Муж ее *Похитонов* по фамилии. Так вот в этой студии я и учился шесть месяцев. Она мне говорила: сколько вы зарабатываете в типографии. 80 рублей, говорю. А она говорит: да вы с подносом на сцене выходить будете — эти деньги заработаете. У вас такие способности. А *Уместный* Михаил Михалыч¹⁹, когда меня привели в музыкальное училище и поставили к роялю, стали пробовать голос. Я брал одну октаву, вторую октаву, третью. Михаил Михайлович и говорит Володе *Знаменскому*²⁰: если с этим парнем поработать, у него будет диапазон три октавы. А Михаил Петрович *Муравьев*, наш земляк, артист МХАТ, написал пьесу «Двойники антиподы». Я у него в ней играл денщика Быдленко. Он так сделал оценку: в профессиональном театре у меня эту роль играл *Михерев*, но такого образа, как Иванов, он не мог создать. В чём он сам признался.

Вы, конечно, слушали наш академический хор Тюмени. В этом хоре есть и наши типографские певцы. Неплохие. Пока их трое. Но будет в три раза больше. Но вот беда, в типографии нет красного уголка, а в театр по выходным не пускают. А ведь мы работники культуры. Артисту тоже нужно отдохнуть, и как он отдыхает. Это видно из того, что ходит артист *Чернышов*, хороший артист. Одевается с иголки. Ходит он по городу. Сидит в скверах на лавочках и скверно чувствует себя. Потому что нет у него квартиры, не дают. Хороший был артист, я его знаю ещё до революции, когда он работал в антрепризе у Ковалёвой вместе с *Мацким* Николаевичем, когда я ещё был пацаном лет тринадцати. Смотрел пьесы всякие. Хорошо спитый

¹⁹ Уместнов Михаил Михайлович — профессор Уральской консерватории.

²⁰ Знаменский Владимир Васильевич — музыкант-народник, основатель первой тюменской музыкально-художественной школы.

фрак, фиговый листок и две сиротки, над которой плакал Ян Гус и Арвел Окоста. Тогда из любви к искусству забрался к любимой артистке в комнату под диван, оттуда её горничная выволакивала меня, мальчишку, за длинные курчавые волосы. Обнаружив воришку, сначала драли уши, а когда узнавали, что произошла роковая ошибка, что я не воришка, а доверенное лицо Крылова, и что под диваном находятся афиши и программы на спектакль, принимали к себе, ласкали, давали копейки, утирали слёзы душистым платком. Вручали контрамарку на одну персону на галёрку. И летели пирожки в партер на лысые головы — пирожки с луком, с перцем, с собачьим сердцем, с пылу с жару, пятачок за пару. А после засыпал под лавкой на галёрке от удовольствия и, получив утром подзатыльник от сторожа Фрол[а], шёл домой отдыхать, был день выходной воскресенье.

Вас интересует новое, а я пишу о далёком прошлом. Город Тюмень строится. В городе один театр на 150 тысяч жителей. Оперы нет. Клубы не проявляют особенной жизни. Четыре кино. Филармония на ремонте, сроки просрочены. К нам в Тюмень заезжают разного жанра и вида искусства артисты, постоянно зимой работает театр, летом цирк. Недавно смотрел в театре пьесу «Любовь под черёмухой» — не произвела никакого впечатления после Чехова смотреть.

Городской совет ветеранов организовал хор пенсионеров. Вы можете сказать, вот и прекрасно, идите, товарищ Иванов, и пойте себе на здоровье и счастье людей. Услаждайте их слух и внимание. Пришёл я к ним на репетицию, послушал. Но как поют и что поют! Вот вышла певица — и руками не обхватить. И запела: на квартиру к нам заехал командир. Хотел я ей сказать: бабушка, постыдилась бы внучка. Я чуть воздержался от хохота. Но из уважения к возрасту я ей... аплодировал и чуть не закричал «бис!». Бис!

Из далёкого прошлого

Дорогой читатель, это было тогда, когда мы были такими же юношами, как вы теперь, с тех прошло свыше сорока лет. Изменилось лицо нашей страны, выросли новые люди со своими взглядами на жизнь, сложились новые материальные отношения. И только осталось одно воспоминание о прошлом.

В июле 1919 года, чувствуя приближение своего поражения, стали белые готовить эвакуацию из Тюмени. Раненых эвакуировали в баржах. Был слух, что одна была потоплена. Другая ждала своей очереди. Баржа с ранеными пришла в гор. Тобольск благополучно. Среди раненых находился и я. В барже было темно и сыро, шли вторые сутки пути, а пищи не давали, это приводило в волнение, и казалось, ты уже похоронен. То теряя сознание, то приходя в сознание, уж не знаю как, я очутился в американском госпитале в Омске в здании сельхозинститута. Медицинский персонал состоял из американских и русских врачей и сестёр. Лечение проходило так, как лучше бы не лечили: перевязки делались через три дня, раны не промывались. Настроение подавленное, больше молчали. Койки с ранеными стояли по две в ряд, образуя проходы между собой. Со мной рядом лежал раненый рабочий ижевского или воткинского завода, точно не помню, но которого-то из этих заводов. Это был скелет человека, кожа и кости, и всё ему казалось, что у него чешется пятка у ноги, и, кроме яиц, ничего кушать не хотел. Левая нога моя была на скамеечке в приподнятом состоянии, я лежал на спине не поворачиваясь. Этот рабочий рассказывал, что он был кузнец и что очень сильный, а вот теперь должен скоро умереть. Чем можно было утешить его страдания? Только одним, что почесать ему пятки, я правой ногой ему это делал, а он от удовольствия улыбался. И тогда говорил, что когда я умру, то те сигареты «каска» ты возьми себе. Однажды, проснувшись, я почувствовал, что моя правая рука замёрзла. Открыл глаза, рука лежала на груди моего товарища и сверху его костлявые руки — он был мёртв. Так кончилась непродолжительная дружба двух рабочих, двух жертв гражданской войны. Похоронили, рядом другого.

На завтра была назначена операция ноги, думал, отрежут или зарежут. Вот и операционный стол, да не один, а много, и везде на столах люди, и люди в белых халатах, вооружённые пилами и ножами, ножами режут тело, а пилами пилят человеческие кости. Подошла врач *Николаева*, она была очень красива в этом белом как снег халате и белой шапочке на голове, её чёрные открытые глаза светились лаской. Она, погладив по голове, сказала: не волнуйся, 37-й, такой был у меня номер, нога будет цела.

Поступила команда «наркоз» и приказ «считайте до ста». Стал считать, и как будто кто-то давал щелчки по носу, слышны были удары, потом потерял сознание. Очнувшись в койке, я обратил внимание прежде всего на то — нога, где нога? Забинтованная в марлю, она лежала на той же скамеечке.

Осень 1919 года. Санитарный поезд шёл на восток. В вагонах пахло хлороформом, гноем и кровью. Здесь были живые люди, вышедшие временно, и может быть, навсегда, из строя жизни. Здесь были белые и красные, офицеры и солдаты. Путь до Владивостока показался очень долгим. Погрузки раненых, разгрузки и похороны умерших в пути и расстрелы. Да-да, и расстрелы. Поезд вступил на территорию Читы, резиденцию атамана *Семёнова*. Дело в том, что все эти правители мечтали стать самодержцами всея Руси, и у всякого свои порядки, и у всякого своя власть. А их на Востоке было много. Барон *Унгерн* садист, на глазах которого запарывали несчастных людей из гражданского населения. Хорват железнодорожный пират. Атаман *Калмыков* и ублюдки революционеры, эсеры, меньшевики. Эти так называемые русские люди, как правильно охарактеризованные наши социал-предатели. Это точно. Проезжая по территории атамана, в край окошка вагона можно было видеть по обочинам железной дороги на перекладинах между телеграфных столбов трупы повешенных партизан. Наконец, после долгого путешествия по железной дороге поезд остановился на станции Владивосток. Генерал *Розанов* был наместник этого города, англичане, американцы, японцы и белогвардейцы шныряли по городу. Ласковое осеннее солнце освещало своими ласковыми лучами бухту Золотой Рог. Шаланды корейцев-рыбаков под парусами двигались по бухте, добывая рыбу, китайцы-рикши возили в высоких колясках людей иностранцев. Никогда в жизни не хватило бы у меня совести сесть в эту коляску, где человек превращается в скотину. И как мне хотелось в эту минуту вытянуть жирного господина Янки по его жирной спине хлыстом, который он держал в своих жирных руках. К пристани подошёл катер под названием «Инженер». На берегу стояла, или стоял, высокая фигура с сигареткой в зубах, в длинной до пола юбке, напоминала колокол. Френч из тёмно-зелёного сукна и широкая шляпа, как у ковбоев, на плечах мех, он шёл к этому костюму и обладателю как

корове седло. Развернув большую газету, она что-то внимательно читала. Началась погрузка раненых на катер. Командовала всем фигура в юбке с колоколом. Нас направили в морской госпиталь № 1, что находился в Гнилом углу. Не прошло и двух дней, как пришёл человек со списком и стал вызывать по фамилии. Фамилии всё пленных красноармейцев, были и белые. Моя фамилия в том числе. Сердце дрогнуло, чувствуя недоброе. Одели халаты, такой был приказ, костыли под мышки. Зашли в рядом находившееся помещение. Странно, в окнах решётки железные. Ну, значит, тюрьма. Зашли в помещение: нары, на нарах тюфяки и подозрительные больные ходячие, рожи зверские, оказалось, венерики. Но почему решётки, до сих пор осталось тайной. Началась новая жизнь...

Быстро оправившись от болезни, я был направлен из Владивостока в район Раздольного, как мне назвали фамилию начальника отряда *Филлитова*. Вскоре меня командировали в город Никольск-Уссурийск. Рядом стояли три сложенные из кирпича казармы, по краям стоящих казарм размещались в одной — японцы, в другой — то ли корейцы или китайцы. Я их тогда отличал плохо. В средней казарме размещались партизаны. 4-го апреля вечером пошел узнавать, где медпункт. Меня встретил молодой солдат с повязкой на руке, где был обозначен красный крест. Солдат произвёл на меня странное впечатление. На моё приветствие: здравствуй товарищ, — он ответил: здравствуй, мой брат. Это меня заставило насторожиться, и рука моя невольно потянулась к кобуре маузера. Он сходил за трапезой, как он назвал ужин, который он принёс из соседней комнаты. Мы ужинали и продолжали разговор. Больше говорил он, а больше слушал я, из его разговора я понял, что этот тип проданся американцам, так как среди молодёжи их армии было много миссионеров. Беседа затянулась за полночь. Вдруг часов около трёх утра послышались артиллерийские залпы. Воспользовавшись временным отсутствием своего собеседника, бросился к двери. Выхватив из кобуры маузер, стал стремительно спускаться вниз. Навстречу поднимался человек в штатском [нрзб] японца, удар ногой, и он покатился вниз по лестнице. Выстрел, ещё несколько прыжков — и в казарме. Патронташ на себя, карабин на плечи, гранаты в руки — и вон из казармы.

Отстреливаясь от наседавших японцев, мы бежали по направлению к Дубининскому разъезду. В эту роковую ночь японец выступил одновременно в г. Владивостоке, Никольск-Уссурийске, Спасском и Хабаровске. Мы шли вдоль дороги на Ипполитовку Мучную. Большой бой под Спасским мы выдержали 8 апреля. О мелких налётах на станции я не пишу.

Рассыпавшись цепями по обоим сторонам железной дороги, пошли на штурм Спасска. Справа от нас виднелся большой корпус японского аэродрома, где на белом фоне красное пятно на флаге японцев. Вблизи города протекала речушка Евгеньевка. Был восход солнца, цепи продвигались вперёд. Возле орудия, что было возле цементного завода, находился и я, имени наводчика не помню, не то Архангельский, не то Рождественский, помню, что какая-то божественная фамилия. Снарядов было мало, и он поклялся, что со второго снаряда сшибёт броневик, который вышел из Спасска навстречу нашему поезду. И действительно, второй снаряд упал в броневик. Разобрав орудие, мы включились в бой. Это был незабываемый бой. Чудеса храбрости проявлял каждый боец. Вот мальчик 14 лет стрелял недалеко от меня. Или вот девушка с сумкой на плечах, с гранатой в руках бросала их в японские окопы, будучи раненой, до изнеможения перевязывала раны другим. Были люди, было оружие, а патронов не было. [...]

Вот какие записи сохранились у меня в записной книжке того времени. 18 сентября 1920 года, станция Бира. Получено продовольствия на 19 человек: чая 28 золотников, спичек 9 коробков, соли три с четвертью, сала 4 фунта, муки 2 с четвертью, перцу 9 золотников, картофеля 28 с половиной фунтов, крупы 14 с четвертью, хлеба 28 фунтов. Мяса неизвестно сколько. Ещё такая запись — устроен театр станции Бира. Постановки пьес:

- 1) Савва анархист, роль толстого монаха
- 2) Власть тьмы, роль свата

Если были бы живы Павел Петрович *Постышев*, *Серышев* Степан Михайлович, могли бы более точно установить, как и откуда к нам попали артисты. Фамилии я их помню: князь *Майданов*, который продал свой титул в Германию и ушел в артисты, он был уже в глубоком возрасте. Артистка *Зайла* из Одессы.

Розелли, балерина. *Ткачёв* из Балаклавы. *Уткин*. Художник *Наумов*. Всё это надо хорошо проверить. Фамилия *Шлегель*. Цифра 707. *Иуда Самойлов*, смутно помню, что с этой фамилией связано недоброе, а что? Вспомнить не могу. [...]

Были и такие — умирали и воевали, не зная, за что. Вот такой факт. В одной из операций мы захватили пленных белогвардейских офицеров, момент был критический, и их пришлось расстрелять. Так один из них, умирая, взял в руки фотокарточку, на которой была какая-то размалёванная девица. Перед смертью сказал: умираю за пару хорошеньких ног. Вот их политическое направление, а ведь они были русские. Ведь и нам, и им было тогда по 22–23 года. Много можно было бы ещё рассказывать, но ограничусь этим. Вот что. Я не против, чтобы историю надо писать по документам. Это очень важно. Но в документе всего не прочитаешь. Так как об этом расскажет живой человек.

Сестра Марта Мадиссон

В так называемой палате для раненых большевиков на Русском острове в 3-м крепостном госпитале, где каждую минуту можно было ожидать что вот вытащат тебя, больного, из этой палаты и пристрелят как собаку, обслуживала сестра Марта *Мадиссон*. Судьба этой сестры такова. Где-то за Пермью при наступлении с Красной армией они с мужем были захвачены в плен чехами. Мужа ее кастрировали, а ее насильовали белогвардейцы. Администрация госпиталя издевалась над ней, всячески унижая ее человеческое достоинство, держала под стражей, используя ее труд не только как медицинской сестры, а и на всякой черной работе.

Эта в сереньком платье сестра была действительным нашим утешением, которая вселяла в нас веру в скорое освобождение. Незадолго до вступления отряда Степаненко на Русский остров с одним из красноармейцев по имени Илья она исчезла, и вскоре наша сестра уже не приниженная, с печальным лицом, и не в сером платье, а в кожаной тужурке как орлица залетела к нам в палату, сообщила: «Товарищи! Выходите, кто может, остров от белогвардейцев освобожден».

Иванов. 1957 г.

С прошедшим днем праздника Рождества Христова

У православных христиан, от которых идет ваше рождение и происхождение и имя, нареченное вам от церковного календаря, с которым вы живете и любите в обращении называть по имени и отчеству, и свысока смотрите и делаете неприятное лицо, когда вас называют по фамилии и говорят: здравствуйте, товарищ Иванов, Петров, Сидоров. Вы, которые по любому поводу, с предлогом и без предлога, празднуете день своего рождения, устраиваете поминки. Вы, чьи мамы и папы, крестите лоб, садясь за стол, а в обществе выдаете себя за безбожников. Обманываете себя и общество, в котором вы живете.

7-го января, Рождество Христово, газета «Тюменская правда» не отметила ни одной строчкой, по-видимому, нет дела газете, что в этот день где-то в деревне престольный праздник, например, в Гусевой или Утешовой, и накануне в сочельник не хватило вина и еля в гусевском сельпо, а скотники и доярки, забыв про коров, забыли подвести к фермам корма и, не продлив как следует своих буренок, спешили на праздник к родне, недаром по деревням все Плехановы или Сазоновы. Да и в песне поется: было у тещеньки семеро зятьев. А как это в жизни бывает, с пьяными сперва целуются, потом из-за пустяков ругаются, а дальше дерутся. Потом валяются, опохмеляются. И снова начинается сказка про белого бычка. В общем, по старинному обычаю. И по евангельскому учению.

Сказать, чтоб газета о рождестве не печатала, это было бы несправедливо, печаталось, и хотя реденько, на атеистические темы печатается материал. Но объяснения явлений в природе показывают на основе научных трудов по-книжному, книжным языком. Книжный язык не всегда доходчив для всех людей, люди по возрасту и образованию разные, в особенности те, которые верят в бога и нечистую силу да еще хулиганы.

Вы проходите мимо хулиганов, считаете, что это дело милиции, нет, это наше с вами дело общее. Я сам вышел из этой среды. И, к сожалению, сейчас наблюдаю такие факты: какой-то распоясавшийся пьяный хулиган кричит: бога нет! — и наносит удар ножом, в худшем случае, и кулаком, в лучшем случае. Спросите милицию, сколько исписанных бритвой лиц. Вызвав на

откровенный разговор одного пионера, он мне рассказал: дерутся ребята заречные с сарайскими. Услышав это от двенадцатилетнего мальчика, я пришел в ужас: откуда, как проникло это в душу ребенка наше проклятое прошлое, о котором я, старый человек, и вспоминать бы не хотел.

Машенька. Рассказ

По городу Тюмени ходит Машенька с ведром на правой руке. Если вы спросите горсобес, её знают как пенсионерку по старости. Знают её и во всех судах, в особенности во втором участке. Она бывает везде и всё жалуется, жалуется. Жалуется на всех. Она даже выступает на избирательном участке, и её слушает народ и сочувствует. Не только в разных домах города ей сочувствуют, но и в дом к ней приходят и приносят. Она не просит, нет, ей дают, и не только дают, но отдают, жалеют: ах, какая несчастная старушка, плачет, живёт в крайней нужде, молится за усопших, за здоровых и больных и немощных. Когда она стоит в церкви, к ней подходят и подают, её вид просит, а язык молчит. Она берёт и сама отдаёт нищим. Это ещё больше поднимает её авторитет, и ей дают и дают. Приглашают домой мамыши советской молодёжи. Тут она уже не молчит. Тут она «пропагандист» в своём роде, все городские сплетни обо всём становятся достоянием старушек и стариков. Всякие небылицы в лицах — всё это переплетается на все лады. До 1947 года она получала пенсию по инвалидности, теперь получает по старости. Старость — это закономерно, а вот инвалидность — это причина. Что же послужило причиной её инвалидности об... [*На этом рукопись обрывается*]

Заявление в народный суд 2-го участка города Тюмени от гр. Иванова А.А.

Прошу вашего решения об устройстве отдельных ходов в дом мне и моей сестре, *Ивановой* Марии Александровне. Так как дальнейшее проживание в одной ограде с ней для меня является невозможным.

Так, например, ещё в 1947 году она подбросила мне топор, когда я работал в саду. Вызвала милиционера, заявив, что я на неё

бросаюсь, чтобы убить. Ежегодно вызывает милицию с жалобами якобы об издевательствах над ней. В начале 1957 года в 11 часов, когда я спал, она вызвала двух милиционеров с жалобой о будто бы издевательствах над ней. Неоднократно с улицы зазывает незнакомых людей с криком о помощи. В 1956 году в августе она с улицы зазвала работника областного суда *Протопопову*. В 1957 году проходившего по улице курьера нарсуда 2-го участка, фамилии не знаю. В 1953 году она вылила свой кал, имея глиста-аскарида, на грядку с луком, зная, что мы его едим. На замечание она ответила: не пойман, не вор, свидетелей нет. Были случаи, когда она адресованные мне письма перехватывала и вскрывала. В 1956 году она вырвала с корнем три куста сортовой кукурузы, которая была предназначена для мичуринского общества.

Брёвна, где я иногда сижу, измазала своим калом. И снова говорила: не пойман, не вор, свидетелей нет. Также она систематически занимается клеветой. Ходит по домам и разным улицам и соседям, организациям и учреждениям и жалуется.

14 июня 1957 года. Во втором часу ночи загорелись сухие ветки деревьев, граничащие с нашим домом, с домом № 5. Выехавшими на место пожарными, милицией было сказано: загорание могло произойти от спички, папиросы или даже поджога. Для расследования будет выслан человек с обследованием, из пожарной охраны. Который сказал: «Здесь мог быть поджог. О чём говорит, вот видите, этот уголёк. Сведения дадим через некоторое время». Хочу сказать, что это четвёртый случай загорания. Первый раз ночью внизу у неё загорелись провода, и сильный крик её квартирантов разбудил нас. Благодаря тому, что моя жена сорвала провод, идущий к нам наверх, загорание провода прошло благополучно.

Два раза мы среди дня услышали сильный крик её квартирантов, оказалось, она подвесила корзинку с тряпками близко над плитой, одна из квартиранток не растерялась, рискуя сгореть, схватила горящую корзину с тряпками и вынесла на двор, где мы всё залили водой.

И четвёртое загорание. Во втором часу ночи сосед Анатолий *Браун* обнаружил загорание сухих деревьев. В этот день жена заканчивала посадку цветов, предназначенных для обкома ком-

сомола для подложения цветов иностранным гостям на фестиваль. С четырёх часов трудилась она, комары буквально впивались в глаза. В шесть часов вечера я зажёл дымокур, причём на дно ведра положил щепки с тряпками, а сверху закрыл травой и следил, чтобы не искры шли, а только дым, причём от места загорания это было на далёком расстоянии. Когда она в шесть часов увидела дымокур, у неё уже стал предлог продолжать утренний скандал, она стала с криком выбегать на улицу: меня гонят, житья мне нет, надо мной издеваются, заходить к соседям: они меня и всех вас подожгут. Когда в 10 часов вечера жена закончила посадку цветов, засыпал землю в ведро, убедившись, что огня там нет. И вот наконец тишина и покой, прекратилось дёрганье нервов. Вдруг ночью, когда мы уже спали, раздался крик и стук, сестра стучала палкой в окно с криком: горим, пожар! Я схватил ведра и побежал в сад в четвёртый раз тушить. В два часа ночи было потушено, несмотря на нашу усталость и волнение, мы ночь напролёт дежурили в саду. Сестра, видя наше ужасное состояние, преспокойно легла спать, хорошо выспавшись, отдохнув и позавтракав с аппетитом, решила снова продолжать дёргать нам нервы. Она стала снова кричать и скандалить, у неё появился избыток сил и энергии, она стала бегать из дома в дом и всё время кричать, что мы устроили пожар.

Вся её жизнь не была связана с трудом, от природы жестокая, эгоистичная, лживая, не признавая стыда и долга, она не любила труд. Когда мне было семь, ей 15 лет, мать однажды попросила сестру присмотреть за мной, она на меня крикнула, я испугался и заплакал, тогда она стала царапать своими ногтями всё лицо так, что с лица моего стала литься кровь и лезть кожа. Когда пришла мать, она обезумела от ужаса, увидев моё лицо в крови. В таком состоянии я находился, помню, долго. Когда ей было 17–18 лет, она стала вести лёгкий, беспечный образ жизни, и её любимым занятием было бегать к солдатам в казармы по рукам за известную мзду. Обладая здоровьем Геркулеса и крепкими нервами, она жила за счёт семьи брата и матери. Не стремясь к общественной жизни на благо родины, она катилась по наклонной плоскости. В 1921 году я приехал домой, пережив все ужасы гражданской войны. Находясь всё время на передовой позиции, я был

ранен, издёрган, у меня не было сил. Что же я увидел дома? Ей было тогда 33 года. Жуткая бесхозяйственность, стёкла выбиты, кругом грязь, в моей комнате лежали трупы голодающих Поволжья. Лишь один из них был в живых. Он сказал: «Твоя мать умерла из-за твоей сестры. Большого зверя я не видел никогда в жизни». Она выхватывала у матери последний кусок. С 1922 года по 1929 год я давал ей средства к существованию. Она же вошла в сожительство, имея 35 лет, с 19-летним Петром *Сорокиным*, который по возрасту мог быть ей сыном, и жили в нашем доме, бессовестно обворовывая меня. У меня исчезли брюки, облигации золотого займа. От этого сожительства она родила трех сыновей, что она с ними сделала, до сих пор не знаю, знаю, что за младенцев её судили и она отбывала наказание. Когда она пришла домой, я надеялся, что советский закон оказал на неё сильное впечатление и она стала другая. Но она стала доказывать, что от работы кони дохнут, что только дураки работают, а на наш век дураков хватит. Всеми правдами и неправдами она добилась справок от врачей, что мать изувечила её сильным ударом сковородки, отчего она якобы плохо соображает, причём следов увечий нет, да и не могло быть.

Я хочу обратить внимание суда на то, что на протяжении многих лет она систематически занимается клеветой и ложью, ходит по всем учреждениям подряд, позоря меня всякими ложными фактами, ей дают советы, ей пишут заявления, ей дают вещи, юбки, кофты, мужские вещи: брюки, пиджаки, обувь, галоши. Под видом поминок она собирает деньги за умерших людей у верующих именем бога, в то же время они не знают, какой ад жизни она устраивает нам, как она дёргает нервы и что это стоит нам много здоровья. Прошу суд ввиду того, что ни у меня, ни у моей жены нет больше сил сносить удары на протяжении многих лет, прошу суд разрешить сделать нам два разных хода.

Публикация и комментарии Л. Боярского.

**Материалы к биографии
Михаила Анфимовича Рылова**

I

Казань, 24 окт. 1874

Милостивый государь Александр Серафимович¹.

Г. Николай Яковлевич Агафонов передал мне лестное предложение участвовать в газ. «Неделя», сообщенное ему Вами в письме.

Нынешним летом я проехал и прошел пешком от Казани до Томска и обратно, материалов пришлось на мою долю таки изрядно. Которые следует сгруппировать. Но при этом, чтобы составить что-нибудь целое и порядочное, мне необходимы рукописи под рубрикою «Записки работника»², сданные мною в редакцию Камско-Волжской газеты и откуда переданные Вам. (Так как я писал сразу, то черновых и не имею.)

Если бы, Александр Серафимович, Вас не затруднило отыскать и переслать их мне (их, кажется мне, 2 тетрадки), то я был бы чрезвычайно Вам благодарен и чрез это, так сказать, восстановив бы нить записок, немедленно начал продолжать их с приобретением вновь полученных (летних) материалов и отсылать в редакцию «Недели». Все это я пишу Вам только потому, что если эта моя добука не затруднит Вас, в противном случае я просьбу свою беру назад.

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть Вашим покорным слугою М. Рылов.

Мой адрес: Казань, Троицкая улица, дом Кочнева. М.А. Рылову.

II

Милостивый государь Александр Серафимович!

19 ноября прошлого года, по совету Вашему, я послал статью «Записки работника» в ред. «Недели» и хотел покорнейше просить их уведомить меня о том, будет ли статья помещена и когда, а также и какой будет гонорар? Но ответа не получил до сих пор.

Между тем, с одной стороны, имея готовым продолжение этой статьи, как путешествие мое, совершенное летом 1874 г. от Казани до Томска и обратно³, и с другой, крайне нуждаясь в средствах к существованию, мне не хотелось бы без основания посылать туда это продолжение. Редакция «Недели» не отвечает. На этом основании я решился побеспокоить Вас и покорнейше просить: не примите ли Вы на себя труд спросить кого-нибудь из состава редакции о том, будет ли печататься моя статья и скоро ли, а также нужно ли посылать продолжение ее как в настоящее время уже готовое?

Извините за назойливость мою...

С истинным почтением и преданностью в ожидании.

Имею честь быть Вашим покорным слугою М. Рылов.

Казань. Января 26. 1875 г.

Адрес: Московская улица, д. Болдырева. Рылову.

III

Высокоблагородию Александру Серафимовичу Гацискому
Студеная улица, д. № 18, от Рылова.

Добрейший Александр Серафимович!

Я живу в Нижнем с 18 ч[исла] и не найду свободного времени, чтобы побывать у Вас. Думаю, впрочем, если Вы будете в субботу, т.е. 31 июля, дома, вечером зайти и побеседовать с Вами. Затем моя покорнейшая просьба к Вам: ссудите меня сроком числа до 10 августа 5-ю рубл., которые необходимо дать родственнику для проезда до Казани, но такое горе, что моих наличных капиталов в настоящее время не хватает.

Пожалуйста, Александр Серафимович, извините меня, что я беспокою Вас в этом отношении. И пособить-то хочется, да

сил-то нет, а потому поневоле надеваешь бессовестные очки и беспокоишь добрых людей. Но я уверен, что в платеже постараюсь быть аккуратным, а за одолжение премного благодарным.

С глубоким уважением и преданностью имею честь быть Вашим покорным слугою М. Рылов.

Н. Новгород.

29 июля 1876 г.

IV

24 дек., [отв.] 3 янв. 1877

Добрейший Александр Серафимович!

Письмо Ваше от 10 дек. здесь мною получено 19. Благодарю Вас за память обо мне и стремительно спешу ответить.

Меха астраханских коз имеют различную ценность: начиная от 15–20 — дешевый, до 30 — средний и от 30 до 50 р. — самый лучший. Можно выбрать какой угодно.

Если Вы думаете заказывать, то денег высылать сюда не трудитесь, я Вас попрошу по получении Вашего заказа от меня przeprowadить их ребятам в Казань.

В Астрахани я устроился как будто так себе, ничего. Да в свое устройство, по отношению его прочности, я вообще потерял веру. Вечные неожиданные толчки и превратности, повсюду преследующие меня, не располагают опираться на обе руки и здесь, все думается: и это, дескать, непрочно... Как будто я и не заслуживаю уже ничего прочного. Как легко потерять веру даже и в себя...

Что касается путешествия моего до Астрахани, то я не утерпел и описал уже его в 84 № «Каз. Б. Л.»⁴ и получил из Казани лестный отзыв о этой моей статье.

А пишу в настоящее время статейку из моих воспоминаний «6 месяцев на Т. кож. заводах»⁵. Но не знаю, куда с нею деваться и кому отдать ее на предварительное исправление. Она же представляет из себя такого рода факты: 1) самодурство патрона К.; 2) обман его, а потому мое тяжелое положение; 3) недовольство на меня за литературные занятия, а потому и меры к выдворению меня из Т.; 4) меры оригинальные, заключающиеся при

моих стесненных обстоятельствах в том, что мне дают 300 р. отступного и просят уехать из Т., однако с тем условием, чтобы я ничего не писал о Т. к-ных заводах и заводчиках. В обеспечение чего взяли с меня секрет и при малейшем — протестуют. 5) Под вид к тому, что Т. заводы отправляют меня на Филадельфийскую выставку. Все это оказывается только тем, чтобы я уехал из Т. и 6) я поворачиваю с технического пути на конторский после 22 лет упорной техн. деятельности, пою ей лебединую песенку и как ни в чем не бывало становлюсь вместо сапожника пирожником.

Вот бы для «Второго шагу»⁶ я с удовольствием отдал бы, если бы только приняли. Казанские друзья молчат. Я писал им, и ни одного ответа в 3 месяца. Должно быть, потоп славянского сочувствия унес их на лодке добродетели далеко-далеко от нас многогрешных.

С глубоким уважением в ожидании от Вас ответа имею честь быть готовым к услугам Вашим М. Рылов.

Астрахань. Декабря 21. 1876.

V

Добрейший Александр Серафимович!

Если Россия ликует в данную минуту (т.е. в минуту писания сего письма, а не чтения, в смысле: Плевна наша), то я не менее того ликую в том отношении, что «Астраханский справочный листок» тоже наш⁷. Т.е. в руках наших. Остается покорнейше просить Вас, елико возможно в пику Даниилу Лукичу Мордовцеву, поучаствовать в сем вновь вчера преобразовавшемся, по составу участвующих в редакции волжском крайнем органе.

Мы предполагаем при помощи Вашей поднять это, до сих пор чуждаемое издание — до елико возможного самостоятельного.

Может быть, доподнимаем его до того, как кончила «Волга», — это уже будет дело неумолимого рока.

С глубоким уважением имею честь быть Вашим покорным слугою М. Рылов.

[дек. 1877]

VI

Казань. 23 января 1885 года

Милостивый государь Александр Серафимович!

Мне передавал еще в декабре Константин Викторович⁸ с вашего письма о возможности пристроиться мне к нижегородскому статистическому бюро по исследованию кустарной промышленности⁹ в Н[ижнем] Н[овгороде].

В настоящую минуту мне бы необходимо знать что-нибудь об этом определенное. Так как здесь недавно был вятский статистик Е.С. Филимонов, который, между прочим, приглашал на летние работы меня. Но я отказался дать ему решительное слово, имея в виду Ваше предложение. Но он скоро снова здесь будет, и можно по уведомлении Вашем решить окончательно в ту или другую сторону.

Меня интересует программа по исследованию кустарных промыслов в Нижегородской губернии. Не будете ли настоль добры, Александр Серафимович, познакомить меня с таковой, выслать мне экземпляр или 2 бланка.

Примите уверение в истинном к Вам почтении покорного слуги М. Рылова.

Адрес мой в Казани: Новогоршечная ул., д. Воронкова. М.А. Рылову.

VII

Многоуважаемый Александр Серафимович.

Я писал в Питер с тем, чтоб деньги, сколь окажется от продажи книг, были высланы в Нижний на Ваше имя, между тем как теперь оказывается, хотя деньги и высланы на Ваше имя, но с передачею мне, это для вас двойное беспокойство, в чем прошу извинения.

Адрес мой: Казань, Попова гора, д. Вишневого.

За одолжение меня в Нижнем 25 р. еще раз приношу мою глубочайшую благодарность, возратить же которые вскоре я едва ли смогу, т.к. дела мои здесь плоховаты и пока ничего хорошего не предвидится.

Примите уважение в искреннем к Вам почтении и совершенной преданности. Готовый к услугам Вашим М.А. Рылов.

7.XII.1888. Казань.

Комментарии

В предыдущем номере стенной газеты было опубликовано семь писем М.А. Рылова к Г.Н. Потанину. Времени после публикации прошло немного, но появилась информация, которая не попала в комментарии публикатора. Удалось уточнить автора статьи о М.А. Рылове, хранящейся в собрании М.А. Васильева в Пушкинском доме. Им оказался сам М.А. Васильев. В РГАЛИ в фонде редакции журнала «Литературное наследство» (Ф. 603) хранится письмо, датированное 15 апреля 1932 г.

Автор его, житель Казани М.А. Васильев, пытается продать рукопись о М.А. Рылове: «Крупные его вещи — его технические руководства... служившие несколько десятилетий настольными книгами; прочие же его работы — по большей части информационно-публицистические заметки, иногда “подвал” — и только. Более крупных его вещей я не знаю, да их не могло, по моим соображениям, и быть. На второй вопрос — о мемуарной работе Рылова — я должен отвечать, что да, такая работа после Рылова сохранилась в собрании рукописных материалов Агафонова. Она озаглавлена, кажется, “Моя автобиография”. На данных ее имеющейся у меня части переписки Рылова статья и составлена. ...Автобиография Рылова нигде не печаталась. Нашел ее я и обратил на нее внимание как на материал бесполезный». (Л. 1—1 об.)

Сотрудник журнала отверг предложение автора: «Относительно вашей статьи о Рылове мое мнение следующее: публиковать ее в таком виде, в каком она представлена Вами, мы вряд ли сможем. Это именно статья, исследование, а такого рода работы из программы нашего журнала, посвященного исключительно документальным публикациям, явно выпадают. Кроме того, и некоторые принципиальные установки вашей статьи встречают определенное возражение: трактовать Рылова как “одного из первых рабкоров”, конечно, неправильно. Он и вообще-то не рабочий.

Все сказанное не означает, однако, того, что мы вообще никак не сможем использовать рыловские материалы. Вопрос о том — как их использовать. Ставить в основу публикации газетные заметки Рылова, по-моему, нецелесообразно. Они слишком мелки и незначительны. Гораздо интереснее с этой точки зрения может оказаться его автобиография. Но говорить что-нибудь определенное, не видя самого материала, конечно, трудно. Поэтому убедительнейше прошу скопировать эту автобиографию и выслать ее нам. Ее и можно было бы сделать центром публикации,

все остальное сжав до размеров комментария, разумеется, документально насыщенного с извлечениями из корреспонденций Рылова и т.д. Каковы будут соображения на ваш счет...» (Л. 3).

На этом переписка не завершилась. Уже через пару недель М.А. Васильев писал: «Уважаемый т. Сергиевский. Сию минуту получил Ваше письмо. Я с Вами вполне согласен, что печатать заметку о Рылове не следует, и я прошу, если она не нужна Вам больше, вернуть ее мне (если это незатруднительно для Вас).

Автобиографию Рылова (она, помнится, многоречива и длинна) постараюсь скопировать и переслать Вам, равно как и то, что у меня есть из его переписки. Конечно, трудно сказать, подойдет ли все это для Вашего журнала. Автор он был маленький» (Л. 4).

15 мая того же года житель Казани писал: «...автобиографию Рылова еще раз посмотрел и пришел к заключению, что она едва ли Вас удовлетворит, а посему, не имея ни времени для ее копирования, ни свободных денег для найма переписки, я от этой работы воздержался» (Л. 5).

Рукописи из журнала были возвращены лишь через два года. 3 апреля 1934 г. в сопроводительном письме сообщалось: «Использовать их в ближайших сборниках издания мы, к сожалению, не сможем» (Л. 9). Почти через десять лет, в 1943 г., собрание М.А. Васильева было приобретено Пушкинским домом.

Пожалуй, нуждаются в уточнении сведения о художнике М.С. Знаменском. До сих пор местные искусствоведы, занимающиеся изучением творчества знаменитого тоболяка, считали, что карикатуры в «Искре», подписанные именами М.М. и М.С. Знаменский, принадлежат одному лицу, объясняя наличие первых инициалов как псевдоним Михаила Степановича. Автор данных строк уже отмечал, что «первый рисунок за подписью М.С. Знаменского появился в «Искре» лишь в 1868 г. (С. 81). До этого читатель встречался с подписью М.М. Знаменский...» (Тобольские губернские ведомости: редакторский корпус. Тюмень, 2004. С. 285). В издательстве «Academia» выходило собрание стихотворений В.С. Курочкина (М.; Л., 1934. 556 с.). В комментариях удалось обнаружить информацию, что под стихотворением «Я не поэт, — и не связанный узами с музами...: моя исповедь» впервые в «Искре» появился излюбленный псевдоним Курочкина — Пр. Знаменский. Этим псевдонимом Курочкин подписывался в «Искре» с 1859 по 1866 г. 52 раза. «А.В. Амфитеатров со слов П.И. Вейнберга и Н.А. Лейкина передает следующий забавный факт, относящийся к этому псевдониму (Забывтый смех. Вып. 1. С. 146–147): «Василий Степанович Куроч-

кин жил на Знаменской, а брат его Николай — на Преображенской. Отсюда псевдоним: “Пр. Знаменский” и “Пр. Преображенский”. Многие из средних заурядных читателей “Искры” в простоте душевной полагали, что это пишут лица духовного звания, т.е. протоиереи (“Пр.”), и их трудно было убедить в противном. Фамилия Знаменский вообще не сходила со страниц “Искры”, ибо кроме псевдонима Курочкина ее носили два сотрудника художественного отдела — карикатуристы М.М. и М.С. Знаменские». Данная информация не имеет отношения к письмам М.А. Рылова, но по-прежнему актуальна для краеведов.

В комментарии 33 сообщалось, что заметка М. Рылова об Ишимской ярмарке не обнаружена в «Сибири» за 1875 г. Она была опубликована без подписи автора в №4 за 1876 г. (С. 5) под рубрикой «Иногородние известия». В ней шла речь об Ишимской Никольской ярмарке, бывающей ежегодно с 4 по 10 декабря.

¹ Публикуемая подборка писем обнаружена в отделе рукописных фондов Государственного литературного музея — далее: ГЛМ. ОРФ (Ф. 10. Оп. 1. Д. 200. Л. 1–10 об). Они адресованы Гацискому Александру Серафимовичу (1838–1893). Статистик, архивный деятель; был секретарем Нижегородского статистического комитета и председателем Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Автор книг «Путешествие по Нижнему Новгороду» (1877), «Нижегородский летописец» (1886), «Люди Нижегородского Поволжья» (1877) и др. Активно сотрудничал с «Камско-Волжской газетой», издававшейся в Казани в 1872–1874 гг. Страницы газеты заполнялись в основном местными материалами о «малых делах»: распространение грамотности, организация любительских спектаклей и т.д. В издании активно сотрудничали Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин.

Данный фонд (Гациский А.С.) сформирован из поступивших в начале 50-х годов XX в. материалов от сотрудника Московской госбезопасности.

² Ни в одном из указанных в данном письме изданий публикация не обнаружена.

³ Рылов М. От Казани до Томска. Отрывок из путевых заметок по обозрению кожевенных заводов // Казанский биржевой листок. 1875. № 34–36. — Завершается публикация словами: «Там ведь Сибирь, а Сибирь для меня как истого сибиряка, что называется, — конек». Не исключено, что публикация является частью рукописи «Записки работника».

⁴Казанский биржевой листок — газета, выходила в Казани в 1869–1892 гг. 2 раза в неделю, в 1882–1885 — 3 раза в неделю, далее — ежедневно. Изд.-редакторы (в разное время) — А.К. Чугунов, А.И. Миропольский и др. В 1870 г. обязанности редактора исполнял Н. Агафонов, будущий редактор-издатель «Камско-Волжской газеты» (РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 213 об.). Листок представлял в регионе интересы промышленников и торговцев. Печатались **Н.М. Чукмалдин** (С Волги // 1870. № 55), **М.А. Рылов** (напр.: Из Тюмени // 1876. № 10. — В ней автор устанавливает начало журналистики в Тюмени: «Наш город не беден корреспонденциями, посылаемыми в разные газеты. Хотя больших и значительных литературных трудов на нашей почве не всходит, но мелкими всевозможными летописями и заметками о нашем городе мы богаты. Начало корреспонденциям из Тюмени положено в 1858 г. одним заезжим самоучкой¹⁰, и с легкой руки этого пионера появились и местные хроникеры; но дальше наша литература не идет пока. Да и по правде сказать, неоткуда ей и набраться такой силы, чтобы обнять и воспроизвести картину нужд и потребности края. Наше единственное учебное заведение — уездное училище не могло этому содействовать; гимназии у нас не было, хотя ее проект и сейчас существует. Положим, тюменские граждане и раньше издавна поучивали своих детей в гимназии Тобольской, позже стали учить в Екатеринбургской (в настоящее время учится в этой гимназии около 30 чел.) и в Казанской. Многие из окончивших курс в гимназиях переходят в университеты, оканчивают там курсы, но в Тюмень уже не возвращаются. Да что и делать математику, филологу или юристу в нашем торгово-промышленном городе, в нашем старом суде или в нашем уездном училище?»), **А.А. Павлов** (см., напр.: Книжное дело в провинции. Письмо I // 1878 г. 12 окт. — «В данную минуту провинциальная печать за немногими исключениями мало представляет утешительного, да и «исключения» — одни исключения. Это зависит не от бестактности редакций, а чисто от местных условий, и кроме того, от неудовлетворительности положения провинциальной цензуры. Вся нестольная печать, как известно, подчиняется цензуре, для чего в некоторых городах есть отдельные цензоры, но их немного. Например, в Сибири нет ни одного отдельного цензора. Цензурование местных изданий поручается зрителям училищ, директорам гимназий, членам высших присутственных мест, людям, мало специальным в деле цензуры и часто лично заинтересованным «внутренней хроникой» своего города. Если бы последствием всего этого были одни курьезы,

то не беда. Например, я знаю одну захолустную газету, которая осмелилась хвалить городничего соседнего города, а о своем упорно молчала. Свой городничий осердился и... газета подверглась известным "исключениям". При неясном разумении цензурных условий со стороны тех лиц, которым об этом ведать надлежит, затруднения в положении захолустной газеты естественны... изведав в провинции типографское, издательское, редакторское, авторское и библиотечарское дело, я хочу сообщить кое-какие наблюдения». — Так, только в 1880 г. выявлено около 10 публикаций А.А. Павлова¹¹), **В.К. Лаврский** с фельетонами и др.

Публикация, о которой идет речь в письме, рассказывала о том, как встретила Астрахань М. Рылова: «Нечистота на дворах даже лучших улиц... На дворе, где помещается редакция "Астраханского справочного листка", та же история. Чтобы добраться до редакции, нужно пройти через отвратительно грязный двор с зловономием (это в октябре) от разлитых и разбросанных нечистот, затем не менее грязна и лестница, ведущая в апартаменты редакции... Много лет тому назад был в портовом городе Архангельске...» (1876. 21 окт., № 84).

⁵ Данная публикация пока не обнаружена. О событиях, которые легли в основу воспоминаний, см. публикацию и комментарии к ней в предыдущем номере.

⁶ После выхода «Первого шага» (Казань, 1876. 594 с.) из Главного управления по делам печати казанскому отдельному цензору профессору С.М. Шпилевскому сделали указание на то, что сборник указывает на явную солидарность с «Камско-Волжской газетой».

Второй сборник, издателем которого был все тот же Н. Агафонов, вышел под названием «Литературные блины на масляницу 1877 г.» (Казань: типогр. Гладышевой на Никол. площ. в д. Курманаева, 1877. 160 с.). И рассматривал ее все тот же С. Шпилевский, правда, уже исправляющий делами отдельного цензора. В предисловии от «редакторов-сотрудников» говорилось: «Со времени выхода в свет "Первого шага" Казань ничем не заявила себя в области прессы, если не считать двух актовых речей, вышедших отдельными оттисками, да замечательной в научном отношении философской брошюры г. Смирнова в ответ на пресловутую речь Ковалевского. Между тем как Киев в прошедшем году, по статистическим сведениям о количестве вновь выходящих книг, занял после столиц первое место, превзошел в этом отношении даже Варшаву и Одессу, — в Казани термометр литературной деятельности упал почти до нуля. Почти то же и во всех других от-

ношениях... Делать при подобном настроении общества еще один "Шаг" было немыслимо. Поэтому мы отложили и отлагаем его впредь до более благоприятного времени, надеясь, что оно не заставит ждать себя очень долго. ...с первых дней масленицы с прежней энергией напустятся на блины, мы решились воспользоваться этим и принялись за печение блинов "литературных". Не больше как в одну неделю эта книжка задумана, написана и подписана. В литературной кухне так скоро можно испечь только блины...» (С. 3–4). Рылова нет ни во втором выпуске, ни в третьем (Казанский литературный сборник—1878. Казань: типогр. М.А. Гладышевой на Николаевской площади, дом Курманаева, 1878).

⁷ В «Астраханском справочном листке» (1877. 6 дек.) помещен фельетон «Празднование Астраханью взятия Плевны. Речь фельетониста к читателям». Новый автор, подписывавшийся Six-cent soixante six, писал: «В течение семи последних лет во Франции переменилось семь президентов совета и восемьдесят семь министров по разным министерствам, а как французы не были нисколько удивлены этими переменами, то я вполне уверен, что вас нисколько не изумит такая крохотная переменка, как появление нового фельетониста.

Судьба... неожиданно для меня повелела мне предстать пред вами с настоящим фельетоном, заставила меня взяться за перо, давно уже мною оставленное, и заменить моих уважаемых предшественников, до сих пор служивших вашему вниманию.

Решаясь взяться за перо, я уж тем доволен, что могу обещать возможно правдивую беседу только о тех из позднейших событий, которые не могут быть лишены интереса для всех обитателей Астрахани. Рисовать местных политиков, подвизающихся в клубе в буфетах, как делают другие из фельетонистов, я не буду; оскорблять самолюбие чье бы то ни было — не стану... Нам много есть о чем поговорить, минуя все подобное указанному». Принадлежит ли этот псевдоним М. Рылову? По косвенным, так и хочется сказать, уликам, — да. 15 декабря новый автор писал в своем очередном фельетоне: «Да не поставят в укоризну мне мои читатели, что я давно не говорил с ними. Для меня, нового жителя Астрахани, здесь все ново: новою кажется зима бесснежная и безморозная, ибо теперешние морозцы я, житель Севера, далек и мысли называть морозами; ново и незнакомо общество, о котором нельзя сказать, чтобы оно отличалось радушием к пришельцам».

В 1878 г. (№ 1) автор пытается объяснить по поводу своего псевдонима: «В этот год я приобрету расположение читателей, что

весьма доказывается тем, что если сумму цифр наступившего года разделить на число этих цифр, то получится цифра, три раза повторяющаяся в моем псевдониме, и только один раз в псевдониме Немировича-Данченко¹². Скучность числа псевдонима последнего поясняется тем, что он только один раз побывал и притом недолго в астраханском “пекле”, я же намереваюсь много лет провести в нем...».

Астраханский корреспондент продолжает писать в «Казанский биржевой листок». И вот сообщение, что, увидев в № 23 этого издания переделанный корректором «Казанского биржевого листка» свой «астраханский фельетон» «Артем с Балды», «...взвизгнул от удовольствия, взвыл от восторга и, пропев трижды петухом, прошелся колесом по комнате». И эта радость, что напечатали, несмотря на редакторскую правку, судя по рыловским корреспонденциям, опубликованным в предыдущем номере стенгазеты, так необходимую, дает нам некую уверенность, что псевдоним «Артем с Балды» более может принадлежать М. Рылову, нежели Six-cent soixante six. Но исключать, что тексты последнего подвергались правке... А может, не всегда его письму сопутствовала скоропись. Ведь материалы Six-cent soixante six не так часто появлялись в газете. Увы, но судьба Рылова в Астрахани пока не совсем внятна для его потомков.

⁸ Речь идет о Константине Викторовиче Лаврском (г.р. 1844). Присяжный поверенный, журналист, один из соредкторов «Камско-Волжской газеты», сотрудничал с «Неделей» (псевдонимы «Деревенский житель», «ДЖ»). В Российской национальной библиотеке сохранился отдельный оттиск Ученых записок Казанского ун-та им. В.И. Ульянова-Ленина (1930. Т. LXXX, кн. 5). В нем помещены отрывки «Из воспоминаний» К.В. Лаврского с автографом от апреля 1931 г. В предисловии к публикации, написанном уже знакомым нам М.А. Васильевым, говорится, что у Константина Викторовича был еще один псевдоним — Литературный обыватель (С. 881). Здесь же сказано, что он сотрудничал в «Неделе» «с 1874 и до конца своих дней. В 1875–77 гг. он поместил в ней ряд блестящих критико-публицистических статей, посвященных обзору литературных явлений и социологических теорий Михайловского». При этом подчеркивается «гайдебуристость» стиля К. Лаврского.

Атрибутация автографа входит в противоречие с мнением М.А. Васильева о сотрудничестве К. Лаврского «до конца дней своих» («Неделя» издавалась по 1901 г. включительно). Но это при условии, что время сотрудничества ограничивается крайней датой

- жизни К. Лаврского, но не прекращения издания «Недели» (т.е. редакция могла изломать стилистику мысли автора). Если это так, то автограф принадлежит М.А. Васильеву, чье предисловие также помещено в отдельном оттиске.
- В сохранившемся документе «О неблагонадежности некоторых лиц, состоящих в статистических бюро, образованных при некоторых земских учреждениях» (ГАРФ. Ф. 102. З д-во: 1883. Д. 625, ч. 2) начальник Казанского губернского жандармского управления сообщает в департамент полиции: «По распоряжению Казанской губернской земской управы были командированы в уезды — Чистопольский, Тетюшский и Лаишевский — несколько лиц, совершенно не принадлежащих к земству, для собрания статистических сведений в некоторых местностях губернии о причинах неудовлетворительного имущественного состояния крестьян и происходящих вследствие этого голоденок.
- Программу действий лиц, командированных для собрания сведений, земство поручило составить отставному надворному советнику Николаю Федоровичу Анненскому, что он и исполнил, но не мог участвовать в собирании сведений как состоящий под гласным надзором.
- Избранные им для сего лица были: кандидат прав Лаврский, кандидат математических наук Смирнов, студент Казанского университета Дудкин, бывший учитель Ставропольского уездного училища Воронцов, студент технологического института **Михаил Михайлов Рылов** (выделено мной! — Ю.М.), мещанин Вятской губернии Михаил Анфимович Рылов, потомственный почетный гражданин Неволин, крестьянин Павел Якимов, воспитывавшийся в Сибирской инородческой школе» (Там же. Л. 145). После данного сообщения приводится характеристика некоторых из участников экспедиции: «Из числа этих лиц Константин Лаврский в 1863 г. за участие в приготовлении к вооруженному восстанию был осужден в каторжные работы на 8 лет, но по ходатайству генерал-адъютанта Тимашева Высочайше помилован и находился в Казани под гласным надзором полиции.
- В 1871–72 годах Лаврский находился в кругу лиц, которые вели преступную пропаганду, и за это был выслан административным порядком на жительство в Самарскую область, а в 1874 г. прощен с отменой надзора. Впоследствии Лаврский поступил на службу в Казанскую контрольную палату, чтобы иметь право быть вольнослушателем Казанского университета. В прошлый год Лаврский находился в Петербурге для приготовления к экзаме-

ну на степень магистра и в начале настоящего года возвратился в Казань и участвует в качестве сотрудника в издающихся здесь газетах. В последнее время Лаврский действует крайне осторожно, как старый и опытный революционер, но тем не менее направление его крайне враждебно... Благонадежность остальных лиц, собиравших статистические сведения в уездах, подлежит большому сомнению» (Там же. Л. 145 об.).

⁹ В ГЛМ сохранилось письмо К.В. Лаврского к А.С. Гацискому от 23 октября 1884 г. «Дорогой Александр Серафимович!

Вы предлагали мне заняться изучением кустарных промыслов. Но вместо меня не можете ли доверить это занятие другому, **может быть, более меня способному пером** (выделено мной! — Ю.М.), а именно Михаилу Анфимовичу Рылову (тот самый, который бывший сотрудником подворной переписи в Чистопольском уезде). Он нуждается теперь в заработке и охотно взял бы такое поручение хоть на всю зиму, если ваши средства позволяют. В особенности он был бы полезен для изучения кожевенного промысла, так как он сам кожевенный мастер и автор «Практического руководства» по этому делу, которое его интересует. Прошлую зиму и лето он заведывал заводом в Кимрах, но должен был оставить это место, как оставлял и ранее множество других — все по одной причине, что он приходится «не ко двору»: это человек глубоко честный и хотя смирный до последней степени, но ни покривить душой, ни притеснить рабочего, ни лакействовать перед хозяином совсем не может, — оттого и бедствует постоянно, и теперь опять без места. В практической опытности у него нет недостатка — сам он из крестьян, самоучка, годов ему уже немало, под пятьдесят. Вообще, подходящий был бы человек, только надо ему хорошенько объяснить, чего от него требуют, так как некоторый недостаток интеллигентности (так называемой) может помешать ему самостоятельно развить подробный план исследований.

Может быть, ко всему прочему нелишне прибавить, что он человек совсем непьющий. Буду ждать от вас ответа».

¹⁰ Речь идет, очевидно, о публикации статьи М. Рылова в «Записках Императорского Казанского экономического общества» под названием «О кожевенном деле в г. Тюмени» (1858. № 1 и 4). Публикация этих материалов была произведена «Неофициальной частью Тобольских губернских ведомостей» в том же году (№ 11, с. 249–251 и № 22, с. 413–415).

Автор данных комментариев, являясь составителем антологии тобольской журналистики, сделал попытку атрибутировать некото-

рые публикации «Неофициальной части Тобольских губернских ведомостей». Первым на издание «Описания Западной Сибири» И.И. Завалишина откликнулся в местной прессе Н.М. Чукмалдин (ТобГВ. 1863. № 35). В его «Из Тюмени» подвергнуты критике отдельные неточности, в частности, касающиеся кожевенной промышленности. Купец Н. Чукмалдин занимался торговлей изделиями из кожи, поэтому знал состояние дел в этой отрасли.

Именно, может, этот сюжет и способствовал отнесению «Заметок на заметки», подписанных «Туземец из Тюмени», к творческим заслугам Николая Мартиниановича. Хотя с позиции современных знаний о М.А. Рылове стоит более тщательно вчитаться в текст «Заметок на заметки» (ТобГВ. 1864. № 1–2), чтобы увидеть разницу в знании кожевенной промышленности. В последней публикации перед нами взгляд технолога: «...техническая обработка кож не вполне удовлетворительна, не вводится никаких улучшений в процессе выделки...» и т.д.

Исключить авторство М.А. Рылова невозможно. Тем более что в 1864 г. он второй раз вернулся в Тюмень (см.: Лук & Чок. Вып. 2. С. 145). Да и одним из его псевдонимов был **Туземец**.

¹¹ При подготовке данного выпуска стенной газеты в руки попала рукопись одного краеведа о тюменском учителе и журналисте А.А. Павлове, авторе статьи «Пути сообщения на Урале», опубликованной в «Живописной России» в 1900 г. Републиковать данную статью мы не решились, т.к. Андрей Арсеньевич умер в 1892 г., тогда как в публикации есть данные о 1897 г. Здесь проблема такова: кто из этих Павловых не является тюменским учителем и журналистом?

¹² Six-cent soixante six (фр.) — шестьсот шестьдесят шесть (1878. $1+8+7+8=24 : 4=6$). Каламбур с псевдонимом писателя Василия Немировича-Данченко пока непонятен.

Публикация и комментарии Ю.Л. Мандрики

Юрий Мандрика

От среды к... седьмой пятнице

Меня не было в городе больше месяца. Не успел переступить порог квартиры, а несколько источников сообщило: «Тебя Исламова искала...». И куча версий: от «диссертацию по краеведению пишет» до «интересно, что ей от вас надо».

Живя в одном городе, занимаясь одним делом, мы почти никогда не находили общего языка. И в чем здесь была причина, я не мог понять. А может, и не старался сильно. Удручало другое — полное непонимание. В музее «считали», что они сохраняют память о прошлом. Но тиражирование письменных источников о нашем крае было одним из вариантов сохранения запаха того самого времени, о котором так заботились «музейщики». И ни одна из идей, предлагаемая для совместной реализации, не находила поддержки.

Смотрел рукописи Михаила Знаменского — платил как за пользование куртизанкой, по высшему классу. Хотя я далеко у нее был не первый. Более того, никто и не подсказал, а описи старательно умолчали, что рукописи частично опубликованы. Т.е. я даже не воспользовался, а только посмотрел. Кажется, даже куртизанки были снисходительнее к своим незадачливым клиентам. Вспомните проститутку у Куприна, которая в «Яме» предлагает мальчику оставить себе принесенные деньги на карамельку...

М.С. Знаменского мы тогда издали тиражом 3000 экземпляров. Более двух третей раздали в школы, культурные заведения, с уплатой налога на добавленную стоимость как за реализованную продукцию. Карамелька, о существовании которой знали все, нам так и не досталась.

Покойный управляющий делами администрации области В. Медведев как-то жаловался: «Они совсем сдурели!». Мол, передал на вечное хранение в музей фотографии. А когда понадобились нам на время, выставили такой счет, словно посылают фотографа высшего класса, типа Сереги Киселева, который знает себе цену, на съемки в пыльный заплесневевший угол...

В канун какой-то юбилейной даты, связанной с именем Ивана Яковлевича Словцова, с подачи Стаса Белова, подсказавшего, где хранятся материалы первого директора Тюменского Александровского реального училища, помчался на свои кровные в Барнаул. Ровно на день, служба не позволяла задержаться дольше. Знакомых в алтайском архиве никого не было. Письма И.Я. Словцова находились где-то в другом хранилище, далеко от основного здания. В архиве стояла традиционная запарка, и лишних людей, которых можно было послать за материалами сию же минуту для неизвестно кого из Тюмени, конечно, не значилось. Но к вечеру отксерокопированные шестьсот страниц лежали у меня в портфеле. Цена покупки была официальная и смешная одновременно. Мне даже расшили дело ради того, чтобы обнародовать документы родственника С. Гуляева, так много сделавшего для Алтайского края. При этом, правда, попросили: если можете, то помогите нам на то-то, то-то. Две тысячи, отданные сверх цены за ксерокопирование, составляли чуть больше половины общей суммы.

Но в юбилейный сборник «Земли тюменской» письма классика местного музееведения не попали. Татьяна Михайловна «спустила» (другое слово здесь не подходит), словно воду из смывного бачка, до своего пятьдесят седьмого зама (могу ошибиться в счете, они так любили уходить с этой должности), а может, до уровня Васи-сантехника. Которому не нужны были бесплатные материалы для ежегодника, а нужны были только деньги. Любые. Можно пожертвованиями... А Иван Яковлевич? Что он? Мы и так о нем все знаем...

Письма издали мы сами. Оказалось, что далеко еще не все ясно в образе Словцова. Одних публикаций В. Копылова на эту тему, в которой так же много источниковедческого тумана, как и в публикациях Н. Сезевой, и на сегодняшний день недоста-

точно. В письмах к своему тестю Иван Яковлевич выглядел более выпукло, внятно, понятней моему современнику...

Увы, среды в городе не существовало. И так, наверное, было вечно. Тюмень, в которой, по словам И. Завалишина, шампанское пили иртышами, так и не хотела знать, что стоит на другой реке, на Туре. Может, поэтому и П. Городцов, живший практически по соседству с Афромеевым, никогда не печатался со своими фольклорными записями в «Ермаке», хотя они вполне этого заслуживали. Во всяком случае, они были интересней банальных фельетонных материалов П. Рогозинского.

Параллель историческая, но никак не качественная — ниже.

Мне также не удалось напечататься в «Земле тюменской» с материалом о журналисте Н.М. Чукмалдине, стоявшем у истоков современного тюменского музея, но в последние годы своей жизни сотрудничавшем со славянофильским изданием. Все тот же сантехник Вася говорил о пожертвованиях в виде денег, которых не хватает на ежегодник. Я предлагал все собранные материалы издать за имеющиеся деньги. А недостаток финансов попробовать утопить в затратах на другое издание. Но расчет натурой музейщиков никак не устраивал. Деньги были нужны на карамельку для... и они не стеснялись их просить... Это как нищий на современной паперти. Просит «на хлеб», но, когда ему дают подавание хлебом, выстраивает такую угрожающую мимику на своем лице, что понимаешь: основной хлебосодержащий продукт — пиво. И ни градусом ниже.

А с Татьяной Михайловной был удивительно банальный разговор. Ей для работы крайне необходимы краеведческие издания. И лучше из первых рук, подешевле. Ибо в книжном магазине «Знание» они продаются гораздо дороже. К тому же бывшей главной хранильнице всех тюменских древностей хотелось бы поиметь Н. Чукмалдина «софтдизайновского» издания... Слоны, которых мы раздавали направо и налево из-за отсутствия спроса, протекли и исчезли бесследно, как время...

Она была мила в общении. И даже сделала книксен, который должен был гарантировать ей мое прощение. Так и хотелось быть Александром Пушкиным и говорить только стихами: «Татьяна, милая Татьяна!». Но говорила она. Мол, в быт-

ность директорства у нее не доходили руки до краеведческих дел. Строительно-ремонтный быт заедал, деформировал, диктовал те же отношения, которые больше знакомы гастарбайтерам. И она не знала, что издательству удалось столько сделать...

Как говорили наши предки: «Бог простит!». Я здесь ни при чем. Делал и делал. Для себя. И для таких же, которым был интересен я и мои предпочтения...

Хлебное краеведение, которое кормит издателей роскошных семейных и просто альбомов, на пике популярности. Вот только живого краеведа, интересующегося прошлым города и губернии в целом, можно пересчитать по пальцам одной руки. И они не растут как грибы после дождя. Может даже растут, вопреки его отсутствию.

Готовили к изданию «Юркин кондуит». Юрий Сергеевич Зотин не один год работал над ним. И не хранил в тайне, что его свод тюменских фамилий, встречающихся в различных письменных источниках, включая надгробия, самый полный. И не только потому, что первый. Просто его коллекция содержит около тридцати пяти тысяч фамилий. Такие же коллекции в электронном формате есть и у других краеведов. И многие об этом знают. Но в городе, несмотря на наличие различных грантов разнообразнейших фондов, никто не сделал предложения: давай издадим. Пусть вернутся к нам в нашей памяти имена тюменцев, которых сделало неизвестными отсутствие среды... Пока мы способны только пожертвовать на бюст «наркоманке» или на памятник «взятке», да и те изготовлены где-то за пределами города. Не будем говорить о функционировании денег. Оно различно. Но вот есть у нас круг известных художников, а скульптуры для сквериков делают в какой-то Перми. Тюмень все время хвастается обилием знаменитых дизайнеров, но все они из каких-то потемкинских деревень, ибо городская среда не ощущает их наличия. Разве только в выставочном варианте.

Ну а книги, известная речь, теперь не читают. Поэтому всякими проектами вроде «Юркиного кондуита» наше общество позволяет его автору распорядиться по своему усмотрению, начиная от домашнего употребления до интернетовского варианта. Ведь это для избранных... Другое дело фейерверки... О них

известно еще со времен А. Шишкина. А с тех пор немного миновало эпох.

С февраля у нашего издательства появились проблемы. Пока не жалуюсь, но фиксирую на бумаге состояние предприятия. Поднять многотомник «Юркиного кондуита» одним не под силу. Тираж в 150 экз. для знающего издательский бизнес не позволит трекать об отмывке средств. А на непросвещенного, не знающего даже, что такое отмывка, можно махнуть рукой. Но помощь была нужна.

Я в жизни вырастил сына. Посадил возле своего дома даже не дерево, а два (правда, одно смахнул косою таджик, пытающийся за деньги полюбить наш двор). Изнахратил не одну квартиру, в которой жил, превращая ее в монстра. Но вот ученика у меня не случилось. Может, это и к лучшему. Но я завидую, правда, по-доброму, своему коллеге Валерию Белобородову, его успешности в поисках, его влиянию. Говорят, что именно энергичность и результативность краеведческих исследований Валерия Константиновича, спровоцировала Югорский университет затеять специализацию по краеведению...

И тщеславие подталкивает меня в спину. И я звоню. Не хотят ли прислать на практику студюозусов? Огромнейший труд, опыт моноэнциклопедии, и здесь есть чему поучиться. И в издательском деле, да и потереться немного с атрибутами истории местного края. Мне в ответ: «Так это с вами договор заключать надо». И я не пойму: что, снова речь о деньгах, которые я должен заплатить за труд, вкладываемый в обучение недорослей? (Мой товарищ уехал в Германию. Чтобы подтвердить свое высшее образование, несколько лет бесплатно работал помощником врача, лишь бы сдать экзамен...)

Но человека, восклицающего о договоре, ничего не стесняет и даже в боках нигде не жмет, когда она обращается ко мне с ответной просьбой. У бывшей моей коллеги по кафедре практически скончался альманах по той же причине, что у меня издательство, — отсутствие финансов. И она наконец созрела делать его у нас. Частично и за наш счет. Видите ли, они на бюджете, который не резиновый. А я весь такой эластичный... Готов половину заплатить... Но это же старая история: когда мужчина пы-

тается построить отношения с девушкой, а та в десятый раз говорит ему решительное «нет», тому ничего не остается, как искать другую девушку. А вот что делать последней, которая как минимум лет на пять опоздала сказать «да»?

Старею, все чаще ошибаюсь. И если раньше контролировал всех у себя на работе, то теперь понимаю, что пришло время смотреть и за мной: что пишу, как пишу, о чем пишу. Но нет-нет и срываюсь на фальцет, когда встречаюсь с изданной нелепичей. В очередной раз накричал на Наталью Сезеву за ее книгу о коврах, которая начинается с откровенной ошибки.

Нынче, будучи в Питере, обнаружил некоторые сведения о Михаиле Степановиче Знаменском (см. комментарии к «Материалам к биографии М.В. Рылова» в данном выпуске), собрание сочинений которого готовит заметный издатель сибирского региона А. Елфимов. На этот раз инициатором выступал он, а я готов был стать подрядчиком по составлению томов тобольского художника. Но не случилось. По чьей вине? Пусть рассудит тот, кому интересны эти краеведческие игры. Но, как говорят в народе, работа над наследием Михаила Степановича идет полным ходом. Главная труженица, конечно, Наталья Ивановна Сезева. Ведь она основной творческий партнер Аркадия Елфимова последних лет.

На очередном сэйшене решаюсь сообщить Н. Сезевой о своей находке. Когда попытался подойти к ней, она отшатнулась. Понятно, я критиковал ее детей. Кому понравится, когда ругают твой генетический код? Детей мы все любим.

Но разговор все-таки случился. Не буду передавать концептуальных тонкостей его, ибо стилистика карикатур — это все-таки профиль Натальи Ивановны. Но некоторая подробность должна оживить мой нарратив.

Оказалось, что много лет назад все карикатуры М.С. Знаменского, помещенные в «Маляре» и «Искре», были откопированы местным изобразительным музеем. Вопрос возникал сам собой: а зачем же я тогда вкладывал в это дело средства? Зачем ездил в столицы, искал ходы и выходы, чтобы привезти ксероксы со страниц журналов, которые давно не выдают читателям, а только их фильмокопии? Ведь трехтомник «Тобольских губер-

нских ведомостей» был весьма затратной вещью и окупиться не мог? Неужели работаем на разной ниве? А если на настолько разной, может, и правильно, очень правильно поступает местное начальство, реорганизуя вчерашние музеи в нечто такое, в котором фонды не будут принадлежать одному хранителю? И он не будет распоряжаться экспонатами, исходя лишь из того, вдруг понадобится ему тот или другой для статьи лет эдак через пятнадцать или двадцать? Или вдруг его будущий отпрыск возжаждет заниматься этой же темой?

Мне ведь не удалось скопировать карикатуры М. Знаменского в местной картинной галерее для публикации, но я это свободно сделал в Иркутске. Да и в Барнауле со мной обращались как с родным...

Одно и то же, как и десять лет назад. Усидчивые хранители, скрывающие своими роскошными юбками экспонаты, предназначенные для показа народу... Как сказала Алиса: «Семь пятниц на неделе, какое убожество...» Правда, она говорила это в несколько ином смысле. Но в нашей ситуации алисина фраза звучит зловеще, как афоризм о граблях... Но мы продолжаем на них наступать. Лоб-то ведь наш. Только что за ним осталось?

Стареем. Думаем о будущности и вечном. Один старается оставить после себя картинную галерею городу, другой — музей... И я обоих за это уважаю. Эти стремления не постыдны. Другое дело, чьи средства стоят за этими желаниями?

Мой добрый знакомый, краевед, не раз жаловался мне, что у него есть коллекция. Редчайшая. Таких больше нет во всей Сибири. И в основном все предметы коллекции — продукция тюменских производителей. Собиралась практически всю жизнь на личные сбережения. Стоит большущих денег. А вот пришло время, пора бы и распорядиться коллекцией, да так, чтобы она работала всегда. Как забить в договор дарения главное условие, согласно которому фондохранилище обязано выставлять коллекцию для показа не реже чем один раз в год? А контролировать выполнение этого договора кто будет?

Мой знакомый к тому же до сих пор не знает, какому фондохранилищу он может смель такое доверить? Поскольку хорошо владеет обстановкой и в музеях, и архивах... Местных.

Попытка создания нового литературного музея в рамках существующей библиотечной системы могла бы быть плодотворной при одном условии: координации краеведческой деятельности на территории региона, а то и области в целом. Картотека рукописных материалов всех фондохранилищ, для начала хотя бы города. Концентрация информации о всех краеведческих изданиях, сохранившихся в доступном любому читателю ареале. Чтобы не было, как еще недавно делала «менделеевка»: отдельные издания выдавались только остепененным ученым мужам. Да и о своем специализированном краеведческом издании подумать можно. Пусть раз в году, как в Вятке. Хотя зачем далеко ходить за библиотечным опытом? В Нижневартовске ЦБС объединила краеведческие усилия вокруг издания сборника «Западная Сибирь», который реже стал появляться к читателю, но раз в два года четыре сотни страниц оформляются в очередной том. Уже около десяти выпусков увидели свет.

Сегодня любому исследователю должны быть доступны электронные версии и губернских ведомостей, и «Ермака», и «Сибирской торговой газеты». И даже если какая-то старушка, торгующая семечками, зашла бы посмотреть последнюю, то ведь не для того она это сделала, чтобы завернуть свой товар... И тогда мы будем иметь у себя почти что Библиотеку Конгресса...

Из цикла «Еврейские сюжеты»

Стас Белов

Звагельские

Это еврейское семейство заставило меня поломать голову не один день, пока я пытался выстроить генеалогические связи между его представителями. Однако похвастать мне по-прежнему нечем.

В моих выписках нашлась информация о четырех персонах, носивших эту фамилию. Родоначальником династии Звагельских в нашем крае, вероятнее всего, следует считать Лейзера Хаимовича, а потому с него и начинается наш рассказ.

Звагельский Лейзер Хаимович

По моим данным, на 1909 г. ему принадлежал магазин в центре Кургана (Троицкая ул., дом Кузнецова), где шла торговля швейными машинами, золотом, серебром и часами. Там же располагалась парикмахерская Лейзера Хаимовича¹. Особого внимания заслуживает сообщение, найденное мною на сайте Федерации еврейских общин России. В рассказе о еврейской общине Кургана утверждается, что первое упоминание о евреях в этом городе относится к 1869 г. И связано оно с тем, что гомельский крестьянин Лейзер Хаимович Звагельский открыл в Кургане часовую мастерскую². К сожалению, в доступной краеведческой литературе нам не удалось найти дополнитель-

¹ Адрес-календарь и справочная книга торгово-промышленных фирм г. Кургана и его уезда Тобольской губернии. 1909. С. 104, 113, 118.

² Сайт Федерации еврейских общин России. <http://www.feor.ru/communities/kurgan/?53#>

ной информации о курганском часовщике. Вероятнее всего, то были первые шаги на сибирской земле недавнего переселенца из Могилевской губернии, еще не успевшего приписаться к местному обществу. Примечательно, что поиск в Интернете принес еще пару фамилий потенциальных родственников нашего героя, уроженцев Гомеля: Мария Ефимовна (1898 г.р.) и Арон Лазаревич (1897 г.р.), оба были репрессированы в 1937–1938 гг.

Звагельский Хаим Самуилович

Часовой мастер, до революции принадлежавший к мещанскому сословию. На 1927 г. он был членом хозяйственного правления Тюменской еврейской общины, в партии, разумеется, не состоял и на службе не числился. В документах Хаим Самуилович обозначен как «безымушественный», хотя там же указаны два адреса домов, вероятно, ему принадлежавших — по ул. Республики, 26 и ул. Ляминской, 46³.

Пока я могу только предполагать, кем приходился он Лейзеру Хаимовичу. От соблазна посчитать его отцом курганского часовщика пришлось отказаться, поскольку в таком случае возраст Хаима Самуиловича близился бы к мафусаиловым рекордам. Можно было бы принять его за сына Лейзера Хаимовича, названного так в честь деда, однако против этой версии говорит несовпадение имени и отчества. Впрочем, остается еще одна версия: это мог быть сын Самуила Хаимовича, брат Лейзера Хаимовича. Это объяснило бы и совпадение имен, и приверженность часовому ремеслу. Словом, у этой гипотезы есть лишь один недостаток: нигде и никогда не встречал я пока Самуила Хаимовича Звагельского. Кто знает, может, это вообще плод моего воображения?

Звагельский Борис Соломонович

Родился в 1876–1877 г.⁴ Получил домашнее образование, принадлежал к мещанскому сословию и в 1920-е гг. работал все

³ ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 32. — К сожалению, листы в этом деле не были пронумерованы.

⁴ По данным ЗАГС — в 1876 г. По данным ОГПУ — в 1877 г.

тем же часовым мастером (похоже, перед нами целая династия часовщиков). По данным ОГПУ, на 1921, 1923 и 1924 гг. не состоял на службе. Проживал по ул. Садовая, 28. Несмотря на скромное образование, Борис Соломонович, похоже, отличался общественной активностью. Во всяком случае, он упомянут среди членов Временного национального бюро, созданного 1 апреля 1917 г. Тюменской еврейской общиной⁵.

В списке, составленном по заданию ОГПУ от 4 августа 1921 г. и подшитом к делу тюменских сионистов, с примечанием «анк. № 47 уст.» также встречается фамилия Звагельского⁶. Справедливости ради стоит отметить, что инициалы там не указаны, и о ком именно идет речь, мы точно не знаем. Фигурирует Борис Соломонович и в списках сионистов, взятых на учет ОГПУ по состоянию на: 1 октября 1921 г.⁷, сентябрь 1923 г.⁸, май 1923 г.⁹, октябрь 1923 г.¹⁰, декабрь 1924 г. При этом упоминается, что в сионистскую организацию Звагельский вступил в 1917 г. и прижимает к правому течению. По данным тюменских чекистов, Борис Соломонович пользовался популярностью среди местных сионистов, но активности при этом не проявлял и связей с организацией в 1920-е гг. не поддерживал. В тех же источниках сохранилось «оперативное» описание нашего героя: «Средний рост, полный, волосы черные, с прос[едью], лицо смуглое, брови черные, нос с горб[инкой], толстый, бороду бреет, усы черные с [неразб.] по-английски, глаза черные, косит, тип еврея»¹¹.

Впрочем, отношения этого представителя рода Звагельских с ОГПУ, по-видимому, ограничились формальной постановкой на учет и, возможно, оперативным наблюдением — благо в еврейской общине Тюмени было, по меньшей мере, два информа-

⁵ Сибирская торговая газета. 1917. 13 апр.

⁶ ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 32. — К сожалению, листы в деле не были пронумерованы.

⁷ ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 31. Л. 3–4.

⁸ Там же. Л. 18–19.

⁹ Там же. Л. 66–67.

¹⁰ ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 31. — К сожалению, эти листы в деле не были пронумерованы.

¹¹ ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 31. Л. 18–19.

тора. Неизвестно, как сложилась бы его судьба в 1930-е годы, но встретить шестое десятилетие своей жизни нашему герою было не суждено. Борис Соломонович Звагельский скончался 26 мая 1926 г. от порока сердца. На момент смерти он был женат, имел сына Авраама и проживал по ул. Садовой, 27¹². По-видимому, этот дом не принадлежал семье Звагельских, потому что в июле 1925 г. там размещалась пивная¹³. Однако во всех сводках ОГПУ почему-то указан другой адрес — ул. Садовая, 28.

Остается добавить, что в документах отдела ЗАГС комитета ЗАГС администрации г. Тюмени сохранилась актовая запись о смерти некой Берты Звагельской, скончавшейся 6 марта 1929 г. в возрасте 1 года от воспаления легких. На момент смерти она проживала по ул. Дзержинского, 27¹⁴. Заявление о смерти сделал уже известный нам Абрам (Авраам) Звагельский, который, возможно, и был отцом ребенка.

Кем приходился Борис Соломонович двум предыдущим героям нашего рассказа — Лейзеру Хаимовичу и Хаиму Самуиловичу — мы пока не знаем. Можно, конечно, предположить, что речь идет о Соломоне Хаимовиче, сыне еще одного брата Лейзера Хаимовича. Но реконструировать безо всяких на то оснований сразу две персоны — шаг, наверное, слишком смелый даже для провинциального краеведа...

Звагельский Залман

Последний герой нашего сюжета родился в 1893–1894 гг.¹⁵ В 1927 г. Залман также был членом Тюменской еврейской общины и проживал в доме по ул. Ляминской¹⁶, 46. На тот момент он числился безработным и «безымушественным», а до революции служил в торговом предприятии¹⁷.

¹² Актовая запись № 680.

¹³ Та-к. Гнездо проституции //Трудовой набат. 1925. 4 июля. С. 6.

¹⁴ С 1927 г. так стала называться ул. Садовая.

¹⁵ Дата получена путем вычисления на основе сводок ОГПУ.

¹⁶ С 1940 г. — ул. Герцена.

¹⁷ ГАСПИТО. Ф. 3894. Оп. 1. Д. 32. — К сожалению, листы в этом деле не были пронумерованы.

В одной из сводок ОГПУ, составленной весной 1922 г., сохранилось описание внешности Залмана, вероятно, подозревавшегося в связях с сионистами: «Гр-н Звагельский Зальманов холост, среднего роста, 28 лет, темно-русый, лоб прямой, широкий, брови темно-русые, глаза светло-карие, нос прямой, большой, губы толстые, лицо продолговатое, худощавое, борода бритая, усы короткие, подстрижены, телосложение мужественное, взгляд серьезный. Особые приметы: глаза косые, на голове носит полукепку, голова бритая, иногда ходит в пальто, часто носит костюм темно-серого цвета, брюки полуклеш, на ногах штиблеты, походка наклонная, голова вперед в задумчивом виде». Там же указан новый адрес: ул. Садовая, дом № 29. Указанную сводку № 3653 составил некий агент по кличке «Тифлис», выполняя задание № 381. Имело ли это какие-то последствия для самого объекта описания, мы пока не знаем.

К сожалению, ни в одном документе нам не удалось обнаружить отчества последнего из известных нам Звагельских. Остается выдвинуть очередную гипотезу, предположив, что речь идет о сыне Бориса Соломоновича, названном так в честь деда (Залман — одна из форм имени Соломон на идиш). У евреев-ашкеназов, к каковым относились Звагельские, не принято было называть детей в честь еще живущих родственников, поэтому варианты совпадения имени и отчества были практически исключены. А вот наречение младенцев в честь усопших праотцов встречалось довольно часто. Не спорю, довольно зыбкое основание для исторической гипотезы. Но что остается делать краеведу? Только надеяться, что эту его вольность простят коллеги и поправят последующие поколения исследователей...

Владимир Ефремов

Вор-рецидивист Иван Камочкин

В 1707 году прибыл в приказную избу г. Тюмени крестьянин д. Онохиной Софон Конаков и подал словесное челобитье о том, что 16 апреля 1707 года неведомые воры ночью украли у него: «...две шубы новые овчинные, одна в том числе бобром опущена, тем шубам цена три рубли, да три шубы ж китайчатые, в том числе две новые, а одна поношенная, испод мерлушчат, цена тем шубам семь рублей, да кафтан поношенный сукна одиногового, цветом малиновый, цена кафтану четыре рубли, шупка китайчата новая, испод заячиной, цена шупке два рубли, да шупка ж китайчата с кружевом мишурным, холодная, новая, цена шупки три рубли, сарафан китайчатой с кружевом выбойчатым, поношен немного, цена рубль с полтиною, да сарафан же кумачной с кружевом мишурным, старой, цена сорок алтын, меденик весом в девять фунтов, да ис коробья пять рублей денег церковных Спаских, да трои серги серебряны, цена тем сергам рубль с полтиною».

Сумма кражи по тем временам очень большая, видимо, богатый был крестьянин Конаков. Первым делом подозрение пало на жителя ближайшей деревни Зырянской Ивана Камочкина, так как до этого он уже совершал кражу у Конакова. Недолго думая Софон Конаков берет с собой десятника Панкрата Филипова и местных жителей — крестьян Ивана Андреева да Ивана Овдеева «...с товарищи». Все эти люди направляются к дому нашего «героя», чтобы произвести обыск и найти пожитки. Через окно Ивану пояснили, для чего они явились. В дом зашли челобитчик и десятник, а понятые остались на улице. Софон,

не производя обыска, сразу же схватил Ивана Камочкина за ворот, затем выволок его на улицу и хотел связать. Из дома выскочила жена Ивана и ударила Софона палкой по руке. Иван вырвался и убежал в дом, затем вышел вновь на улицу «...а с собою вынес в руках нож наголо» и заявляет Софону «...что он Иван ему, Софону, без поличного вязать себя не даст, а в доме у себя обыскивать велел».

Началось следствие, опросы всех свидетелей. Выяснилось, что у Ивана Камочкина были и раньше проблемы с законом. Решили посмотреть прежние приводы. Список получился немалый: «...И по сей помете выписано из выписки прежних дел в каких воровствах Иван Камочкин преж сего бывал в приводах и за которое воровство ему, Ивану, что учинено. При стольнике и воеводе Никифоре Колобове крал он, Ивашко, у Демки Кузнецца кузнишную снасть, и за то он, Ивашко, пытан, а с пытки винулся и бит на козле и в провотку нещадно.

Да он же, Ивашко Камочкин, крал в прошлом 1695 году Васьки Романовых у жены ево Таньки Игнатъевы дочери ис дому холсту тонково восемь аршин, и в том же Ивашко пытан и винулся.

Да он же, Ивашко Камочкин, крал в 1695 году Онохиной деревни жителя Софона Конакова тридцать аршин холста, шубу баранью, зипун белый, ис погреба семь пудов масла коровья, и за то он, Ивашко, пытан, а с пытки винулся.

Да он же, Ивашко, крал в 1691 и в 1692 годах Петрушку Вятчанина, Сергушку Пантелеева, Васку Кондратьева. И ис тюрьмы бежал и сыскан, и за то учинено ему наказание — бит перед приказною избою вместо кнута батоги нещадно.

В 1700 году челобитье сына боярского Мосея Гарасимова на Ивашка Камочкина, что он, Ивашко, украл у него Мосея лошад, а в роспросе он, Ивашко, в той лошади не винулся и не пытан.

Да в прошлом 1700 году украл он, Ивашко, у татарина ...Федкина лошад и продал в Покровской слободе прикащику Ивану Шишкину, и за то он, Ивашко, пытан и с пытки винулся.

Да в прошлом 1702 году угрожал он, Ивашко, в приказной избе из-за решетки приставу дневальному Ваське Южакову смертным убийством, и за то он, Ивашко, пытан.

Да в прошлом 1703 году крал он, Иван, ис под соборной каменной церкви ис полат государев холст и в том застенке с пытки винился, и кладен на плаху для смертной казни и с плахи снят, бит кнутом и отсечен перст...».

Чем закончилось следствие, в просмотренном документе не говорится. Учитывая то, как добивались признания, можно смело предположить, что и на этот раз Иван Камочкин, этот «экспроприатор», в своей краже признался и, возможно, закончил свою жизнь на плахе.

Вполне вероятно, что на рубеже XVII—XVIII столетий Камочкин был одним из первых, если не первый известный нам вор-рецидивист Тюменского региона — тоже своего рода знаменитость.

Елена Балюнова

Дела семейные А.А. Дунина-Горкавича

Достаточно значимой фигурой, сыгравшей огромную роль в деле исследования Тобольского Севера, является личность Александра Александровича Дунина-Горкавича (10.04.1854--09.01.1927). Изучению его наследия посвящен ряд достаточно объемных работ, в которых, однако, семейная жизнь сибирского краеведа не становилась объектом пристального внимания. И, несомненно, эту часть биографии А.А. Дунина-Горкавича необходимо изучать для того, чтобы понять, в каких условиях пришлось жить и работать главному губернскому лесничему.

О семейной жизни исследователя Севера мы можем судить благодаря материалам, хранящимся в фондах ГУТО ГА в г. Тобольске (Ф. 156. Оп. 11. Д. 1670). Из них нам становится известно, что А.А. Дунин-Горкавич засвидетельствовал свой брак с дочерью губернского секретаря Марией Юльевной Саввиной 29 сентября 1888 г. в Воскресенской церкви села Купли-Яма 3-го Егорьевского округа Рязанской епархии. Характеризуя тестя, Александр Александрович отмечал впоследствии, что тот придерживался достаточно грубой по отношению к своей дочери системы воспитания. На момент заключения брака сам Дунин-Горкавич также являлся губернским секретарем и служил в местном лесничестве. Указано, что сразу после венчания новобрачные проживали в деревне Тархановой Егорьевского уезда Рязанской епархии.

Судьба, однако, не уготовила этому союзу долгой жизни. В 1890 г. семейство переезжает в Сибирь, где А.А. Дунин-Горкавич становится во главе Самаровского лесничества. И уже 14 июля 1894 г. он подает прошение на имя епископа Тобольского и Сибирского Агафангела, в котором ходатайствует о расторжении брака.

Стоит подчеркнуть, что сам автор прошения придерживался римско-католического вероисповедания, при том что его жена сохраняла верность православию. Из текста прошения отчетливо явствует, что супруги к тому времени уже проживали раздельно. Мария Юльевна — на дровяной паровой пристани Мегапугольской в приходе сел Кривоулицкого и Верхне-Лумпокольского Сургутского округа. Сам же А.А. Дунин-Горкавич, являясь титулярным советником корпуса лесничих, имел постоянное жительство в г. Сургуте и временное (6 июня—21 сентября 1894 г.) в г. Тобольске в гостинице Ярошевского. Указывая на данное обстоятельство, А.А. Дунин-Горкавич обязывался взять все путевые расходы супруги на себя с целью предупреждения ее уклонения от явки на судоговорение.

Прошение было передано на рассмотрение Тобольской консистории, которая предписала по месту жительства супругов тобольскому кафедральному протоиерею Никанору Грифуюеву и священнику Верхне-Лумпокольского прихода Сургутского округа Асигкриту Чефранову сделать им увещание, чтобы они прекратили возникшее между ними несогласие. Примирение между супругами оказалось невозможным, и по этой причине был начат бракоразводный процесс.

Судоговорение происходило 28 июня 1895 г. Из записей, сделанных по его результатам, мы узнаем, что в этом браке Мария Юльевна родила двух сыновей. Александра, родившегося 16, крещенного 19 ноября 1893 г. в сургутской Троицкой церкви, и Василия, родившегося 5, крещенного 6 апреля 1895 г. в Христорождественской церкви села Верхне-Лумпокольское. В обоих случаях отцом был записан А.А. Дунин-Горкавич. Однако на судоговорении Мария Юльевна заявляла, что второй ребенок рожден ею незаконно, но от кого именно, она говорить отказалась. Сопоставление дат позволяет утверждать, что Василий появился на свет в период, когда супруги уже жили раздельно. Старший сын Александр умер вскоре после рождения, в 1894 году.

Основной причиной для развода А.А. Дунин-Горкавич называл прелюбодейную жизнь Марии Юльевны. В начале своих обвинений он привел анонимное письмо, полученное им по городской почте в октябре 1893 года. Автор письма утверждал, что она провозгласила своего супруга незаконным мужем. Кроме того,

А.А. Дунин-Горкавич с указанием свидетелей обвинял жену в любовной связи с Андреем Васильевичем Силиным, имевшей место, по его словам, в том же 1893 г. (На момент судебного разбирательства они проживали в одном доме на Мегапугольской пристани.) И даже ранее того, в 1891 году, в г. Тобольске, по словам истца, его супруга была увлечена поручиком Зарембой. И в целом, как указывал А.А. Дунин-Горкавич, Мария Юльевна оказалась несостоятельна ни в роли жены, ни в роли хозяйки. Например, в черновике своего письма к ней, которое он привел на судебном заседании для характеристики их семейной жизни, написано: «...ты настолько враждебно относишься ко мне, что позволяешь распространять про меня всякие небылицы о моем пьяном состоянии. Нет, матушка, ты еще не видела, какие пьяные мужья».

В ответ Мария Юльевна объясняла, что совместную жизнь с мужем оставила потому, что он сам несколько раз предлагал уйти от него. Не комментируя отношения с А.В. Силиным, она утверждала, что поручик Заремба действительно ухаживал за ней, но никаких интимных отношений между ними не было. Вместе с тем Мария Юльевна обвиняла мужа в сожительстве с Анной Евангелевной Вергуновой в 1892 и 1894 гг., намекая даже на то, что последняя родила от него ребенка. В том же году, по словам ответчицы, ее супруг писал записку любовного содержания кухарке Евдокии Алфимовой, в которой он звал ее жить к себе. Согласно показаниям Марии Юльевны, вскоре после венчания, когда они проживали с супругом в д. Тархановой, к нему приезжала девушка, с которой он состоял в связи. Ответчица указывала также, что муж ей говорил, что «будто она не способна к супружеской жизни, что она, как не получившая образование, не может показываться с ним в обществе и что как дочь бедных родителей вообще ему не пара, так как, по его словам, она простая баба, способная быть только прислугой».

Комментируя все вышесказанное, А.А. Дунин-Горкавич отрицал факта приезда в д. Тарханову упомянутой девушки. По его словам, Анна Вергунова была нанята в качестве няньки самой женой. Летом 1894 г. вместе с Анной и сыном он отправился в г. Тобольск, по дороге сын умер, и А.А. Дунин-Горкавич упросил ее остаться и выучить его поварскому искусству. Связь же с ней истец решительно отрицал. Записку Евдокии Алфи-

мовой он писал в 1893 году с той целью, чтоб это послание попало в руки жены и вызвало в ней ревность, полагая, что, узнав об этом, она «переменит свое отношение, одумается».

Можно видеть, что во время бракоразводного процесса супруги использовали друг против друга достаточно грубые и подчас грязные обвинения. И разобраться в правдивости показаний каждого является делом весьма сложным. Не вдаваясь во все «грязные» подробности этого дела, следует только констатировать, что их отношения испытали такой глубокий кризис, после которого о восстановлении брачного союза не могло быть и речи.

Как можно понять из обоюдных показаний, неофициально отношения супругов закончились тогда, когда муж позволил себе поднять руку на жену. О чем, как указывается в материалах судебного разбирательства, А.А. Дунин-Горкавич «сожалеет, так как этим он унизил себя». Насколько можно судить, произошло это в период между осенью 1893 — летом 1894 г. После этого происшествия она ушла, чтобы более не возвращаться. Согласно показаниям А.А. Дунина-Горкавича, тогда вниз пришел ее встречать А.В. Силин с револьвером в руке. Позднее, когда Мария Юльевна приходила навестить своего сына, бывший супруг сам выходил с револьвером всякий раз, если А.В. Силин приходил в их квартиру.

Судебный процесс был завершен, по его результатам Тобольская консистория дала разрешение на расторжение брака. Как следует из архивных материалов, обе стороны таким решением остались довольны. Однако через 11 лет отголоски этого процесса все еще тревожили Марию Юльевну. Тогда, в 1895 году, на нее была наложена семилетняя епитимья, и она не могла повторно вступить в брак. И лишь через 11 лет она решилась подать прошение в Тобольскую консисторию с просьбой позволить ей выйти замуж за А.В. Силина, с которым все это время жила незаконно. Просьба Марии Юльевны была удовлетворена в полной мере.

Не миновал повторного брака и А.А. Дунин-Горкавич. Он, находясь уже в преклонном возрасте, женился на небезызвестной нам Анне Вергуновой. Супруги в этом браке детей не имели и растили племянницу Нину Вергунову. Обладая достаточно внушительным научным наследием, А.А. Дунин-Горкавич не сумел оставить после себя наследника фамилии и рода.

Лев Боярский

История одной фотографии

Перед вами — уникальный фотоснимок, сделанный в 1911 году тюменским фотографом Лукой Родионовым. Название фотографии — «На волках из Читы в Санкт-Петербург».

Эта фотография была подарена сыном фотографа (и тоже фотографом) Константином Родионовым тюменскому переплетчику Аркадию Иванову. В детстве Аркаша Иванов по прозвищу Стрекулист был свидетелем многих событий тюменской жизни и любил рассказывать о необыкновенных историях из жизни дореволюционной Тюмени. Иванов решил передать в журнал «Огонек» фотокопию подаренной Родионовым фотографии и краткую историю, предшествующую появлению снимка. А подлинник подарил архивисту Марии Михайловне Никифоровой. Журнал «Огонек» в одном из номеров 1961 г. опубликовал снимок и заметку о путешественнике на волчьей упряжке. Спустя много лет фотография из «Огонька» (к сожалению, в полиграфии низкого качества) была помещена в книге «Диво-90. Чудеса. Рекорды. Достижения». (М., 1991. С. 191) Ныне подлинная фотография хранится в фондах Тюменского музейного комплекса.

Вот предыстория появления снимка. Жил в Чите чех Иосиф Репечек, кустарь. Чинил ведра, лудил самовары. Однажды он ехал на своей лошади через лес. На него напала стая волков и растерзала его лошадь. Репечек убил волчицу, а в качестве компенсации взял из волчьего логова двух волчат. Их выкормила собака Репечека. Когда волчата подросли, обучил их как ездовых собак и начал катать детей по городу на волках. Вскоре он стал завсегдатаем читинских ярмарок, балаганов, народных гу-

ланий и празднеств. А когда ездовым волкам исполнилось по пять лет, решил пересечь в волчьей упряжке всю Россию, добравшись до столицы.

Выехал из Читы Репечек в апреле 1909 года. В день по хорошей дороге волчья упряжка делала по 60–70 верст. Но во всех попутных селениях «оригинальный путешественник», как называла его пресса, задерживался надолго, показывая публике представление с участием прирученных волков. В Томской губернии, например, Репечек оказался лишь в августе 1910 года. А в Тюмень волчья упряжка прибыла в 1911 году. Выступали дрессированные волки в балагане Костоусова. Лука Родионов успел запечатлеть путешественника в Тюмени рядом со своим фотоателее на Садовой улице. Мы видим Репечека сидящим в тележке, запряженной волками, с дудкой в руке. Видимо, с помощью дудки он управлял своими «рысаками».

Но необычная история закончилась печально. Иосиф Репечек скончался вскоре после отъезда из Тюмени в селе Успенском Тюменского района. Прирученных им волков приютил крестьянин Рыжков. Через некоторое время волки один за другим ушли из жизни — «сдохли с тоски», как писала об этом в заметке «Сибирская торговая газета».

Водяной дворец инженера Бельского

Жительствовал в Тюмени в конце девятнадцатого века некто Иван Михайлович Бельский. Был он инженером «для описания дорог и водяных путей Западной Сибири». Титулярный советник. По происхождению, видимо, был польским дворянином. В 1882 году окончил столичный институт инженеров путей сообщения, служил в Либаве, Семипалатинске, Петербурге, а в 1889 г. был назначен заведовать Тобольским участком МПС, «с квартирой в Тюмени». Братом его был Болеслав Михайлович Бельский, владелец кирпичного завода.

В Тюмени инженер Бельский построил мельницу Тартаковского, несколько судов, среди них пароход «Тюмень». А главное — соорудил для себя в затюменской части города огромных размеров двухэтажный деревянный замок. В народе дом Бельс-

*К публикации Льва Боярского
«Аркадий Иванов и “наивные
писатели” Тюмени» (с. 39–41)*

1910-е гг.

**Аркадий Александрович
Иванов**

1960-е гг.

*Иванов-
курузовод*

*К публикации
Льва Боярского*

**«Водяной
дворец
инженера
Бельского»
(с. 110–111)**

Фото
Т.Огбенина
(1890–1898)

К публикации
Льва Боярского

«История
одной
фотографии»
(с. 109–110)

К публикации
«Материалы
к биографии
Марии
Николаевны
Костюриной»
(с. 112–125)

Мария Николаевна Костюрина.

Фото хранится в ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 1. Оп. 1. Д. 795. Л. 3.

кого получил прозвище «водяного дворца», предположительно, из-за того, что Бельский был «инженером водяных путей». Возможно и другое толкование — Бельский провел в него водопровод. Вероятно, как пишет краевед В. Чупин, дом Бельского находился в квартале ул. Ямской, Полевой, Димитрова — Ивану Михайловичу принадлежали дома № 51, 52, 54, 58 по ул. Ямской и № 58 по 1-й Монастырской, его брату — строение по Ямской, 50—Полевой, 23. В газетах того времени, чтобы указать ориентир, сообщали: «За домом господина Бельского». Замок поражал воображение не только размерами, но и ажурным декором фасадов, изысканными интерьерами, шикарными изразцовыми печами, был доверху забит дорогой мебелью, скульптурами, картинами. Бельский даже решил запечатлеть интерьеры своего дома для истории и пригласил тюменского фотографа Тараса Огибенина, который сделал серию фотографических снимков. В настоящее время семь фотографий из серии «Дом инженера Бельского» находятся в фондах Тюменского музейного комплекса им. И.Я. Словцова (ТОКМ ОФ 1598/1–7).

В 1898 году фортуна отвернулась от удачливого инженера. Иван Михайлович был уволен с работы и оказался под судом. В мае 1898 года «вследствие расстроенного здоровья и по семейным обстоятельствам» он покинул Тюмень, и «водяной дворец» стоял нежилым. Накануне нового, 1899 года, 31 декабря в 11 часов вечера замок Бельского загорелся. По слухам, загорание произошло в одной из комнат, в которой даже не было печей. Злые языки предполагали, что инженер сам поджег свой дом, застрахованный на 46 тысяч рублей.

Таким образом, дом, называвшийся «водяным дворцом», по иронии судьбы закончил свои дни в огне пожара.

Материалы к биографии Марии Николаевны Костюриной

I

Тобольск. 4 января 1893 г.

Многоуважаемые Елизавета Николаевна и Дмитрий Александрович!¹

Прежде всего поздравляю вас с Новым годом и желаю всевозможных благ в Вашей личной и общественной жизни. Надеюсь, что это письмо застанет вас в Иркутске, хотя как писал Виктор², что Дмитрий Александрович едут зимой в Якутск по поводу и делам того пресловутого общества, о котором мы разговаривали в бытность мою у Вас в Иркутске; Вы, конечно, знаете, что это общество исследования во всех отношениях Якутского края получало, так сказать, санкцию от губернатора, программы и т.д. и уже открыло свои действия. Если Дмитрия Александровича действительно нет дома, то не будете ли Вы, Елизавета Николаевна, так добры, не наведете ли Вы справки, куда дели тобольские музейные вещи, о которых я вам тогда говорила; они высланы из Якутска еще осенью в в Иркутск на имя или просто музея³, или на имя Дмитрия Александровича. Здесь они до сих пор не получены, и теперь я их потеряла из виду; если эти вещи лежат в Иркутске, то простите, если я напомню Дмитрию Александр. его обещание выслать их на счет музея сюда в Тобольский музей попутно (там: якутская юрта и модели рядов звероловых и рыболовых).

Затем вот еще какое дело и горе, которому не можете ли Вы помочь, если не делом, то словом, т.е. советом.

Начну, впрочем, изложение сначала. Вам, вероятно, известно положение редакции «Сибирского листка» (я по просьбе сюда только и пошла, зная, что литературный заработок, сотрудничаю теперь в «Сибирском листке» под своими инициалами М.К.). Дело в том, что он издается Сыромятниковым⁴, участие которого только тем и ограничивается, что он дает деньги на издание (около 3000 в год), которое было ему до сих пор в убыток, т.к. подписчиков было мало; негласными редакторами состоят Зубковский⁵ и Подревский⁶ (бывш. госуд. ссыльные), сотрудниками же состоят большей частью наш брат.

Это бы все ничего, здешняя цензура куда строже Вашей, а главное — очень узкая, строго экономическая программа, выйти из-под которой тщетно желают уже давно, хлопоты в Петербурге не увенчались успехом. И.Н. Сыромятников там по тобольскому делу был привлекаем и находился под надзором. Все-таки до сих пор у всех нас (у редакции) была надежда, что дело выгорит, т.к. принимало участие наше достаточно либеральное начальство (барон Фредерикс⁷). Теперь же начальство само начало издавать газету, выделивши из Тобольских губернских ведомостей неофициальную часть, и там, коль программа их далеко шире, возможна беллетристика и фельетон, то конкуренция для «Сибирского листка» довольно серьезна, и будет очень грустно, если эта вторая после «Восточного обозрения»⁸ порядочная газета в Сибири должна будет прекратиться. Мы все думаем, что можно бы еще спасти дело или хоть попытаться, найдя другого издателя. Но здесь нет, абсолютно нет ни одного денежного человека, который бы оказал поддержку газете. Будь бы, мы нашли средства, то сколь-нибудь здесь мы отыскали «чистого» человека, который бы согласился быть гласным редактором. Не найдется ли в Иркутске этих 2000–3000, хотя бы года на два или на год поддержать «Сибирский листок», т.к. число подписчиков увеличивается, и если удастся расширить программу, то газета эта скоро будет окупаться. К интересам вообще сибирской прессы не можете ли Вы поговорить с кем-нибудь об этом, Дмитрий Александрович, или хоть посоветовать, к кому нам обратиться; в Красноярске возможна поддержка, если только там издавать газету; «влететь», что называется, эта газета не

может, т.к. здесь народ все очень мирный, занятый неотличительной культурной работой. Н.М. Ядринцев не надеется на Сибирякова, может быть, что и придумал, да, вероятно, уедет в Чикаго, и ему не до «Сибирского листка».

Здесь музей — только красиво декорированное помещение чучелами птиц и зверей. Энергично взявшийся за дело Троицкий уехал (на его место прибудет Богданович из Лифляндии), энергия его подвижников ослабела (заведующий музеем Лыткин⁹, секретарь Луговской¹⁰ и библиотекарь Мамеев¹¹), и теперь музей ничем новым не пополняется и вообще «в забросе».

Вы извините, пожалуйста, но если Вам, Дмитрий Александрович, некогда будет ответить, то, пожалуйста, Вы, Елизавета Николаевна, ответьте мне, главное — относительно музейных вещей и «Сибирского листка».

Слышала я, что на днях в Томск прибудет Чудновский, очень жалею, что зимой Тобольск в стороне.

О себе скажу, что живу «без определенных занятий», что крайне неприятно. П.ч. заработок в газете (руб. 30–40 в мес.) очень непостоянный, а других занятий в этом страшном захолустье нет, так, напр., служба женщины в правительственных местах здесь небывалое, невозможное явление, на которое и рассчитывать нечего, а потому здесь я только дождусь мужа (который получил разрешение приписаться здесь в [1 нрзб] и летом будет сюда), а потом вряд ли здесь останусь. У меня родилась дочка 8 декабря, и у меня теперь сильное малокровие, т.ч. не могу работать много.

Вам, вероятно, небезразлично будет, Елизавета Николаевна, узнать, что Ольга Фигнер с мужем находятся в степи в [1 нрзб] (она добровольно), они были у меня с последним пароходом и ехали в Омск — назначены были куда-то в глушь, обещали писать, но до сих пор о них ни слуху. Ольга все такая же, впрочем, стала живее — она в интересном положении, — муж ее довольно симпатичный господин — доктор Флоровский. Сажинны были в Тюмени, там ли теперь еще — не знаю. Занимаетесь ли Вы еще вместе с Георгиевской? Коль-то Вы поживаете? Не будь так далеко Иркутск, я бы вернулась, кажется, туда, до того здесь «глухо», хуже Якутска! В Красноярске хорошо, да зарплата, тогда коль и в Тобольске, ни малейшего.

К Лидии не доходят письма; как он пишет Крутовским¹², и никакого ответа; они и говорили сами, что к ним писем не пропускают, такая досада!

Будьте здоровы. Уважающая Костюрина.

Мой адрес: г. Тобольск, Мария Николаевна Костюрина,
д. Н.И. Емельянова.

II

Тобольск. 903. Октября 2-го.

Многоуважаемый Дмитрий Александрович.

Полюбуйтесь-ка, что продельывает наш цензор Александр Николаевич Тройницкий¹³, сын Вашего петерб. статистика, — наш вице-губернатор, — работал он в Орле, где изводил «Орлов. вест.» И теперь вот уже второй год издевается над многострадальным «Сибирским листком». Мы не можем ни слова буквально сказать, кроме перепечаток ничего не пропускает и, как видите, перепечатки и те не пропускает, воображает, что частная газета должна иметь его идиотские взгляды. Наказал же Бог нашу губернию — во главе Лаппа¹⁴, отрицающий всякую прессу, а главный вершитель нашей судьбы Тройницкий, вечно пьяный субъект, помешанный на князе Мещерском¹⁵, и вообще во всех смыслах негодяй, любит еще «помыкать»; выпорол мальчика в сироп. завед. Об этом была корреспонденция в петерб. газете. Что у нас творится в губернии, т.п. Господи всех, ни слова не пропускается у нас. Жаловались в Главное управление печати на него, оно мне расширило программу, но что оно может сделать с вице-м? Тройницкий отрицает не только Святополка-Мирского, но и его жену — вычеркнул, что она обучалась наукам.

Посылаю Вам копию (точную, оригинал думаю послать в жалобой в Главное управление), для того что они бы вновь начинают хлопоты о сибирской газете в Петербурге, то это лишний казус — прекрасная иллюстрация порядков сибирской цензуры, хотя, конечно, ни «Вост. обозр.», ни «Сиб. жизнь» по той простой причине, что в губернии Иркут. и Томск. нельзя послать таких олухов, только в нашем захолустье все терпят, и по-прежнему наезжают сплошь негодяи.

Подумать только, что единственная надежда на избавление от этого Тройницкого — возможность, что лет через пять его сделают куда-нибудь губернатором (вот бедная-то губерния, жаль ее от души), но скажите, где взять же мне сил еще терпеть и терпеть? Как быть? Что делать? Эти два негодяя творят что хотят. Раньше всегда было так, что один лучше, другой хуже, и лавировали между губернатором и вице, удавалось хоть о местных делах писнуть. Теперь оба хуже, и относительно местных дел вполне солидарно удается сказать что-нибудь живое или поместить корреспонденцию только два-три раза в год, когда Тройницкий уезжает на ревизию в округ и остается цензор и советник губернского правления. Несмотря на расширенную программу, «Сибирский листок» сведется скоро к объявлениям, п.ч. эта скотина ничего не пропускает.

У вас там такая ласковая «власть» и т.д., а мы [4 нрзб] заложником прав печати, благодаря тому, что «сыт» [1 нрзб] может делать что хочет.

Передайте мой привет Елизавете Николаевне. Осенью приеду — привезу дочь на сентябрь — хозяйственную [1 нрзб]. И пойду к министру с жалобой на Тройницкого, больше ничего не остается.

Будьте здоровы.

Уважающая Вас М. Костюрина.

P.S. Кроме Тройницкого еще дан военный цензор — который вычеркивает представительство в Порт-Артуре [3 нрзб] — подумаешь, какое опасное известие!

III

Ноябрь 21-го 1905 г. Тобольск.

Многоуважаемый Дмитрий Александрович.

Можете себе представить, что наш известный жидяга ставит свою кандидатуру в думу. Он организовал партию «неумеренных негодяев», которая назвала себя «центром», по недоразумению, конечно. Ибо все эти чинуши принадлежат к крайней правой. И Фролов будет издавать газету — неофициальная часть при губ. Тобольских ведомостях. Как вам нравится такая наглость!? Тройницкий — заведующий этой газетой и Фролов¹⁶ —

редактор! Мы уже пережили одну «неофициальную часть», она издавалась при вице-губернаторе бароне Фредериксе. Тогда эта затея им стала 10000 руб., и Протасьеву¹⁷, бывшему вице-губернатору в Тобольске, пришлось пять лет уплачивать долги губернской типографии; но это уже забыли и, с благословения Лаппо-Стреженецкого, начинают дело вновь... Фролову страшно нагорело из Министерства земледелия за его последний гешефт с продажи земли нотариусу [1 нрзб], которому якобы «крестьянину» очень хочется продать добрый кусочек земли. Эту историю нам удалось вовремя открыть, и ему отказали; он, вероятно, чувствуя что его фонды в Петербурге не надежны, и вздумал попытаться счастья на выборах. А себя выбирать он прекрасно умеет благодаря организованной шайке чинов, ему подвластных, напр.: в деревнях через лесников и других он не застесняется ни подпоить, ни подкупить!

Вот вы и скажете потом: «И не стыдно тоболякам — выбрали Фролова!» А что же могут сделать тоболяки? У нас то же самое, что и в России, только в мизерном масштабе: за время Плеве наши плевисты Лаппа, Тройницкий и Фролов, особенно последние два, подобрали себе компанию «собутыльников» и вершат дела и вертят кем хотят. Все честное и живое забито, задавлено и раздавлено. Крайние левые группируются около «Сибирского листка». Но демократические элементы: крестьяне, мещане, приказчики и пр. люд — есть сила будущего, а не настоящего; мы со своей стороны усердно занимаемся крестьянами, но на первых выборах неизвестно, кто пройдет. Выставлена в губернии кандидатура Скалозубова¹⁸ и Маляревского¹⁹, — еще слава богу, если они пройдут, а не Фролов. Всего от Тобольской губернии надо 4 депутата.

Благодаря тому, что у меня нет своей типографии, я вынуждена посылать «Сибирский листок» в цензуру к Тройницкому. Он 3 N-ра пропустил чистыми, а теперь опять черкает все. Воображаю, что будет, когда будет выходить «неофициальная часть». У нас будет все вычеркивать, а там будут ругаться, и это будет называться полемикой.

Григорий Николаевич²⁰ сердится, что никто не идет в областной [1 нрзб] — у нас была напечатана программа, устно мы вели

пропаганду повсюду, но среди «чинушат» (а в нас в Тобольске это сословие преобладает) областная дума не встречает сочувствия, и даже такие, как Скалозубов и Ушаков²¹, против областничества. Предложим еще программу 100 выборщикам, когда они сюда съедутся. Неужели же мы никогда не разберемся с язвой нашей местной теперешней администрации: Лаппой, Тройницким и Фроловым. Пусть бы они нас избили, лишь бы слетели! — но погромов у нас не было, слава богу! Разве что дальше.

Поклон Елизавете Николаевне. Готовая к услугам М. Костюрина.

Комментарии

Публикуемые письма Марии Николаевны Костюриной (в девичестве Емельянова) хранятся в архиве Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (далее АСПб. ФИВ РАН. — Ю.М.) в фонде Д.А. Клеменца (Ф.28. Оп. 2. Ед. хр. 165. Л. 1–9 об.).

¹ Клеменц Дмитрий Александрович (1848–1914). Член кружка «чайковцев» и «Земли и воли». В 1881 г. сослан в Сибирь. Сотрудничал с «Сибирской газетой» и «Восточным обозрением», был в течение трех месяцев редактором последней. Член Восточно-Сибирского отдела РГО, а с 1891 г. сменил Г.Н. Потанина на посту правителя дел этого отдела. Археолог и этнограф. По возвращении в 1898 г. в Петербург участвовал в организации этнографического отдела Русского музея.

Клеменц Елизавета Николаевна (около 1850–1914). В девичестве Зверева, начальница Минусинской женской гимназии. Став женой Д.А. Клеменца, сопровождала его в экспедициях. В Иркутске работала в статистическом бюро.

² Костюрин Виктор Федорович (1853–1919). Муж Марии Николаевны. Народник. Учился в Новороссийском университете. По процессу 193-х и процессу 28-ми (за «распространение преступной пропаганды», побег из тюрьмы и непринятие мер для предотвращения убийства агента охранки) был осужден к каторге и отбывал наказание в Забайкалье, Якутии. Имел революционный псевдоним «Алеша Попович». В 1894 г. приехал в Тобольск к семье и сразу становится сотрудником «Сибирского листка», позже — собственником издания. В 1906 г. подвергся административной ссылке в Сургут.

³ Костюрина Мария Николаевна (1862–1943). Уроженка Тобольской губернии. Окончила в 1884 г. физико-математическое отделение Высших женских курсов. Во время учебы в Петербурге участвовала в работе кружка сибирского землячества. Примкнула к «Народной воле». Арестована в 1885 г. Выслана под гласный надзор в Восточную Сибирь на 5 лет. В 1888 г. вышла замуж за В.Ф. Костюрина. Но по окончании гласного надзора из-за отсутствия средств к выезду задержалась в Якутском округе до 1892 г. С тех пор жила в Тобольске. С 1893 года была бессменным членом губернского музея. С 1900 (по 1918) — редактор и соиздатель (с В.Ф. Костюриным) газеты «Сибирский листок». В январе 1906 г. за статьи «Чего хотят люди, которые ходят с красным флагом» и «Весть о свободе в деревне» предана суду, а редактируемая ею газета приостановлена до 8 июня 1906 г. Судилась за названные статьи Омской судебной палатой, оправдана. Оставаясь редактором «Сибирского листка», принимала участие в местной общественной жизни. В 1918 г. на страницах своей газеты, имевшей либеральное, кадетское направление, выступала против Советской власти. Автор воспоминаний «Молодые годы», опубликованных в «Каторге и ссылке» (М., 1926. Кн. 24).

Судьба крупного общественного деятеля Тобольской губернии, отдавшего к тому же более двадцати пяти лет «Сибирскому листку», незавидна. Ни в одну из энциклопедий, издающихся в Тюмени, ее имя (как и ее мужа) не попало. Справка И. Белича, написанная для «Тобольского биографического словаря», страдающего большим количеством неточностей, грешит ошибками даже в крайних датах. Справочник, стремящийся быть авторитетным, похоронил Марию Николаевну уже в 1930 г. Хотя еще до выхода биографического словаря несколько писем Марии Николаевны, датированные концом 30-х годов (последнее — 13 декабря 1939 г.), были опубликованы в местной печати (Лукич. 2003. № 3). А ведь в городе есть даже кафедра, в названии которой фигурирует «история журналистики», а вот до истории крупнейшей газеты в регионе у нее явно руки пока не дошли. Как и до ее издателей и авторов. До сих пор наиболее полно история издания, да и биографии ее авторов, изложены В. Белобородовым в предисловии к пятитомному изданию «Сибирского листка» (Тюмень, 2003).

В послании к одному из руководителей «Земли и воли» Л.Ф. Пантелеву от 18 марта 1990 г. Г.Н. Потанино брался с просьбой: «Многоуважаемый Лонгин Федорович, письмо это пишу с Марьей Николаевной Костюриной, заведующей в сотрудничестве с

мужем редакцией «Сибирского листка» в Тобольске. Она бывшая курсистка Высших женских курсов, была в ссылке в Якутской области в Бутурусском улусе. М.Н. нуждается в советах человека, сведущего в законах и правилах по издательству; подробности она Вам передаст сама. Рекомендую Вам ее как мою старинную приятельницу, с которой у меня всегда были самые крепкие дружеские связи, и оказанием ей содействия Вы сделаете и мне удовольствие» (Письма Г.Н. Потанина. Т. 5. С. 13).

После такого письма тем более удивительно, что в собрание писем Г.Н. Потанина не попало ни одно его письмо к М.Н. Костюриной, хотя такие существуют (РГАЛИ. Ф. 1637. Оп. 1. Д. 82. 10 л.).

⁴ Сыромятников Александр Адрианович (1859–1912). Тобольский купец. Был вольнослушателем одного из столичных учебных заведений, подвергался преследованиям властей по политическим мотивам. Возвратившись в Тобольск, состоял под гласным надзором. Был первым редактором-издателем «Сибирского листка», выходявшего в г. Тобольске с 1890 по 1919 г. Потратив на издание около 6000 руб., отказался от своей затеи. В его бытность корреспондировали в «Сибирский листок» многие политические ссыльные.

В письме В.М. Крутовского Д.А. Клеменцу (1891) сообщается: «Знаете ли Вы Аф. Анд. Зубковского и других стоящих у редакции «Сиб. листка»? Газета совсем погибает, так как Сыромятников отказался давать деньги, потерпев убытки в 3000 руб. Подписчиков всего 400 чел. Зубковский обратился ко мне, прося помощи, и мне удалось ее найти, но хотелось бы поподробней о людях, ведущих эту газету.

Я думаю, поддержать ее необходимо... С редакцией «Сибирского листка» у меня вышел недавно инцидент. Послал я туда две заметки о наших делишках, которые не могли иметь места на страницах «Восточного обозрения» вследствие цензурного характера. Одну заметку не пропустили и в Тобольске... Когда газета была сдана на почту, поднялся гвалт и ее хотели задержать, но почтовое ведомство не выдало без разрешения из Питера, и таким образом газета пошла дальше, но была конфискована» (АСПб. ФИВ РАН. Ф. 28. Оп. 2. Ед. хр. 173. Л. 4 об.–5).

23 января 1892 г. В.М. Крутовский, врач из Красноярска, писал в Иркутск Д.А. Клеменцу: «Относительно Астырева и, так сказать, астыревщины я уже довольно энергично писал Зубковскому и говорил ему по поводу газеты и ее направления почти то же, что пишете Вы. Я не знаю, какое произведет на редакцию впечатле-

ние мое письмо, но, оказывая помощь газете, я исходил из следующих соображений: газета гибнет; газета хорошая, еще может стать на ноги и быть полезной даже для Восточной Сибири, если “Восточное обозрение” прихлопнут. Будет так жаль, что ничего не дадут печатать о местной злобе дня. Для Кузнецова какие-нибудь 500 руб. ничего не стоит, а газетка может выправиться и сделаться более умной. Тогда же я подробно и написал Зубковскому, как мы относимся к полемике “Сибирского листка” с “Восточным обозрением”, как выходку Астырева и газеты на Ядринцева — гадко и портят газету, чего стоит астыревская ругань сибиряков и всего сибирского.

Может быть, им не понравится мое нравоучение, и они откажутся от субсидий — тогда другое дело. На мою телеграмму, по крайней мере, вот уже третья неделя как никакого ответа.

Мне ужасно жаль “Восточное обозрение”, и если бы я знал ранее его финансовое положение, то, конечно, постарался бы помочь своему старому приятелю, а не новому знакомцу. Вот и опять виноват Ошурков, что сидит себе, изучает в свободное время английский, а не ведет переписку и не сообщает заблаговременно [1 нрзб] для газеты» (Там же. Л. 10–11).

В четырех номерах «Сибирского листка» за 1891 г. была опубликована статья «Сибирские отголоски» (№ 24, 35, 39, 46), в которой шла речь о причинах отчуждения сибиряков от Сибири. «Восточное обозрение» подвергло критике публикацию. Ее автор ответил ядринцевскому детищу тем же (1891. 26 сент., № 74): «Браня мою статью, критик мотивирует свою брань (?!) тем, что надергивает уж слишком бесцеремонным и произвольным образом, из самых различных мест моей статьи, две-три фразы и, состряпав таким манером какой-то нелепый, действительно неудобоваримый винегрет, выдает своим читателям этот винегрет за экстракт и резюме содержания моей статьи. Назвать приличествующим именем подобный критический прием я предоставляю читателю...» Пресса того времени в своем мнении о технологии написания критических материалов сотрудниками «Восточного обозрения» была почти единодушна.

⁵ Зубковский Афанасий Андреевич (1854–1921). После окончания Полтавской духовной семинарии учился в Киевском университете. За участие в работе тайного общества в 1880 г. был приговорен к ссылке и каторге на 20 лет, которые в 1886 г. были заменены ссылкой на поселение в Тобольской губернии. Автор идеи издания первой частной газеты.

- ⁶ Подревский Николай Николаевич (около 1855–1916). Находился в ссылке в Туринске с 1880 г. за недонесение об обществе, имевшем целью ниспровержение существующего строя. Переехал в г. Тобольск в 1891 г., работал на педагогической ниве. Один из активнейших сотрудников «Сибирского листка» в первые годы его издания.
- ⁷ Фредерикс Константин Платонович. Барон (около 1858 г.р.), из дворян Московской губернии. Воспитывался в пажемском корпусе, зачислен пажем к высочайшему двору в 1870 г., корнет лейб-гвардии Уланского полка с 1876 г., участвовал в переходе через Балканы, во взятии Плевны. С 1883 г. назначен исправляющим должность чиновника для особых поручений при Варшавском генерал-губернаторстве, с 1891 г. — председатель Тобольского губернского правления. Жена баронесса Ольга Владимировна, дочь барона фон Менгдена.
- ⁸ «Восточное обозрение» — еженедельная газета, основанная Н.М. Ядринцевым. Издавалась по 1887 г. в С.-Петербурге, пропагандировала сибирскую жизнь и областнические тенденции. По экономическим и цензурным соображениям издание было перенесено в Иркутск, однако не нашло отклика у местной интеллигенции. После смерти издателя Н.М. Ядринцева издателем-редактором стал И.И. Попов. Прекратила свое существование в январе 1906 г.
- ⁹ Лыткин Николай Александрович. Директор Тобольской ветеринарно-фельдшерской школы. В 1890–1894 гг. — хранитель коллекций Тобольского губернского музея. Автор нескольких работ по истории музея.
- ¹⁰ Луговской Лев Евграфович (1860–1898). После окончания черниговской гимназии учился в С.-Петербургском университете. За противоправительственную деятельность сослан в 1883 г. в Тобольск. На государственной службе с 1890 г. Один из активных участников становления губернского музея (метеостанция, первый гербарий и т.д.). Выступал в местной печати по вопросам общественной жизни. В 1896 г. был редактором «Неофициальной части Тобольских губернских ведомостей». Автор нескольких публикаций о растительном мире Тобольской губернии.
- ¹¹ Мамеев Степан Николаевич (1859–1939). Служил в Тобольском резервном пехотном батальоне. Участник Русско-японской войны. Принимал активное участие в становлении Тобольского губернского музея (заведовал библиотекой и архивом). Корреспондент «Неофициальной части Тобольских губернских ведомостей»

и «Сибирского листка». Автор нескольких библиографических указателей и около двадцати работ по истории Тобольского края. С 1919 г. жил в Красноярске. Работал в библиотеке, заведовал архивом.

- ¹² Крутовский Владимир Михайлович (1856–1938). После окончания медико-хирургической академии — врач в Красноярске. Один из лидеров областнического движения в Сибири. Издавал «Сибирские врачебные ведомости» и «Сибирские записки». Был министром внутренних дел Временного Сибирского правительства.
- ¹³ Тройницкий Александр Николаевич. В 1902–1907 гг. — тобольский вице-губернатор. Переведен в Семипалатинск начальником области. Однако критика Тройницкого как цензора не всегда состоятельна. Сохранилось письмо вице-губернатора М.Н. Костюриной, датированное 11 мая 1903 г.: «Милостивая государыня Мария Николаевна!

Мною не пропущен фельетон «По делам службы», так как он представляет пасквиль на должностных лиц местного акцизного надзора благодаря созвучиям фамилий и названию местностей.

Не желая же причинять газете никаких неприятностей и убытков, я мог предложить Вам два условия для напечатания этого фельетона: 1) если редакция уверена в правдивости сообщаемых фактов, то пусть напечатает фельетон с указанием подлинных фамилий действующих лиц, места и времени действия, и тогда, если бы оказалось, что редакция введена своими сотрудниками в заблуждение, то оклеветанные лица будут иметь возможность оправдаться, и 2) если фельетон не что иное, как литературное произведение, а не обличение каких-либо некрасивых поступков и фамилии придуманы для того, чтобы заинтересовать местную публику и безнаказанно оскорбить нескольких лиц, то прошу изменить все фамилии и названия селений таким образом, чтобы они не напоминали ничьих местных фамилий и названий.

Во всяком случае, если редакция согласится на предлагаемые исправления, то прошу прислать мне отскики этой статьи для вторичной цензуры.

Прошу Вас принять уверения в совершенном моем уважении. Тройницкий». (РГАЛИ. Ф. 1637. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 1–2). Публикация фельетона, занимавшего подвалы четырех страниц, случилась 14 мая (№ 37). Главный герой публикации «По делам службы» помощник акцизного надзирателя Иван Никанорович Леминский своей фамилией явно не напоминал никого из действующих чиновников. Под фельетоном стояла подпись «Правдин».

- ¹⁴ Лаппо-Старженецкий Александр Павлович (1846 — ?). Тобольский губернатор с 1901 по 1905 г. Окончил Петербургский Александровский лицей, около двадцати лет был вологодским вице-губернатором. Уволен в отставку по болезни.
- ¹⁵ Мещерский Владимир Петрович, князь (1839–1914). Редактор-издатель газеты-журнала «Гражданин», органа реакционных словес русского дворянства.
- ¹⁶ Фролов-Багреев Михаил Федорович. Управляющий государственными имуществами Тобольской губернии на рубеже веков. Товарищ председателя комитета Тобольского губернского музея. Вышел в отставку в 1907 г.
- ¹⁷ Протасьев Николай Васильевич (около 1853–1915). Тобольский вице-губернатор в 1896–1902 гг. Родился в Москве. Зарекомендовал себя как борец со всякого рода злоупотреблениями чиновников. Впоследствии — олонецкий и харьковский губернатор.
- ¹⁸ Скалозубов Николай Лукич (1861– 1915). Родился в Костроме, окончил Московскую Петрово-Разумовскую академию, служил в земстве Пермской губернии. С 1894 г. — в Тобольске на должности губернского агронома. Принимал активное участие в работе музея (консерватор). Автор «Сибирского листка». В 1896 г. при официальной части «Тобольских губернских ведомостей» организует сельскохозяйственное приложение «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности», которое сам и редактирует. За участие в подготовке вольного крестьянского съезда в Тобольске (декабрь 1905 г.) был в административной ссылке в Березове. Избирался во II и III Государственные думы депутатом от Тобольской губернии. С конца 1913 г. живет и работает в Кургане.¹
- ¹⁹ Маляревский Григорий Яковлевич (1867–1932). Окончил Тобольскую духовную семинарию. После окончания Казанской духовной академии служил в церковно-приходских школах губернии. С 1907 г. — директор народных училищ Тобольской губернии. С начала 20-х гг. жил в Харбине.
- ²⁰ Потанин Григорий Николаевич (1835–1920). Путешественник, этнограф, публицист. Выпускник Омского кадетского корпуса. В 1865–1874 гг. за участие в «Обществе независимости Сибири» находился в крепости Свеаборг, затем — в ссылке в Вологодской области. Участник многих экспедиций, проводимых Русским географическим обществом. Работы по культуре тюркских и мон-

гольских народов Сибири представляют научную ценность. С 1887 г. — правитель дел Восточно-Сибирского отдела РГО (г. Иркутск). 6 ноября 1905 г. в письме из Челябинска Г.Н. Потанин писал Марии Николаевне: «Я очень огорчен тем обстоятельством, что Тобольская губерния не может организовать группу областного сибирского союза. Такие группы образовались в Красноярске, Иркутске, Семипалатинске, Барнауле, даже в Бийске... Ответственность за это лежит на “Сибирском листке”, редакция которого не проявила никакой областнической деятельности... Поправьте дела, постарайтесь организовать хоть небольшую областническую группу, которая хотя бы имела видимость органа, на который можно было бы смотреть как на суррогат земства» (РГАЛИ. Ф. 1637. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 7–7 об.)

²¹ Ушаков Александр Николаевич. Чиновник Тобольского поземельно-устроительного отряда. В Тобольске — с 1903 г. Активно участвовал в работе губернского музея. За участие в организации вольного крестьянского съезда в Тобольске (декабрь 1905 г.) был в административной ссылке в Сургуте. Избирался депутатом I Государственной думы. После ее роспуска был выслан из Тобольска без объяснения причин.

Евгений Панишев

Чудеса и тайны Тобольска*

Городские тайны

Тобольский тюремный замок

С момента своего основания Тобольск становится местом, куда ссылались неугодные правительству люди. В начале XVII в. в Тобольске появились первые подневольные жители — литовцы, участники различных народных выступлений, разбойничьих шаек и отрядов.

В XVIII в. через Тобольск прошли участники дворцовых переворотов: А.Д. Меншиков, князя Долгорукие, фельдмаршалы Бирон и Миних. В XIX в. повидали тобольские остроги наиболее опасных для самодержавия уголовных и политических преступников, в том числе декабристов, петрашевцев, польских революционеров, писателей А.Н. Радищева, Ф.М. Достоевского.

За всю дореволюционную историю города здесь существовали различные репрессивные учреждения: каторжные тюрьмы № 1 и № 2, арестантская рота и гауптвахта. Они играли роль пересыльных пунктов для арестантов, отправляющихся на каторгу и поселение в Восточную Сибирь и другие отдаленные места Зауралья.

После выхода в начале XIX в. царского указа от 14 апреля 1808 г. «О постройке тюремных замков во всех губерниях Российской империи» были разработаны проекты типовых тюрем, которые постепенно начали создаваться в губерниях России.

* Продолжение. Начало в № 1–2 за 2008 г.

Учитывая значимость и роль Тобольска во всей репрессивной политике государства, центральным сооружением города должен был стать тюремный замок. Составление проекта было поручено губернскому архитектору Вейгелю.

Комплекс тюремного замка состоял из пяти зданий. По своему внешнему виду они мало чем напоминали тюрьму и только внутреннее расположение раскрывало облик и суть всего комплекса. Открывался комплекс административным зданием (штаб) с арочными проемами для ворот.

В центре находился смотровой корпус, в котором позднее была размещена тюремная больница. Здесь же до революции располагалась сапожная мастерская, складские помещения, аптека и карцеры для нарушителей режима.

Справа от смотрового находится корпус № 3, первоначально выстроенный для заключенных, следующих дальше на восток. В 1876 г. в этом корпусе было размещено военно-каторжное отделение, а в 1890 г. мастерские. В советское время в этом корпусе размещали нарушителей режима из первого и второго корпусов, здесь же находились воры-рецидивисты, убийцы и заключенные, приговоренные к смертной казни.

Корпус № 1 с тюремной служил для содержания опасных уголовных преступников-рецидивистов. В 1882 г. корпус был разделен на две части: арестантское и каторжное отделение. После революции в корпусе содержались особо опасные преступники.

В корпусе № 2 до революции размещались политические заключенные, там же находилось и женское отделение. В советское время в корпусе содержались подследственные и малолетние преступники.

Корпуса построены по коридорной системе, по боковым сторонам от которого находились камеры — одно-, четырех- и восьмиместные. В самых сырых полуподвальных помещениях находились карцеры для провинившихся.

В 1849 г. строительство в основном было закончено, но функционировать тюремный замок начал только в 1855 г. Запроектированная для содержания 750 арестантов, после реконструкции тюрьма смогла вместить более 2000 чел.

Основные задачи, возложенные на тюремный замок, — это содержание арестантов в крепости, отправка их на каторжные работы и поселение. Через тюремный замок прошли такие известные люди, как поэт М. Михайлов, писатели В.Г. Короленко и Н.Г. Чернышевский. В июле 1907 и октябре 1918 г. в тюремном замке происходят два больших восстания, которые были подавлены с большой жестокостью.

В начале 1921 г. в южных уездах губернии крестьяне, доведенные до отчаянья продрозверсткой, подняли восстание, вошедшее в историю как «кулацко-эсеровский мятеж». Начавшаяся в Ишимском уезде новая крестьянская война за короткий промежуток охватила огромную территорию от Казахстана до Ямала.

21 февраля повстанцы заняли Тобольск. В городе был создан Крестьянско-городской совет, упразднивший советские законы. Город захлестнул террор. В тобольской тюрьме с 21 февраля по 8 апреля было расстреляно 65 чел., среди них комсомолки А.П. Байдашина, Н.Д. Гирс, коммунисты И.В. Пятченко, Г.Л. Леготкин, Н.В. Кугаевский, Третьяченко, Демьянов и другие. Как показало проведенное впоследствии расследование, на некоторых трупах было обнаружено от 30 до 150 штыковых ран.

В советское время тюрьма используется по своему назначению. В 20–30-х годах XX в. Тобольску наряду с городами Соликамском и Надеждинском отводилась роль перевалочных пунктов для огромного количества ссыльных. Только в марте 1930 г. из Тюмени прибыло 8 тысяч подвод, в которых находилось более 22 тыс. чел.

В 1930-х годах тюрьма была ячейкой Тобольского оперсектора НКВД. С 1937 по 1938 г. в Тобольске было расстреляно 2500 чел., из которых только в ночь на 14 октября 1937 г. — 217.

В 1941 г. во время подхода немецко-фашистских войск к Москве в Тобольск были эвакуированы заключенные из Бутырской и липецкой тюрем. Это была одна из самых серьезных тюрем, режим заключения в которых был строже, чем в колонии.

В 1970 г. на территории тюремного замка были прорыты подземные ходы, отныне вывод на работу и перевод заключенных из корпуса в корпус осуществлялся только по ним.

В 1972 г. в тюрьме содержалось 1300 чел.

В 1989 г. в интересах МВД СССР и жителей города было принято решение о переводе тобольской тюрьмы в Харп, на Приполярный Урал.

Таким образом, тюремный замок раскрывает историю Тобольска с середины XIX по 70–80-е годы XX века, когда бывшей столице Сибири была отведена роль заурядного городка — места отдаленной сибирской каторги, ссылки и заключения.

Первое, на что обращаешь внимание в тюремном замке, это тяжелый воздух и почти реальный гнет кирпичных стен. В длинном коридоре тюрьмы не покидает ощущение взгляда в спину. Иногда осенними вечерами в тюрьме слышатся стоны смертельно раненых людей.

Экстрасенсы отмечают в тюремном замке огромное количество отрицательной энергии. Это энергия смерти, в ней боль и отчаянье множества людей, прошедших через эту тюрьму.

При строительстве нового здания архива на месте бывших тюремных мастерских была потревожена до времени дремавшая в земле сила. Вохровцы, охранявшие объект, стали замечать странное поведение собак, которые забивались под лавки, скулили. Иногда видели призрак зека двухметрового роста в ватнике, ушанке и огромных кирзачах. Он бежал по снегу, то появляясь, то исчезая. Знакомые с историей тюрьмы, предположили, что это привидение вора Бори Грома, убитого в тюрьме в начале 1972 г. зэком, по прозвищу Боксер...

Здание губернского музея

Тобольский музей — старейший музей Сибири — был основан Иваном Николаевичем Юшковым в 1870 г. Юшков был человеком небогатым, занимал незначительную чиновничью должность, но обладал большой энергией. Первые годы музей не имел своего здания, но в дни празднования 300-летия города было заложено здание музея в саду Ермака. Здание строилось на народные деньги, и в сентябре 1888 г. было завершено.

В 1891 г. музей посетил наследник престола цесаревич Николай Александрович (будущий Николай II). В начале XX в. к зданию был пристроен южный зал.

В 1925 г. бывший губернский музей был переведен в здание архиерейского дома. В старом здании в разные годы размещались татарское педучилище, Дом пионеров.

Здание ничем особым не выделялось. В 1994 г. его закрыли на реставрацию. Вот тогда-то и произошло в нем событие весьма неординарное. В здании находились сторожа — муж с женой. Произошла ссора, женщина погибла. Муж ее был изобличен и, как в песне поется, «Поехал из Сибири в Сибирь...»

В 2002 г. в здании открыли Художественный музей. Начали происходить чудеса. По ночам в подвале, где произошло убийство, часто слышатся шум, звучат шаги. В два-три часа ночи кто-то стучит в окно...

Стадион «Строитель».

В 1920-х гг. на месте некогда существовавшего приходского кладбища Никольской церкви была создана площадь Красного спорта, прообраз будущего стадиона. На этом кладбище покоились дети и внуки первых тоболяков. Здесь, а это можно утверждать с большой долей вероятности, покоятся казаки — участники похода Ермака и архитектор С.У. Ремезов.

В июле 2007 г. тюменский археолог Алексей Матвеев провел на месте стадиона раскопки. Были найдены вещи XVII–XVIII вв.: пули, ядра, керамика, монеты. Особое внимание исследователей привлек один предмет — это был кусок нижней челюсти животного, с выжженными знаками солнцестояния и свастики (солнца, бегущего по небу). Бесспорно, что челюсть была связана с магическими действиями.

Завальное кладбище

Завальное кладбище известно с 1772 г. До этого в Тобольске существовали приходские кладбища, находящиеся у городских церквей. В 1771 г. в России повсеместно прошла эпидемия чумы, поэтому в следующем году губернатор запретил хоронить умерших у церквей. Тела нужно было увозить на вновь устроенное кладбище за земляным валом.

На Завальном кладбище покоятся многие известные люди старого Тобольска. Здесь находятся могилы семи декабристов, историка П.А. Словцова, поэта-сказочника П.П. Ершова, художника М.С. Знаменского, этнографа А.А. Дунина-Горкавича.

Энергетика этого места очень тяжелая. Деревья на кладбище кривые, некоторые словно перекручены, что указывает на присутствие геопатогенной зоны.

Многие тоболяки предпочитают посещать могилы умерших родственников только в родительские дни. И не только в целях безопасности. Злая сила старого кладбища в эти дни немного рассеивается.

Немецкое кладбище

После 1711 г. поселились в Тобольске пленные шведы, сосланные в Сибирь за попытку Свяжского заговора с целью бежать на родину. Среди шведов были опытные инженеры, ученые, мастера-ремесленники.

В 1713 г. шведами над Базарным (Прямским) взвозом было выстроено здание рентереи, хранилища «государевой казны». Это получило название Шведской палаты.

Однако отношения сибиряков со шведами не всегда складывались гладко. В 1714 г. в Тобольске шведов гнали с квартир, выбрасывали их пожитки. У начальства они также не находили защиты, получали даже пощечины. Русские считали их нехристями, священники не венчали. Хотя некоторым шведам и удалось жениться на русских, но жен у них отбирали и выдавали замуж за других.

За шведов заступился сам губернатор М.П. Гагарин. Шведы корнеты Эннес, Горн, Барри и ротмистр Малин изготовили для губернаторского дома шелковые обои с золотыми и серебряными цветами. Гагарин снабдил их всем необходимым и за работу расплатился щедро, дав по рублю за каждый локоть.

Используя дармовую рабочую силу в лице пленных шведов и местных крестьян, князь Матвей Гагарин перенес устье Тобола на 3,6 версты выше города. До 1714 г. Тобол шел несколько верст почти параллельно Иртышу и впадал в него напротив Троицкого мыса. Течение Тобола стремительнее, чем Иртыша,

он подмывал гору и угрожал кремлю. По приказу Гагарина был прорыт канал и тем самым устроено современное устье Тобола.

После Ништадтского мирного договора 1721 г. шведы получили возможность вернуться на родину. Однако часть из них осталась в Тобольске, это касалось тех, кто женился на сибирячках, обрусел, и, конечно, тех, кто умер в Сибири.

Место у земляного вала, за современным военкоматом в старину носило название «Немецкого кладбища». По преданию, здесь хоронили иностранцев. Если предположить, что Завальное христианское кладбище было открыто в 1772 г., то захоронения на Немецком кладбище относятся к первой половине — середине XVIII в. Это время проживания в Тобольске пленных шведов. Причем кладбище шведов указано и на чертеже С.У. Ремезова.

В начале 1990-х гг. на Немецком кладбище при рытье траншеи были найдены захоронения того времени, причем в могилах присутствовала хвоя (явное указание на погребение по древней скандинавской традиции), были найдены останки мундиров, пуговицы, серебряный медальон...

«Глубокий буерак»

Естественный лог у Тобольского пассажирского автотранспортного предприятия в старину носил название Глубокого буерака. Место всегда пользовалось дурной славой. Дело в том, что деревня Завальная была одним из самых криминогенных районов города, здесь проживал маргинальный элемент и ссыльные, освобожденные из мест заключения. Тобольские извозчики за проезд до Завального предместья требовали довольно существенную доплату.

На дне оврага скрывались беглые и разбойники, грабившие проезжающих. Кроме того, здесь, за оградой кладбища, хоронили безродных, самоубийц и умерших от эпидемий.

В 1750 г. в Тобольск на суд духовной консистории из Невьянских заводов следовали раскольницы Марфа и Дарья Бархатовы. В дороге обе умерли. По приказу Тобольской духовной консистории трупы девушек волокли за ноги через весь город и бросили в Глубокий буерак.

В 1848 г. в городе вспыхнула эпидемия холеры. В течение месяца умер 621 чел. Местом захоронения умерших были выбраны берега оврага. В 1892 г. холера вновь посетила город. С середины июля до начала сентября умерло 469 чел. И снова местом захоронения умерших был выбран Глубокий буерак.

Во время Гражданской войны на окраине Завального кладбища проводили расстрелы. Есть предположение, что в годы массовых репрессий сюда же вывозили и тела казненных на хоздворе тюремного замка. (См. **Тобольский тюремный замок.**)

Новые микрорайоны

Район, где находятся городские кладбища, в старину был окраиной города. Завальным предместьем город на горе заканчивался, дорога сворачивала налево и через деревни Защитину, Волгину, Редькину и др. уходила на север. Там, где сегодня стоят пяти-, девяти- и двенадцатиэтажные дома, шумел лес, куда ходили за грибами и ягодами.

Среди жителей Тобольска бытует устойчивое мнение, что новые микрорайоны города «стоят на костях».

В 1976 г. во время строительства городской поликлиники были найдены три человеческих погребения. На поверхность были извлечены останки скелета, одежды, обуви, очки и гребешок. Когда гребешок очистили, на нем проступили нацарапанные слова. Удалось прочесть текст следующего содержания: «Прощайте, милые мои Лара, Неля и Шура! Целую бесконечно вас, 22 октября 1937 г. ночью жду расстрела. Тяжело невинному умирать. Передать Даниловым, Тобольск, Слесарная, 19».

Таинственные окрестности

Искер — город-призрак

У подножия береговой кручи бьется короткая волна, вымывая то черепок сосуда, то обломок стрелы, то белую кость. Много тайн хранит седой Иртыш, шелестят его волны, поют на неведомом языке легенды, рассказывают о людях, что жили на берегах многими веками раньше...

В 19 километрах от современного Тобольска по старинному Иркутскому тракту есть место, притягательное своей историей, мистической силой и печальной судьбой. Это место столицы Сибирского ханства — Искера-Кашлыка.

После распада Золотой Орды главенствующим в Западной Сибири становится Тюменское ханство, со столицей в городке Чимги-Тура, но в XV веке хан Махмед перенес столицу в городок на правом берегу Иртыша, на месте древнего угорского поселения. Новая столица получила название Сибирь-Тура, Искер, или Кашлык.

Городок с одной стороны был огражден речкой Сибиркой, с другой — глубоким рвом. Воду брали как из реки, так и из колодца, что был на территории городка.

В середине XVI в. Сибирским ханством правили два брата Едигер и Бекбулат. Это время, когда Россия, покорив Казанское и Астраханское ханства, выходит к сибирским улусам. Воевать с «белым царем» братьям было невыгодно, поэтому они принимают вассальную зависимость и платят символическую дань в 1000 соболей. Русского царя такая дань устраивала, потому как шла Ливонская война и восточным рубежам нужен был покой.

Однако в 1563 г. власть в Искере захватил потомок Чингисхана — хан Кучум. Умный и жестокий правитель, он скоро подчинил себе татарских мурз, остяцких и вогульских князьков, отказался платить дань. Отряды Кучума стали совершать набеги на русские городки в Предуралье...

В походах и пирах прошло 18 лет, и вдруг хан получил известие, что к его столице движутся казачьи сотни, ведет их атаман Ермак Тимофеевич. В решающей битве у Чувашского мыса казаки разбили ханские войска, а 8 ноября 1582 г. Ермак вступил в опустевший город. Кучум заблаговременно откочевал в степи.

В Искере продержались казаки три года. В это время от голода, болезней и стычек с кучумцами погибла большая часть отряда. Погибли есаулы Иван Кольцо и Никита Пан. Умер князь Семен Волховский, приведший стрельцов на подмогу казакам. Сам атаман Ермак погиб в августе 1585 г. на реке Вагай.

Казаки остались без атамана и приняли решение уйти в Россию. Опустевший городок занял сын Кучума царевич Алей, но

вскоре Искер взял штурмом родственник убитых Кучумом братьев-ханов князь Сейдяк. Алей и несколько других царевичей были убиты.

Через год после основания Тобольска князь Сейдяк был пленен, а его войско покинуло Искер. Опустевший город начал разрушаться.

В XVIII в. путешествующий по Сибири историк Герард Миллер застал Искер совсем разрушенным. Однако городище не было обделено людским вниманием: со времен Ермака люди искали там ханские сокровища, искусственно рушили берег, добывая то кинжалы с сердоликовыми рукоятями, то серебряные пуговицы.

Городище никогда не пустовало. По преданию, Кучум спрятал часть своих сокровищ на дне глубокого колодца. Сам клад сторожит вороной конь в золотой сбруе, но, чтобы взять богатства, нужно знать заветное слово.

Раскопки на Искере впервые были проведены летом 1881 г. художником М.С. Знаменским. Они дали богатый материал татарского быта. В своих очерках Знаменский упоминает и заветный колодец, спрятанные сокровища Кучума, на которые наложено заклятье. Колодец был сверху обложен каменными плитами. Местные крестьяне разобрали их на печки и каменки, вскоре все умерли...

После открытия Томского университета часть материала Знаменского была приобретена за 300 руб. Однако в 1897 г. уже после смерти Михаила Степановича его родственники остатки коллекции продали за 3000 руб. в Финский национальный музей.

В 1915 г. раскопки на городище проводил секретарь-распорядитель Тобольского губернского музея В.Н. Пигнатти. Василий Николаевич копал и сам колодец. Но на глубине сажени (214 см) пошел слой льда, под которым была обнаружена лишь вязкая глина. Работы были остановлены. Сделано предположение, что колодец был для питания городка водой и никакого хода в гору не имел.

Коллекция находок с Искера в 1915 г., хранящаяся в Тобольском губернном музее, составляла 1416 предметов. В.Н. Пигнатти нашел и интересный предмет — знак с кольчуги Ермака.

До сих пор место, где стоял городок, покрыто любительскими раскопами, ямами и шурфами. И, как их деды-прадеды, на Искер приходят ребятишки из окрестных деревень, искать сокровища хана Кучума.

Первое, на что обращаешь внимание на Искере, это мертвая тишина, висящая над этим местом. Трудно представить, что когда-то здесь находился шумный город, приходили караваны с товарами, по Иртышу скользили рыбацкие лодки.

Всех, кто бывает на городище, поражает тишина этого места. Даже не верится, что здесь когда-то стоял город, заезжие купцы предлагали различные товары, звенело оружие, были слышны голоса и смех. Шумят березы, бегут в Иртыше волны.

Растения, произрастающие в логу перед городищем, также не простые. Такие растут обычно на кладбище, на старых могилах: редкая колющая крапива, малинник, калина. Запах даже летом соответствующий, — пахнет пряной листвой.

Печальна судьба Искера. Остатки холма покрыты ямами, любительскими раскопами. Из травы скалит зубы конский череп. Песок течет в его глазницах, как само время. Через десять — двадцать лет река съест последний кусочек города, и люди, проплывая мимо на теплоходах, станут спорить о хане Кучуме и его противнике — Ермаке. Рассказывать небылицы о походах, о пирах, о зарытых сокровищах.

Абалак

Само название «Абалак» можно переводить по-разному: «Ябалак» — «сова», «филин»; «Ябалук» — «запертый», «Авалак» — «пустынный», «уединенный». Кроме того, в Сибирской истории был князь Абалак, сын хана Умара, который правил в Сибири в конце XV — начале XVI в.

До прихода русских Абалак был укрепленным татарских городком. В XVI в. он превратился в настоящую крепость, укрепленную с трех сторон земляным валом и рвом, с четвертой — высоким обрывистым берегом Иртыша. В Абалаке проживала старшая жена хана Кучума Самбула. Сюда же Кучум после поражения в битве у Чувашского мыса пришел с остатками войск.

Известно, что и Ермак бывал в Абалаке. Одну из самых кровопролитных битв казаки выдержали на Абалакском озере. 17 декабря 1582 г. отряд казаков в 20 человек вышел поймать рыбы к празднику Николы Зимнего. В ночь на 19 декабря на спящих казаков напали ханские воины. Отряд был перебит. Уцелел лишь один казак, он и принес в Искер печальное известие. Ермак поспешил вдогонку. Произошла битва, причем многие историки, например Р.Г. Скрынников, считают, что не взятие Сибири (Искера), а победа на Абалаке имела наибольшее значение в Сибирском походе Ермака.

Первыми поселенцами в Абалаке были выходцы с Русского Севера, Великого Новгорода и Пскова. Они селились бок о бок с татарами, мирно уживаясь с ними. Одно время Абалак был чисто русской деревней, — татары переселились в окрестные юрты Алимасовские. Русские поселенцы срубили первую церковь во имя Преображения Господня. Церковь простояла около 30 лет. Сильно обветшала, крестьяне задумали построить новую церковь. Но строительству предшествовало чудо, явление Пресвятой Богородицы бедной вдове Марии.

По повелению Божьей Матери в Абалаке в 1637 г. была построена Знаменская церковь. В августе 1680 г. деревянный Знаменский храм в Абалаке сгорел. По царскому повелению в 1683 г. была заложена и окончена в 1691 г. каменная соборная церковь «Знамения» Пресвятой Богородицы. Храм был пятикупольный, четырехстолпный, но во второй половине XVIII в. он был перестроен — купола сведены в один, столбы убраны.

В середине XVIII в. были построены еще две церкви — Николая Чудотворца (1750) и преподобной Марии Египетской (1759). Монастырь в Абалаке был учрежден в 1783 г. по указу Екатерины II.

С Абалаком связано множество преданий и легенд. В первую очередь это чудеса от Абалакской иконы (См. Чудотворные иконы), предание о подземных ходах.

Следует отметить, что подземные ходы в Абалакском монастыре, как и в Иоанно-Введенском, существовали для перехода из жилых корпусов на службу в церкви (чтобы в зимнее время не одеваться).

Пару лет назад в журнале «Синильга» было опубликовано предание о хранящейся в подземных ходах Абалака... библиотеке Ивана Грозного. Не мудрствуя лукаво, ссылаясь на какие-то, одному ему ведомые архивные фонды, автор связывает пропавшую библиотеку с царевичем Маметкулом, попавшим в плен к Ермаку и ставшим впоследствии русским воеводой. Будто бы после смерти Иоанна IV в Абалаке появился огромный обоз, который привез Маметкул. На телегах находились сундуки с книгами...

В 1980-х гг. на территории Абалакского монастыре при рытье траншеи у церкви Марии Египетской было найдено множество человеческих костей, в том числе костей детских. Было сделано предположение, что это останки раскулаченных крестьян, проезжавших по старому Иркутскому тракту к месту ссылки.

Другая версия появления костей более скупая, без политики и ужасов расстрелов невинных мужчин, женщин и детей. Археологи предположили, что это останки жителей села. Церковь возведена в 1759 г. Захоронения у приходских церквей запрещали в 1772 г. Все сходится...

В июле 2007 г. были проведены раскопки на месте разрушенного придела церкви Николая Чудотворца в Абалаке. На относительно небольшом участке земли были обнаружены останки более более сотни человек, в основном — младенцев, детей и подростков. Скелеты лежали один на одном, очень плотно. Создавалось полное впечатление братской могилы. Снова нашлись «знающие люди», опознавшие в останках «казненных большевиками воспитанников Абалакской детской колонии». Правда, здесь вышло небольшое затруднение, — на костях не было ни единого следа пуля. Да и самих пуль, хотя отвалы проверили металлоискателем, археологи не нашли. Не голодом же их заморили? Да и зачем было морить голодом беспризорников? У новой власти была другая цель — перековать детей улиц в идейных борцов за светлое будущее.

Впрочем, Абалак только немного приоткрыл свои тайны.

Мои́ла Ермака

В Тобольске, на мысе Чукман стоит мраморный обелиск. Он поставлен не царю, не губернатору, не вельможам. Это память о

простом человеке, атамане казацкой вольницы и его товарищах Ермаке Тимофеевиче.

Личность атамана до сих пор остается одной из самых загадочных в истории Сибири, хотя о легендарном походе немало сказано и написано. Кто он был, откуда, когда начал поход и какова была численность его дружины, до сих пор точно не выяснено, да и сама смерть атамана нам неизвестна.

Ставшая официальной версия гибели славного атамана гласит, что в августе 1585 г. он с небольшим отрядом отправился на юг освобождать азиатских купцов, которых хан Кучум не пускал торговать в Искер. Казаки проделали большой путь и повернули назад. Утомившись, они остановились 5 августа на ночлег на небольшом островке в устье реки Вагая. Ночью отряд был перебит. Ермак вплавь пытался добраться до струга, но «тяжелый панцирь — дар царя» утянул его на дно.

Мы же попытаемся рассмотреть другие версии, изложенные в татарских и русских легендах.

Карим Каримов из деревни Кобяк Вагайского района поведал следующую легенду.

«В том месте на Иртыше, которое называется Ермак, казаки остановились ночевать. Воины спали на берегу, а Ермак был в струге и не спал. Рано утром куларовский татарин Куташмарган (Куташ-стрелок) наломал веток тала и под их прикрытием подкрался на расстояние выстрела из лука, хорошо осмотрелся и в удобный момент совершил убийство Ермака. Сделал он это так. Из бересты Куташмарган сделал трубу. Опустил ее в воду и крикнул: «Ермак молись!» Звук был очень странный. Ермак подумал: «Это от Бога...», снял шлем и стал молиться. Этим и воспользовался татарин, он выстрелил из лука. Говорят, что стрела, пущенная Куташем, попала точно в лоб Ермаку. Казацкий атаман, сраженный, упал в воду и сразу пошел ко дну. А место то зовется Куташтамак».

Кучебаев Салим из деревни Байгара Тобольского района изложил свою, более короткую версию случившегося.

«Под прикрытием веток тала Куташмарган подобрался к Ермаку на выстрел. На железной одежде Ермака было отверстие размером с советский рубль. В это отверстие и попал стрелой Куташ».

Таштимиров Нурислам из юрт Второвагайских рассказал, что вблизи села есть место, называемое Ермакова заводь, недалеко от устья Вагая, там и погиб Ермак. Односельчане Таштимирова утверждают, что атаман вплавь пытался добраться до струга, но попал в водоворот и утонул.

До 1932 г. в том месте пароходы давали гудок в честь Ермака, а у Ермаковой заводи стояли вкопанными на 70–80 сантиметров две пушки. Но теперь их смыло водой.

Женщина из Бегишево утверждала, что Ермак погиб между двумя мысами у селения Баише на Иртыше. Когда казаки проплывали мимо, их атаман был поражен стрелой из лука. Тело поймано не было, поэтому искать могилу Ермака бесполезно. По сей день, когда плывут мимо того места, бросают в воду монеты.

Русские предания о смерти прославленного атамана более живописны и разнообразны, чем татарские. В гибели атамана винили не безымянного стрелка, а его «есаула Кольцо» и самого хана Кучума. Долгое время в сибирских деревнях как порицание пьянства ходила такая притча.

«Долго Ермак с Кучумом воевали, а под конец решили, что места в Сибири всем хватит. Была у них мирьба (замирение). Сидели они в лодочке оба пьяные. Хан Кучум выждал время да и толкнул Ермака в Иртыш-реку...»

После последнего боя атамана уцелевшие казаки принесли страшную весть в Россию. Появились песни о Ермаке. Одна из них так описывала гибель атамана:

Ступил он на переходню обманчиву,
Зацепился ногой правою,
А та переходня с конца верхнего,
Подымалася да на него опускалася.
И расшибло ему буйну голову
И бросило его в Иртыш-реку...

Много песен и легенд о походе Ермака было сложено на Дону. Там же рассказывают, что Ермак Тимофеевич был старшиной станицы Качалинской, что находится на левом берегу Дона недалеко от современного Волго-Донского канала.

Нет так давно открыт «архив Ермака» (вставки кон. XVII в. в Погодинском списке), где есть данные о последнем походе и

гибели атамана. В том походе казаки дошли до реки Шиш. Кончились порох и свинец, и казаки повернули обратно. На пути попали в засаду близ устья реки Вагай. В ночном бою казаки понесли совсем небольшие потери, но лишились своего атамана. Прикрывая отход товарищей, Ермак бился до последнего и погиб. На Русь из похода вернулись 90 человек.

По свидетельству летописца С.У. Ремезова, тело атамана впоследствии было найдено молодым татарским рыбаком Янышем у Епанчинских юрт.

Старинная русская песня так описывает это событие:

Рыбаки в Иртыше неводили,
Вместо рыбы одной мертвеца притащили.
Был в броне боевой и кольчуге стальной,
Росту статного пойманный в сети...

Я донской был казак по прозванью Ермак
О покое моем помолитесь...

Тело положили на специальный помост — *лабаз*. К покойному атаману прибыл хан Кучум с мурзами, муллами, абазами, хантыйскими и мансийскими князьками. Каждый хотел своими глазами увидеть мертвого русского богатыря и пустить в него стрелу из своего лука. Тело атамана долгое время лежало нетленным, проявляя всевозможные чудеса. Птицы не смели на него садиться и клевать. По преданию, похоронили Ермака на священном Баишевском кладбище «под кудрявой сосной». Таким образом татары канонизировали Ермака в святые. Земля с могилы Ермака считалась чудодейственной, а легендарные панцири — оберегом-амулетом.

Впрочем, окрестные татары отрицают факт захоронения тела на Баишевском кладбище. Баишевское кладбище — священное мусульманское кладбище, Ермак же христианин, иноверец — *кяфир*. Такое захоронение осквернило бы *астану* — могилу шейха Хакима. Если же Ермак был похоронен в Баишево, то не на самом кладбище. Баишевские старики рассказывают, что раньше возле кладбища была могила *чужого*. Кто он был, Ермак или безродный бродяга, мы не знаем.

Немусульман татары и теперь не разрешают хоронить на своем даже рядовом кладбище — *сыерат*, не то, что на священном.

Еще в 1975 г. в юртах Комаровских (Комаул) имел место такой случай. Старик-татарин был женат на украинке и прожил с ней много лет. Когда же она умерла, то ее не разрешили хоронить на сыерат, несмотря ни на какие уговоры.

Не может быть, что в то время мусульманская вера в этих местах была слабее, чем теперь. Ведь татарская легенда гласит, что еще в конце XIV века прибыли сюда проповедники из Бухары в количестве 360 человек. В боях с язычниками почти все они погибли. На могилах тех *шейхов* впоследствии были открыты *астаны* — Кобякская, Вагайская, Подбугорная (под Абалаком), Загваздинская, Баишевская и др.

Баишевская астана до сих пор является местом паломничества татар-мусульман. Таким образом, если даже могила Ермака когда-то существовала там, то останки его впоследствии могли быть убраны.

С данным предположением согласны русские из окрестных деревень. Например, Павел Шаратов из деревни Старый Погост утверждал, что первоначально тело было похоронено или в Бегишево, или в Кобяке. Затем тело было перезахоронено, а где — неизвестно.

Правда, еще в XVII в. тайша Аблай, встречаясь в Тобольске с Ульяном Ремезовым, в откровенной беседе спросил: «Знаешь ли ты, Ульян, где ваш Ермак лежит?» Ульян же ответил, что место это неизвестно. Аблай посмеялся и обещал показать могилу атамана. Выполнил ли он свое обещание, мы не знаем.

Ныне мы находимся в похожей ситуации, имея множество письменных источников и местных легенд, мы не можем точно сказать, где покоится атаман Ермак. Ответ может дать специальная экспедиция, но это дело будущего.

Кугаевская аномалия

Когда-то старая трактовая дорога до Увата проходила через Кугаевское, богатое и знаменитое село. Разные люди останавливались здесь. Бывали историки Г. Ф. Миллер, П. А. Словоцков, С. П. Патканов. Останавливались писатели и художники. В конце 1960-х годов, когда строили новую дорогу, посчитали, что вы-

годнее провести ее мимо Кугаево через деревню Гришегор, сразу на Новоселово. Так решением какого-то чиновника исчезло несколько левобережных деревень: Семейкина, Брянцева, Абызова, Костерина.

До начала 1990-х гг. сообщение осуществлялось водным транспортом. Ходил «Омик», затем «Заря». К тому времени в этой местности остались только три деревни: Голошубина, Редикульцева и Кугаево. В деревнях Беломоиной и Атамановой было по одному жилому дому. Но затем чиновники решили, что и водный транспорт невыгоден.

Жители Кугаево остались на отшибе. Дорога «не доходит» до деревни 5,5 км, за деревней Кориково сворачивая налево. До дома приходится добираться пешком, на лошади или ждать попутную машину. В дождливую погоду дорога становится непролазной грязью, проехать по которой можно лишь на вездеходе. Но все равно люди прибираются и к заповедным борам и на далекое озеро Дракон.

Деревня маленькая. В народе живет вера в духов, нечистую силу, привидений. На протяжении многих лет здесь фиксировались появления НЛО, падение метеоритов. Селяне показали мне несколько мест, где можно встретить привидение или нечистую силу. Это старое русское кладбище, татарское кладбище у юрт Абызовских, речка Гуменная. Русское кладбище было заброшено в 1939 г. по приказу руководителей района. Было отведено место под кладбище в 2 км, у деревни Беломоина. Там находится порядка 15 захоронений. Это место все «примерно» знают, но вам не найти проводника из местных жителей. По их мнению, там «маячит» (чудится). Человек начинает плутать, а то и вовсе исчезает.

Татарское кладбище у ныне заброшенных юрт Абызовских также пользуется недоброй славой. Внезапно на человека нападает страх, так, что не слушаются руки и ноги, а волосы встают дыбом. Затем появляется либо «кто-то в белом», либо черная собака с горящими глазами. Возле самой деревни находятся три древних кургана, ограбленных еще в XIX в., а рядом с ними священная тополиная роща. До сих пор сохранились три старых тополя в три обхвата. Старики рассказывали мне, что татары ходили на моление в этому рощу, помолившись, ос-

тавляли на ветвях тряпичных куколок, повязывали ленточки, бросали монеты.

«Огненные шары садятся на грунт...»

Феноменом НЛО ныне никого не удивишь, в начале 1990-х гг. это было явление всеобщее, тотальное. Тогда видели и «тарелочки», и шарики, и зеленых человечков. Подобное наблюдалось и в нашей местности. Признаться, я и сам был свидетелем данных явлений.

28 августа 1993 г. я и мой товарищ Саша Брянцев, возвращаясь с рыбалки, стали свидетелями взлета неопознанного объекта. В 21 час на старом кладбище у деревни мы увидели синий необычайно тонкий луч, похожий на лазерный. Мы не придали этому значения, а затем над деревьями поднялся дискообразный объект серебристо-серого цвета метров тридцать в диаметре. Объект плавно полетел на северо-запад, в сторону Медвежьей Гривы. В 21.30 со стороны Тобольска, с юго-востока М.В. Иванищевой был замечен «перекатывающийся» по небу красный шар, покрытый рядами ярких желтых огней. 29 августа серебристо-серая «летающая тарелка» была вновь замечена охотниками в лесу у деревни Беломоинной.

Сентябрь 1994 г. Неоднократное появление НЛО в виде трех блестящих шаров (цвет назвать не смогли. — *Е.П.*) над Иртышом у деревни Голошубина. В том же сентябре 1994 г. видели три шара, опускающихся на грунтовую дорогу у деревни Атамановой.

Евдокия. Таежный тупик

Деревня Атаманова место необычайно интересное. Здесь среди леса прожила Евдокия Чупина, своего рода местная Агафья Лыкова. Деревня исчезла уже в конце 1970-х гг., но Евдокия никуда не уехала, как ее ни уговаривали родственники. 30 лет она прожила одна среди леса без электричества, радио, телефона. Необычайно подвижная, сухонькая, она в возрасте 75 лет лазила по кедром, собирала ягоды и грузди — «путики». Но одними природными дарами сыт не будешь, поэтому Евдокия

держала корову, овец, работала в огороде. Лес был совсем рядом, дремучий и густой, прозванный «Брянским». На многие километры тянулись болота с островами-гривами.

У местного населения «Дунька Атаманская» (так ее прозвали) считалась колдуньей. В сибирских деревнях про таких говорят «знает». Евдокия именно «знала».

Первый раз я встретился с Евдокией в 1992 г. С ее родственником мы шли тогда в Брянский лес по грузди. Он предложил зайти в гости, выпить чаю. Меня поразила дом Евдокии, очень старый с множеством комнат. Чтобы войти, пришлось нагибать голову под притолоку.

Нас встретила сама хозяйка и повела в горницу, где усадила за стол. Над столом были иконы, очень старые, почерневшие от времени. Я думаю, были они начала XVIII в., а к Евдокии попали из Кугаевской церкви Рождества Христова. Евдокия поделилась, что коллекционеры за одну из икон, самую старую, большую житийную, ей предлагали «Жигули».

Побыли мы в гостях недолго, допили чай и ушли в лес. На обратном пути уже не заходили.

Следующая наша встреча произошла на реке. Евдокия в лодке проверяла фитили. Встреча с чужим человеком, в пустынном месте малоприятна, я окликнул ее, представился. Немного поговорили, она спросила про деревенские новости.

Другие встречи были в разное время. Встречал я ее на реке, на лесной тропе, на Сухом острове среди болот.

Совсем недавно Евдокии не стало. Опустевший дом уничтожил пожар сухой прошлогодней травы — по-нашему, пал.

Предания о кладах

В начале XVII в. селение это имело название Рождественского (по деревянной Рождественской церкви), или Кугаевского погоста. Сама деревня была основана немного позднее и тоже получила название Кугаевской.

Деревянная церковь вскоре обветшала, и уже новую церковь стали строить из камня, но возведена она была только в конце следующего XVIII в.

Церковь имела богатейший приход, что позволяло содержать ее в идеальном виде. Пол покрывали чугунные плиты с геометрическим орнаментом, а у алтаря рисунок на них складывался в цветок лилии. На западной стене было сделано изображение Страшного Суда. Неизвестный художник смело поместил в Ад царей, вельмож и митрополитов, а простых людей под опекой апостола Петра направил в резной терем — Рай. Не забыл и себя, изобразив прикованным к столбу между Раем и Адом.

Историк Петр Андреевич Словцов, рассматривая эту картину, заметил, что лишь благодаря страху дремучее сознание обывателя может обратиться к вере.

Богата церковь была и иконами древнего письма в драгоценных окладах. Лично мне посчастливилось в частных коллекциях видеть две из них: икону Богоматери Казанской (Тобольской) и икону Благовещения.

В 1937 г. прибыли в село новые богоборцы. Старики до сих пор помнят одного из них, комсомольца Гошку Редикульцева. Именно он лазил на колокольню подцепить цепь к крестам.

После этого стали «изымать» церковные ценности, причем к этому делу быстро подключились особо сознательные крестьяне. Короче говоря, всяк ташил все, что мог. Предпочтение отдавалось предметам драгоценным и необычным.

Пострадали в те годы и два священника. Их привлекли к делу о ценностях, дескать, мало оказалось изъятого, ждали больше.

Из тех ценностей 17 икон и несколько предметов поступили в 1939 г. в Тобольский краеведческий музей. Вот описание некоторых из них в книге поступлений музея.

«Резная рака из дерева, покрытая позолотой. На крышке изображение Христа со сложенными на груди руками. Предназначалась для хранения плащаницы».

Сама же плащаница описана так.

«Плащаница из бархата темно-коричневого цвета, обшитая бахромой из золотой парчи с кистями, по углам шитые парчовыми нитками изображения евангелистов. Посередине во всю длину изображение Христа. Вокруг изображения парчовыми нитками вышита надпись: «Благообразный Иосиф с дерева снял пречистое тело Твое плащаницею обвив и вопями во гробе нове покрыв положи».

В 1960-х гг. собирателей древностей заинтересовал усердно передаваемый слух, что репрессированные священники спрятали особо ценные предметы в окрестностях села. Рассказывали им и о подземном ходе, выходящем из подвала церкви. На него наткнулись рабочие, когда рыли яму под столб.

Однако в подземный ход кладоискателям попасть не удалось: вход в подвал церкви еще раньше надежно зацементировали, а ответвление хода, ведущее на русское кладбище, обвалилось.

В 1970–1980 гг. клад искал преподаватель пединститута. За поиски он взялся серьезно, сначала покопался в архиве, посидел за книгами в библиотеке музея, расспросил старожилов. Но и ему клад не дался. Оставив работу, искатель предположил, что церковные ценности лишь одна из местных легенд.

В июле 2004 г. в деревню прибыли несколько тобольских кладоискателей. Они имели с собой довольно серьезное оборудование, а в его числе металлоискатель на цветные металлы. И они не взяли клад, найдя всего одну (!) медную копейку XIX в.

В недалеком будущем Тобольско-Тюменская епархия планирует заняться реставрацией церкви, как единственной каменной на Левобережье. Тогда и станет ясно, имеют ли предания под собой реальную основу.

Клады, найденные и найденные

Вопросы без ответа, или Еще раз о Золотой Бабе

По преданиям, храм Золотой Бабы находился в стране Обдорской, при устье реки Оби. Богиня держала на руках одного ребенка, а другого вела за руку. Жители тех мест называли ребяташек ее внуками.

Подле Золотой Бабы всегда лежало множество гуслей и других музыкальных инструментов, которые непрерывно наигрывали сами собой — то тише, то громче. По их звуку жрецы предсказывали будущее, ибо Золотая Баба почиталась доброй пророчицей.

В жертву Золотой Бабе приносили соболей и куниц, одевали ее в их шкуры. Даже чужестранцы, верившие в иных богов, не скупались принести для нее жертву.

Говорили, что Золотая Баба — изображение славянской богини (Мокоши, Лады или Дидилии), которое при крещении Руси князем Владимиром было вывезено язычниками в землю Югорскую.

Однако в это мало верится, потому как еще тысячу лет назад в Югру проникли новгородцы. Они то первыми и принесли известие о Золотой Бабе. Еще в «Повести временных лет» есть повествование о хождении новгородца Гюряты Роговича в землю Югру.

Одна из древнейших новгородских летописей — Софийская — повествует о Золотой Бабе как о чем-то общеизвестном и неинтересном. Сообщая о кончине в 1398 г. епископа-миссионера Стефана Пермского, летописец писал, в каких трудных условиях ему приходилось жить: *«Живя посреде неверных человек, ни бога знающих, ни закона ведящих, молящихся идолам, огню и воде, и камню, и Золотой Бабе, и волхвам и древью».*

Вслед за новгородцами, но уже в XV веке в Югру проникают москвиты.

В 1510 г. митрополит Симон в специальном послании «пермскому князю Матвею Михайловичу и всем пермичам большим людям и меньше» упрекает их в поклонении Золотой Бабе и идолу Войпелю.

В это время Золотая Баба часто упоминается в письменных источниках, но уже в XVI веке ее имя исчезает из русских летописей. Зато еще сто лет о ней продолжают писать иностранные авторы. Хотя уже был указан морской путь в сказочную Индию и открыта Америка, Сибирь по-прежнему оставалась terra incognita — неизвестной землей. А как же в неизведанных землях без диковинок!

В 1517 г. в Польше вышла книга ректора Краковского университета Матвея Меховского «Сочинение о двух Сарматиях». Она рассказывала о Московии и соседних землях много интересного, правда, не без легенд и ошибок.

Меховский писал: *«За землю, называемую Вяткою, при проникновении в Скифию, находится большой идол Zlota Baba, что в переводе значит золотая женщина или старуха...»*

В те же годы вышла книга Сигизмунда Герберштейна, посла священной Римской империи германской нации, побывавшего

в Московии. В своих «Записках...», вышедших в 1549 г., Герберштейн писал: «...идол Золотая Старуха есть статуя в виде некой старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден ребенок, про которого говорят, что он ее внук...».

С легкой руки Меховского и Герберштейна Золотая Баба прочно и надолго осела на страницах географических книг и карт. В районе Обской губы изображали прекрасную женщину, но держала она в руках уже не ребенка, а скипетр, копьё или даже дубинку.

В конце XVI в. в Сибирь приходят казаки Ермака Тимофеевича. В решающей битве у Чувашского мыса 23 октября (5 ноября) 1582 года казаки разбили войска хана Кучума, а в 1583 году поклонились Сибирью русскому царю Иоанну IV Грозному.

Три года продержались в Сибири казаки. За это время от голода, болезней и стычек с сибирцами погибла большая часть дружины. Однако множество остяцких, вогульских и татарских селений было подчинено власти «белого» царя и обложено ясаком. Пятидесятник Богдан Брызга ходил вниз по Иртышу, собирать ясак, попутно казаки тащили все ценное, так в городке князька Нимьяна (Демьяна) они искали золотого идола, сидящего в чаше.

В августе 1585 г. в бою в устье реки Вагай погибает Ермак. Тело атамана впоследствии было найдено у Епанчинских юрт. С убитого Ермака было снято две кольчуги. Одна из них была пожалована мурзе Кайдаулу (Кайдауле), а другая пошла «белогорскому шайтану в приклад». Этот особо почитаемый «шайтан» и в дальнейшем будет «всплывать» в Сибирской истории. Историк Г.Ф. Миллер в XVIII веке писал, что в Белогорской волости «было место поклонения некой знаменитой богине, которая с сыном восседала на стуле нагая...». Правда, Миллер делает оговорку, что «белогорский шайтан» совсем не Золотая Баба.

После гибели Ермака оставшиеся без атамана 90 казаков покидают Сибирь северным путем, не зная, что к ним спешит с отрядом Иван Мансуров. Почему казаки предпочли северный путь накануне коварной сибирской осени, неизвестно. Видимо, хотели уйти по течению да попутно прихватить на севере побольше «мягкой рухляди».

Не найдя казаков в Искере, Мансуров остается зимовать на Оби, в рубленном городке, в земле явно не мирно настроенных остяков. Один раз остяки даже штурмовали городок и принесли с собой знаменитого идола, почитавшегося более других. Они поставили его на дерево и молили дать победу над русскими. Мансуров велел вести на идола пушку и выстрелом он был разбит на куски. Был ли тот идол интересующей нас Золотой Бабой, неизвестно, хотя, если верить Г. Миллеру, идол был женского божества, потому как остяки поставили его к березе — «женскому» дереву.

В 1675 г. от Тобольска до Нерчинска и Китайской границы путешествовал российский посланник Николай Спафарий. Он оставил подробный перечень остяцких селений по нижнему течению Иртыша и по Оби от Самарова до Нарыма, подметил разность языка обских и иртышских остяков, но в известиях о Золотой Бабе полностью повторил Герберштейна.

Через сто с небольшим лет за идолами народов Обского севера начинается охота всеобщая — тотальная. Благо был подходящий предлог — крещение аборигенов.

На поприще утверждения христианской веры особенно потрудился митрополит Филофей (Лещинский). Ни при каком другом из сибирских иерархов не было столько крещено остяков, вогулов и татар.

Первые походы 1712–1713 гг. были предприняты крестителем Филофеем в южные районы березовских земель, в Коду.

Историк и богослов Александр Иванович Сулоцкий писал, что *«в первую поездку к остякам митрополит Филофей преимущественно занимался истреблением предметов идолослужения: всюду от Тобольска до Березова сокрушались идолы, пылали кумирни и истреблялась их утварь»*.

Надо упомянуть, что утварь была разнообразной, к примеру на святилище Мир-сусне-хума («Мир объезжающего человека») могли находиться жертвенное покрывало, шапка бога и серебряные тарелочки. Как «истреблялась» утварь, объяснять не надо.

Так были уничтожены Обской старик, Медный Гусь, Ортик и крещено три тысячи пятьсот остяков. Но некоторым идолам удалось уцелеть, так, сподвижник Филофея Григорий Новицкий сокрушался, что «настоящий кумир», обитавший в одной

кумирне с Медным Гусем в Белогорских юртах, избежал расправы и был унесен на Конду.

Из дневника Новицкого можно понять, что в дальнейшем крестители снарядили на Конду особую экспедицию, не только обращать аборигенов в христианство, но и искать знаменитого идола, который *«сего ради и не получыхом видети и известно описать о безстыдном изображении его, и доселе тамо пребывает...»*

В феврале 1714 г. Филофей крестил вогулов в Пельyme. В том же году он снова был в Березове. В 1715 г. был на Конде, у вогулов. В 1716 г. крестил сургутских остяков. В 1716 г. за год до смерти митрополит Филофей совершил поездку в Обдорск. Там аборигены едва не отправили крестителя к Богу, о котором он им говорил.

Если верить А.И. Сулоцкому, Филофеем и его сподвижниками с 1712 по 1727 г. было крещено до 40 тысяч сибирских инородцев. Каков же был итог крещения? Только ушли крестители, как аборигены достали из тайников спрятанных идолов и *«снова обратились в язычество, или, не свращаясь открыто, язычествовали тайно...не знали даже имени Христова, даже своих христианских имен, данных им при крещении»*.

Крещение аборигенов и охота за идолами продолжались и после смерти Филофея в 1750–1760 гг. при митрополитах Антонии II и Сильвестре, но уже не такими крутыми методами. Более решительно сибирских иноверцев в лоно Церкви стали привлекать при архиепископе Евгении, в XIX в.

Весной 1826 г. в Тиманской тундре начала свою деятельность миссия архимандрита Вениамина, которая осуществляла массовое, подчас насильственное крещение европейских самоедов, разрушение их святилищ и сжигание идолов. Так, разрушению подверглись два общененецких святилища в урочище Козьмин перелесок и на острове Вайгач, где было сожжено 420 деревянных идолов и водружен крест. «Поход» Вениамина завершился в 1830 году крещением 3303 (из 3983) европейских ненцев. Остальные перенесли свои кочевья в горные тундры Полярного Урала и Обдорскую волость.

В 1829 г. Обдорск посетил архиепископ Евгений (Казанцев) и с сожалением отметил, что крещеные инородцы не только не посещают церковь, но и *«само имя Христа им неизвестно»*. При

посещении Обдорской церкви, построенной на месте древнего знаменитого капища, самоеды обходили ее кругом, бросали на крышу и в ограду мелкие серебряные деньги.

17 мая 1832 г. из Тобольска в Обдорск отбыла миссия иеромонаха Макария. С Макарием в дальнюю дорогу отбыли ученик богословия Лука Вологодский, послушник и толмач. От крещения аборигены просто бежали, и 13 марта 1833 г., за 8 месяцев крестив только 17 человек (!), миссия вернулась в Тобольск. После этого случая Святейший Синод решил действовать другими методами — просвещать аборигенов, учить русскому языку и Закону Божьему.

В 1853 г. была создана северная Обдорская миссия, во главе которой на рубеже XIX–XX веков стоял иеромонах Иринарх. Миссия отказалась от крутых методов Филофея Лещинского. Проповедники разъезжали по стойбищам, дарили мелкие вещи, мыло, гребни, чай, белый хлеб, угощали детей пряниками и конфетами. В походных дневниках Иринарх упоминает, что на Ангальском мысу, резиденции рода Тайшиных находилось знаменитое капище *Нонгот нель* «Мыс духов», названное им «оплотом древней веры остяков и самоедов». Там обсуждались вопросы войны и мира, отсюда давался отпор русским колонизаторам. В связи с переселением Тайшиных в юрты Князевы капище было перенесено ниже по Оби и стало называться *Вурты Сангхам* («Кровавая возвышенность»). Кроме этого святилища в роли центра языческой веры выступали еще и юрты Пашерцевы, где по сообщению Ю.И. Кушелевского, между остяками и самоедами была заключена «клятва вечного мира», скрепленная человеческой кровью и совместной трапезой у священной лиственницы.

С каждым годом миссионеры проникали все дальше на север, отмечая, что число крещеных аборигенов неуклонно растет. В 1898 г. миссия была реорганизована в Березовско-Обдорскую и в таком виде просуществовала до Октябрьской революции.

А Золотая Баба? Неужели ее перестали искать? Оказывается, нет.

В конце XIX — начале XX в. этнограф К.Д. Носилов во время своей поездки к вогулам сообщает о точной копии Золотой — Се-

ребриной Бабе, которая хранится в Ямнель-пауле. Настоящая же Золотая Баба, по рассказам вогулов, была от крестителей унесена либо к осяткам в Казым, либо на реку Таз, к самоедам.

Во время поездки на Новую Землю Носилов пишет уже другое: *«В вершине реки Полуи, впадающей у Обдорска в реку Обь, хранится еще по настоящее время Золотая Баба. Она — в золотой одежде, особо почитается женщинами-самоедками. Но к ней допускаются только избранные поклонницы, потому что она уже не раз была предметом покушения на ограбление. Сохраняется она у одного самоеда в ящичке, куда и складываются все жертвы, преимущественно золотые вещи».*

В 1910 г. по инициативе Тобольского губернского музея Л.Ф. Шульц путешествовал по р. Салыму, собирая у местных жителей этнографические предметы. Особый интерес Шульца вызывали различные идолы и божки. Он приобрел несколько металлических идолов, а в юртах Кинтусовых «бога остяцкого общественного».

В 1911 г. по Салыму путешествовал Б.Н. Городков. Особый интерес вызывали у него жертвенные места.

В 1913 г. сотрудники музея, следуя указаниям К.Д. Носилова, путешествовали по среднему течению р. Полуи. Они приобрели с десяток деревянных идолов. Золотая Баба снова не была найдена...

В 1914 г. Музеем антропологии и этнографии на реку Казым специально была организована экспедиция Ивана Шухова. Кроме Шухова в поездке участвовали студент К.К. Лепин и переводчик А.М. Шилов. Целью экспедиции ставился сбор этнографического материала, но, думается, и не только его. Со 2 апреля по 31 мая удалось собрать 171 предмет.

Искали идолов и в первые годы советской власти.

В 1926 г. на реке Юконде нашли трех литых идолов: медного, серебряного и ... «из неизвестного металла». Находки были отправлены в Тобольск, а далее их след затерялся.

В 1933–1934 гг. происходило Казымское восстание, которое в советской историографии упоминается как «кулацко-шаманское» и является «белым пятном» в истории Сибири. После его подавления прошел слух, что Золотая Баба была найдена. Назывались два предполагаемых места: верховья Казыма и свя-

щенное озеро Нум-то. С идолом новая власть поступила круто — переплавилась в слитки, а те в свою очередь затерялись в бездонных «закромах Родины».

Анатолий Омельчук в своей книге «Манящий свет звезды Полярной», вышедшей в 1993 году, писал о необработанной бронзовой бляхе, которая не предназначалась для обмена, а шла в жертву божеству: *«Золотая баба» в моих руках это простенькая овальная бляха, которая удобно лежит в ладони. Низ бляхи обломан. Но изображение замечательно совпадает с герберштейновским описанием: в чреве высокоголовой женщины виден ребенок. Две грубо-схематичные личины на руках «бабы», или, если точнее, на ее плечах, тоже можно принять за изображение младенцев».*

Где же теперь искать Золотую Бабу? Из полевых материалов 2003 года, записанных этнографами на Конде, Золотую Бабу следует искать либо в верховьях этой реки, либо снова на Казыме.

Ермаковы клады

Во второй половине XVI в. самыми восточными российскими землями были вотчины купцов Строгановых. Строгановым принадлежали земли по Южной Сосьве, Каме и Чусовой. Когда купцы начинают терпеть обиды от набегов кучумцев, они обращаются к казакам под предводительством Ермака.

Около 1579 г. Ермак появляется на Урале. Ермак — одна из самых загадочных фигур в сибирской истории. До сих пор неизвестно, откуда был родом прославленный атаман. Северо-Восточная Русь, Урал, Волга и Дон спорят за то, чтобы быть родиной Ермака. На Дону до сих пор живо предание о том, что до похода в Сибирь Ермак был старшиной станицы Качалинской (недалеко от Волго-Донского канала).

Спорной остаются численность его дружины и датировка похода. Дело в том, что древние Сибирские летописи (Кунгурская, Есиповская, Строгановская и Ремезовская) не только не дополняют друг друга, но и друг другу противоречат. По летописи, что составил в 20-х гг. XVII в. тобольский дьяк Савва Есипов, поход начался 1 (14) сентября 1581 г. из Орла-городка, ко-

торый находился вблизи от Соли Камской. Дружина Ермака на стругах поднялась вверх по Чусовой.

В октябре повалил снег и дружина остановилась на зимовку на Чусовой в пещерах Ермак-камня. Весной 1582 г. в вотчины Строгановых Ермак не вернулся, а продолжил свой путь по Тагилу и дальше по Туре. Первый бой казаки приняли у Епанчин-городка, который находился на месте современного Туринска Свердловской области. Здесь Ермак при помощи пищалей и пушек разогнал конницу мурзы Епанчи. Затем казаки без боя заняли городок Чинги-Туру. На месте современной Тюмени было взято множество сокровищ: серебро, золото и драгоценные сибирские меха. Отдохнув в Чинги-Туре, Ермак вступил на реку Тобол. Здесь произошли сражения в устье Туры, Караульного Яра, у Бабасанского урочища, у Долгого Яра и Карачин-городка.

Согласно летописцу С.У. Ремезову все сражения произошли в церковные праздники: в устье Туры с шестью князьками (Матмасом, Каскарой и другими) в день Николы Вешнего (22 мая по н. ст.), у Караульного Яра — в Петров день (12 июля), у Бабасанского урочища — в день Казанской иконы Божьей Матери (21 июля), у Карачин-городка — в Первый Спас (14 августа).

Кучум решил встретить казаков недалеко от места сливания Тобола и Иртыша у Чувашицкого мыса. В решающей битве Кучум потерпел поражение, и казаки заняли столицу ханства. Находясь в городке, атаман занимался приумножением богатств.

«В день четвертый по взятии града Сибири, — писал летописец Савва Есипов, — прииде во град остяцкий князек именем Баяр со многими остяки и принесе Ермаку и прочим казакам многия дары».

В том же году Ермак послал в Москву посольство во главе с Иваном Кольцо с большими подарками: соболями, лисицами, песцами. Иван Грозный принял послов и «казаков же пожаловал своим царским жалованием, деньгами и сукнами».

Ермака же «заочно словом жаловал», и, по преданию, послал ему шубу со своего плеча и два панциря.

Эти панцири и представляют главную ценность и главный клад ермаковский. Семена Ремезова особо интересовала их судь-

ба. Из записанных им преданий мы узнаем, что один панцирь был пожалован мурзе Кайдаулу, а другой пошел «в приклад» белогорскому шайтану.

В середине XVII в. панцири «всплывают» то в Тобольске в семье Кайдаула, то у кондинских князей, то у кодского князя Алачая, а в конце века тобольским властям удалось отыскать одну из кольчуг у приобских самоедов.

Кольчуга была отправлена в Москву. В отписках служилые люди указали, что «на том де насыре на грудех мишени золотые, а на них вырезано на одной государево имя, а на другой орел». При тщательном осмотре было установлено, что «мишени» (клейма) не золотые, а медные и вместо имени царя «подпись князя Петра Ивановича Шуйского». Пока кольчугу везли до Москвы, то клеймо с двуглавым орлом было потеряно. В 1915 г. при раскопках на Искере было найдено еще одно клеймо с именем князя Шуйского, из чего было сделано предположение, что царь наградил Ермака кольчугой Шуйского, а «мишень» с нее атаман потерял на Искере.

В настоящий момент в Оружейной палата находится кольчуга, которая выдается за ермаковскую: ни доказать, ни опровергнуть этого нельзя. Не найдены и клады легендарного атамана, лежат они в земле и ждут своего часа.

Окончание в следующем номере

Виртуальный эпистолярый*

* * *

Уважаемый Юрий Лукич!

Хотя причиной моего обращения стало отнюдь не желание выразить вам благодарность, справедливости ради надо сказать, что как рядовой житель своего города я на самом деле не могу без благодарности видеть ваши издания, в том числе продолжение трудного пути краеведческого журнала. Да и в целом, город — это люди, и я рада, что один из них — вы.

А побудил меня к разговору свежееизданный сборник стихов Елизаветы Ганопольской. Но сказать хочу не о ней, а о вас. Издатель счел необходимым сопроводить книгу своим предисловием (уже знакомым по более раннему сборнику, ну так тем более). Предисловия могло и не быть. Кто их читает? Те, кого тронуло творчество поэта, или те, кому авторитетно мнение автора предисловия. В моем случае — оба варианта.

Читательский стаж (не будем искать редакционно-издательское и литературоведческое определение этого жанра) заставляет ожидать от него, возможно, биографическую справку, воз-

* После выхода в свет книги Елизаветы (а именно так она любит, чтобы ее величали) Ганопольской в «Тюмени полосатой» по электронной почте в адрес издателя пришло письмо. Оно необычное, поскольку написано любителем местной культуры. Но, учитывая, что автор письма достаточно известен среди богемы города, имя его решили не называть. Более того, некоторые места переписки заменены многоточием в квадратных скобках. Другие моменты прокомментированы издателем стенгазеты. — Лук & Чок.

можно, легкую рецензию, возможно, личное переживание издателя по поводу следующего далее текста. Во всяком случае, это та часть книги, которая должна проложить дорожку к автору. Кто-то захочет ей воспользоваться, а кто-то найдет свою. Но тут нас подстерегает «нарушение ожидания»: предисловие напрочь отбивает желание оценить автора. Оно откровенно говорит: «Да нечего тут читать! Недоразвитость женская, пустота поэтическая, пьесы те вообще — ученический опыт. Поверьте мне, я ее давно знаю», — укрепляете вы весомость своего мнения в глазах читателя, который Лизу, может, и вообще не видел. «Есть тут у нас такая блаженная — ну почитайте, позабавьтесь».

Стих уж хотя и хитроустроенная материя, но в то же время весьма проста логика его потребления: задел — хороший, не задел — значит, ни о чем. Я говорю как читатель. А ведь и вы обращаетесь к читателю. Подходящее место вашей интересной и внимательной к автору статье — в газете, журнале, в ЖЖ.

В любом другом печатном издании, но только не на первых страницах книги автора. Вы как редактор своего издательства должны отвечать (должностные обязанности все-таки) за сохранение единой концепции издания. Концепция данного издания — порадовать тюменцев творчеством их соотечественника, ходящего по тем же улицам и из той же давящей повседневности говорящего стихами. При этом повседневность не приукрашена, не искажена, она очень узнаваема и, судя по тому, что именно с ней у вас лично ассоциируются ганопольские стихи (тоска, хлорка, капуста, тряпка), передана очень точно.

Но в ней — и вы, и мы, и она. Я поверю ЕЙ — и увижу свою повседневность иначе. А вы СВОЕЙ повседневностью раздавили в статье поэтический мир автора. Кроме того, что вы остались совершенно глухи к тому, о чем собственно пишет поэт, вы еще и кичитесь этим. Как не слышащий ультразвука уверял бы, что летучие мыши и жирафы молчат. Ну да бог с вами, это лично ваше. Кто здесь может быть судьей? Не зацепило, значит не про вас и не для вас сказано Лизой. Это обычное дело. Но вы взяли почему-то на себя право предъявить свое читательское всем в статусе авторитетного слова. Ведь это в предисловии, ведь это исходит от самого издателя! И позволяете

себе перешагивать границы жанра каким-то кошачьим омонимом имени автора («Лизка»). И мало вам этого. Вы еще и вдогонку тем, кто еще сомневается в ваших словах, в P.S. нескромно подкрепляете авторитетом русской лит. традиции со всем ассоциативным полем имени Лиза (если кто из читателей и подзабыл несчастных блаженных русских Лиз, то уж языковое устойчивое «бедная Лиза» знает даже тот, кто ходил в школу только в кабинет директора). И мучает при этом вопрос: зачем?

Зачем № 1: зачем это изысканное мастерское унижение? автора, читателя, имеющего иное мнение? так виднее ваш собственный рост?

Зачем № 2: зачем вы это издаете, если так мало ценности в этом усматриваете? Получается, что не только поэт мучается вопросом, куда и кому он пишет (что в-общем уже поэтическая риторика), но и наш издатель одолеваем смятением: нужно ли то, что я издаю, кому-то. Но есть при этом разница: поэт имеет право на рефлексию подобного рода, издатель может видеть плачевную реальность нечитающего и непоэтического люда, но извините, а что ж он тогда издатель? Ну, поэта не заткнуть, он пишет, потому что ему это девать некуда, его распирает. А издатель — профессия. Решил выпустить книгу — отвечай за нее, а не отмахивайся. А это какой-то подростковый комплекс непонятости, такое высокобюджетное самовыражение. Тут и заблудишься: вы (издатель) существуете благодаря в том числе Ганопольской (автору)? Ганопольская существует благодаря вам? Проходишь мимо мандрикиного (извиняюсь за речевую фамильярность) крыльца — думаешь: молодец! низкий поклон человеку в его труде, пусть востребованном и оцененном менее, чем заслуживает, но и детям своим покажу — вот крыльцо издателя Мандрики в ряду дома Колокольниковых, словцовского училища, где Пришвин, Ленин и т.д., потому что достояние города.

Поэтому и ждешь доброго, ответственного отношения к автору, к читателю нашего и, будем надеяться, будущего дня. Я понимаю частность своего мнения и незначительность высказывания. Но мы в одном географическом и литературном пространстве, диалог неизбежен.

Подпись

[27.12.2008]

* * *

Всякое творчество направлено на сотворчество читателя. И вы вправе свою составляющую иметь ту, которую имеете. И тут — ни дать ни взять... Я очень нежно отношусь к Лизкиному творчеству. Для меня суффикс -к- — суффикс субъективной оценки: уменьшительно-ласкательное и т.п.

Я вряд ли существую за счет Ганопольской... Книги (обе) изданы благодаря моим трудозатратам, но никак не ее финансам. И в первую очередь в этом мое отношение. Вложение средств в ее имя — это попытка помочь [...] стать писателем. Писатель ли она? Об этом скажет результат продажи ее тиража. Писателем [...] становится тогда, когда у него появляется массовый, пусть даже элитарный читатель. И не раньше.

Пока из двухсот отпечатанных мной экземпляров продано только 8*. Из них 5 купил ее папа. В Перми даже начинающие поэты умеют продать 1000 экз. Мы, живя с Лизкой в одном географическом и литературном пространстве, говоря вашим языком (а может, выпренно вершининско-дворцовским... нет-нет, я не ревную!), не научились этого делать. Пока... Лизка не хочет ходить на встречи с читателем. При моей загнанности я готов заниматься организацией ее встреч. Сегодняшним языком это называется раскрутка...

Увы... Она также сильно обиделась на меня за предисловие. Оно — то же, что и в первом издании. Там оно ей нравилось, и она хотела, чтобы я его повторил. Написанное на одном дыхании, при прочтении, оказалось, страдает массой алогизмов и т.д. Попытка переписать его приводила к тому, что оно начинало рассыпаться. И даже один повтор, который было просто необходимо убрать, я не смог. Для меня текст летел весь... Так что уж извините... Я не умею так сопереживать, как вы. Я сопереживаю Лизкиному творчеству несколько иначе. И это не беда. Это мое творчество. Ваше — в вашей чернильнице. И если я вас спровоцировал на написание отклика единственному в городе читателю стихов (Лизка, когда пишет новые стихи, обязательно дает их мне, мол, больше

* На момент подписания в печать стенгазеты книги продано 100 экз. Для местного поэта очень неплохой показатель. — Лук & Чок.

некому... И я это очень ценю) — это здорово. Но будет лучше, если вы лягнете мое предисловие публично. Его напечатают с величайшим удовольствием. Вы посмотрите, как резвилась пресса (опять-таки географическое и литературное пространство) вокруг моего имени после представленного моим издательством на региональный конкурс книги издательства ППШ. Никто и не упомянул издательство, которое к моему имени* не имеет никакого отношения. Помогите раскрутке Лизки, лягните меня публично... И буду благодарен не только я...

* Молодой конкурс, несмотря на свой возраст, оказался безупречно ленивым. Не исключено, что его правота — в функциональности сегодняшних книжных конкурсов: помочь в реализации издания. А поскольку местная книга предназначена чаще для «унутренне-го» корпоративного употребления, то лень не только оправданна, но и детерминированна. Поэтому конкурс и ожидал исключительно самовыдвижений. Мы решили нарушить традицию. К чему это привело, читатель газет уже знает.

Но после публикации в «Комсомольской правде в Тюмени» информации о книге «Душанежопа», поступившей на региональный конкурс «Книга года», как-то поздно вечером, даже скорее ночью, ко мне на мобильный позвонил заместитель директора одного из департаментов правительства области: «Лукич! Ты молодец, что не ходишь со всеми в ногу. Поверь, они вскоре соберутся, обсудят проблему, примут решение и сообщат тебе о нем». После такой тирады появлялась стопроцентная уверенность, что парткомы уже снова появились, и поэтому следующим этапом должен стать взрыв общественной активности масс, выразившийся в повсеместном появлении стенгазет. «Лук & Чок» первым откликнулся на призыв времени. Так журнал «Лук & Чок» стал стенгазетой. Прямо как в сказке Михаила Светлова, когда гривенник после «на чай» превращается в девочку-копеечку... Сплошной кризис и потеря всяческой ориентации...

Но голос из «Siemens»'а пропадать не хотел. После многообещающего начала был задан вкрадчивый вопрос: «А у тебя нет лишнего экземпляричка почитать?» Ссылка на ППШ (есть несколько расшифровок этой аббревиатуры: Полиграф Полиграфович Шариков, Полуподпольная шарага и др.) вызвала удивление: «Не твое издательство?». «В самом деле, кто еще в городе, кроме меня, мог издать такое?» — пришлось удивиться и мне.

Кстати, издание ППШ члены жюри умудрились не заметить, хотя кое-какой креатив в раскрутке регионального конкурса был сделан самым жестом «Душинежопы». — Лук & Чок.

Лизка меня лягнула молча... Она перестала общаться со мной. Это ее право. Помню, когда издал на деньги издательства [*фамилия местной поэтессы опущена публикатором*], из 500 экз. оставил себе где-то около 100. Мало ли, проверка какая-то... Я люблю поэтессу [...]. И готов был повторить в «Тюмени полосатой» еще раз ее стихи... И даже не боюсь, что история повторится снова... Тогда она трекала на всех перекрестках, что мы на ней отмываем деньги и попросту обворовали ее... Может, и не трекала, но доброжелатели передавали это с удовольствием...

Еще круче была история со Светкой Соловьевой, ныне покойной. Она была убеждена, что на ее имени мы заработаем если не миллионы, то бешеные бабки. Пришлось заплатить денег столько, чтобы ей хватило оплатить долги по коммуналке за несколько лет. Денег, выделенных Елфимовым, не хватало. Даже помощь, очень мизерная, администрации города не спасла мой карман. Я был рад, что мы сообща ей помогли... Мне до сих пор не может этого простить А. Елфимов*. У него существует проблема квадратного гектара с Воробьевым, бывшим мэром Тобольска**. И, как всякий мужчина, он хотел быть первым, лучше всех и единственным... И никакие стихи его при этом не грели... Поэтому, когда вы говорите о том, что я существую благодаря Лизке, я вижу в этом и несколько иной дискурс.

Хотите подтекст. Если мы все сообща сумеем продать тираж, пусть мизерный, только тогда Вы смело можете трубить везде, что я живу благодаря Лизке. Нет, вырученные деньги не покроют затраты... Магазины принадлежат 50% накрутки. Вы сможете придумать еще более крутую штуку: я использовал Лизкино творчество для своей рекламы, рекламы имени

* На презентации книги С. Соловьевой он не присутствовал, а недавно отчитал меня за «тогдашнее» самостоятельно принятое решение в поиске дополнительных финансов как нашкодившего мальчишку, хотя условия подрядного договора позволяли мне иметь соинвестора и самому быть таковым. — **Лук & Чок.**

** Очевидно, не забыты лавры своего кресла. Хотя причина таких взаимоотношений может быть различной. И она вряд ли нам, обывателям, должна быть интересной. — **Лук & Чок.**

издательства... И будете глубоко правы... Кому какое дело, как я отношусь к Лизке...

С уважением к вашему мнению круглосуточный Мандрррр-ррика... [В ту же ночь]

* * *

Спасибо за ответ, не отмахнулись, проявили внимание. Тем более что разговор наш не публичен*, от моего мнения ваш авторитет не пострадает, и вы не были вынуждены что-то доказывать. Ну и на самом деле, толчком моему письму была естественная реакция читателя, а не желание уязвить.

Ваше предложение перенести мое мнение в прессу... Ну, если только Лукич не лукавит, предлагая это...

Вам действительно не привыкать к таким отзывам (это вы тот самый отсутствующий член жюри «Книги года»? Вершинин не сдержался указать на факт его отсутствия, дескать, нервы не вынесли). Я, правда, не знаю, где и как это лучше сделать. Уж если сочинять из этого спланированную пиар-акцию, то надо ее продумать. Можно перекроить письмо в статью, приплюсовав отзыв на Лизины стихи. Но я в литературной ипостаси публичного статуса не имею: не журналист, давно не литературовед, давно не педагог, диссер бросила, в партиях культурной полемики города не отмечалась (вы пытались по языковому признаку отнести меня к известным личностям: Н.П. на первом курсе вправду будоражила пылкий ум на лекциях по литведу, но потом уехала за докторской, так что я «не ее студент». С Г.? Вершининым лично не знакома, его заслуги трепета не вызывают. Соберетесь меня заедать, делайте это напрямик). И в силу всего выше и много сказанного — насколько интересно публике и газете будет МОЕ высказывание? Может, удачнее будет вам, Мандрике Юрию Лукичу, оформить это чем-нибудь вроде «письма читателя» и ответной реплики?

Я с большим интересом прочитала про ваши издательские и творческие муки, но, говоря о существовании «за счет», имела в виду совсем другую связь — функциональную. Я даже нарочно

* Именно эта оговорка не позволила стенгазете артикулировать имя корреспондента. — Лук & Чок.

употребила не «за счет», а «благодаря», избегая быть превратно понятой. Вопрос был: издатель существует, потому что писатели пишут, или писатели существуют, потому, что их печатают издатели. Поэтому никаких подтекстов о «наживаться на писателе» не было. И быть не могло, потому что знаю, что такое издательский и редакторский труд, который многим кажется невидимым, — дай бог, чтобы он был хотя бы оплаченным.

Ну и на тот случай, если вам нетрудно ответить, спрошу: «Лукичей» и «Лукичков» перехватывала всегда по знакомым и отдавала, а хотелось бы по-приличному покупать и копить на полке для возвращения к чтению. Да и буровская книга у меня чужая. Это возможно?

С уважением *подпись*

[29.12.2008]

* * *

Не знаю, был ли я членом жюри на книге года. Меня, во всяком случае, никто не извещал. А то, что резвятся за спиной...

И Бурова, и оба номера журнала «Лук&Чок» продаются в «Знании».

А планировать склоку вокруг Лизки мне лень... Лучше за это время я издам еще Андрея Маркиянова. Если он протрезвеет...*

С Новым годом!

Кстати, «Лук&Чок» № 2 получился очень даже неплохой. Извините, но это даже не нескромность...

Ю.

[В ту же ночь]

* * *

Ну вот, купила «Лук&Чка», Бурову и заодно старых «Лукичей». Окунуться не успела. А пишу, чтобы поблагодарить и, раз предпраздничный вышел разговор, поздравить вас с Новым годом.

Здоровья вам для вашего и нашего блага! Новых тем, авторов, читателей, ценителей!

Подпись

[31.12.2008]

* Случилось. И как он убеждает сам — больше ни-ни-ни...когда. Книга стихов и прозы под названием «Ожидание близких снегов» издана.

* * *

Отныне я буду всем говорить, что видел живого читателя своих изданий. Вернее, слышал его голос...

Может, помните пьесу Жана Кокто: «Человеческий голос»? Извините, ассоциативное мышление...

С Новым годом... Пусть он будет менее високосным...

И еще кстати об издателях...

Суворин знаменит не потому, что у него издавался Чехов. Это сентенция... Суворин знаменит тем, что он сотворил Чехова... *Но почему-то никто до сих пор не признается в этом.

Ю. [В ту же ночь]

* Сперто из «Бесконечного тупика» Дмитрия Галковского.

Новое из жизни тюменского первопечатника

В отделе рукописных фондов Государственного литературного музея недавно удалось обнаружить письмо. Самый яркий представитель сибирского областничества Николай Ядринцев писал 10 августа 1876 г. краеведу и публицисту из Нижнего Новгорода А.С. Гацискому: «В Тюмени я видел Высоцкого, типографщика и местного предпринимателя. Они думают издавать справочный листок, для которого я придумываю программу. Надо изобрести такие листки, чтобы при видимой скромности программы можно было развернуть по необходимости литературную газету. Это приходится умудриться. В Тюмени познакомился с паромоводом Игнатьевым, заводящим телеграфы, поощряющим экспедиции и проч. И воодушевил его для экспедиции на Кемь. Он очарован сибирскими местностями. Рассказывает про Чулым чудеса и дива. Тюмень как местный город произвел приятное впечатление. Здесь видны ростки умственной жизни.

В Тюмени показали мне коллекции рисунков некоего Калганова, местного карикатуриста, уехавшего в Москву. Калганов выше Знаменского, есть темы и кисть [*1 нрзб*]. Но человек [*1 нрзб*] погибнет а la Помяловский» (ГЛМ. ОРФ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 251. Л. 22 об.–23).

Но в этом письме идет речь совсем не «Сибирском листке объявлений», а о другом издании. В 1877 г. К.Н. Высоцкий задумал организовать справочный листок «Надежда», но его прошение по причине неблагонадежности просителя не было удовлетворено (РГИА. Ф. 776. Оп 11. Д. 1. Л. 305).

Умер К.Н. Высоцкий в ноябре 1886 г. «Восточное обозрение» писало об этом: «В городе Тюмени недавно умер весьма почтенный и уважаемый обыватель К.Н. Высоцкий. Покойный основал там типографию и пробовал издавать даже листок объявлений. Кроме объявлений здесь помещались сведения о кустарной промышленности. К сожалению, эта попытка, как и

другие добрые начинания К.Н. Высоцкого, потерпела неудачу. Покойный в своих предприятиях отличался безукоризненной честностью, трудолюбием и энергией, но при окружающей спячке и апатии он умер надорванным и исстрадавшимся» (Восточное обозрение. 1886. 14 нояб., № 46. С. 4).

О Дедушке Фаддее

Федор Федорович Филимонов родился в 1862 году в городе Камышлове Пермской губернии в купеческой семье. Учился в Московском коммерческом училище. За чтение противоправительственной литературы в 1883 г. был сослан на три года под гласный надзор полиции в Ирбит. Вскоре, по ходатайству родителей, ставших к тому времени владельцами винокуренного завода в Черной речке, был переведен по месту их жительства, в Тюмень. Практически с началом ссылки стал сотрудничать с «Восточным обозрением», публиковал свои стихи в «Ирбитском ярмарочном листке» под псевдонимом «Гейне из Ирбита». Был частным поверенным в Тюмени и Ишиме. С 1887 г. переезжает в г. Красноярск, где издает сатирический журнал «Фонарь». Автор книг «Песни сибиряка» (1890), «Стихотворения» (СПб., 1898), «За прошлые годы. Песни сибиряка» (СПб., 1913).

В конце XIX в. его едкая сатира на сибирских губернаторов, регулярно появлявшаяся на страницах сибирских изданий, вызвала негативную реакцию даже у департамента полиции, который никак не мог выяснить, кто подписывается именем «Дедушка Фаддей».

Сегодня можно объяснить, почему из предпринимателей Черной речки того времени в сегодняшней литературе фигурирует только Панфилов, хотя журналистике известно и другое имя — И.С. Левитов, который на той же территории занимался экспериментами в сельском хозяйстве. Все просто. Илья Семенович был женат на родной сестре Филимонова Юлии Федоровне. А Дедушку Фаддея расстреляли в марте 1920 г. в Красноярске. Большевики... Т.е., активного сотрудника самой «социалистической» газеты «Восточное обозрение» признали врагом Советской власти...

Содержание

	паноптикум
Повесть о пережитом. Воспоминания Л.Н. Бурковой	
<i>Публикация Л.А. Типикиной</i>	3
Аркадий Иванов. Из далёкого прошлого	
<i>Публикация и комментарии Л. Боярского</i>	42
Материалы к биографии Михаила Анфимовича Рылова	
<i>Публикация и комментарии Ю.Л. Мандрики</i>	74
Материалы к биографии Марии Николаевны Костюриной	
<i>Публикация и комментарии Ю.Л. Мандрики</i>	112
	штудии
Владимир Ефремов. Промышленная деревня Духовка	27
Лев Боярский. Аркадий Иванов и «наивные писатели»	
Тюмени	39
Стас Белов. Звагельские	
<i>Из цикла «Еврейские сюжеты»</i>	97
	клеветон
Юрий Мандрика. От среды к... седьмой пятнице	89
	архивная пыль
Владимир Ефремов. Вор-рецидивист Иван Камочкин	102
Елена Балюнова. Дела семейные А.А. Дунина-Горкавича	105
Лев Боярский. История одной фотографии.	
Водяной дворец инженера Бельского	109
	энциклопедия
Евгений Панишев. Чудеса и тайны Тобольска	126
	ахертектура
Виртуальный эпистолярый	157
Архивный суржик	166

НОВАЯ ЦЕНА

100 руб

коп

Благовещенская
церковь (г. Тюмень),
разрушенная в 1932 г.

Рисунок начала XVIII
века.

РГАДА. Ф. 214.
Оп. 1. Ед. хр. 1451.

№ 214. Лист 1451

ГД
298

Св. Благовещенская церковь

Титулярный Советник
Павел Иванович
Мухоморов
Секретарь
С. Мухоморов

Титулярный Советник
Павел Иванович
Мухоморов
Секретарь
С. Мухоморов

Св. Благовещенская церковь
Титулярный Советник
Павел Иванович
Мухоморов
Секретарь
С. Мухоморов